

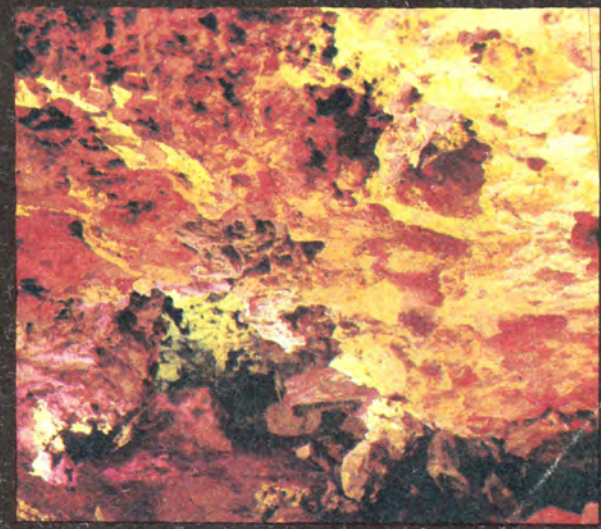
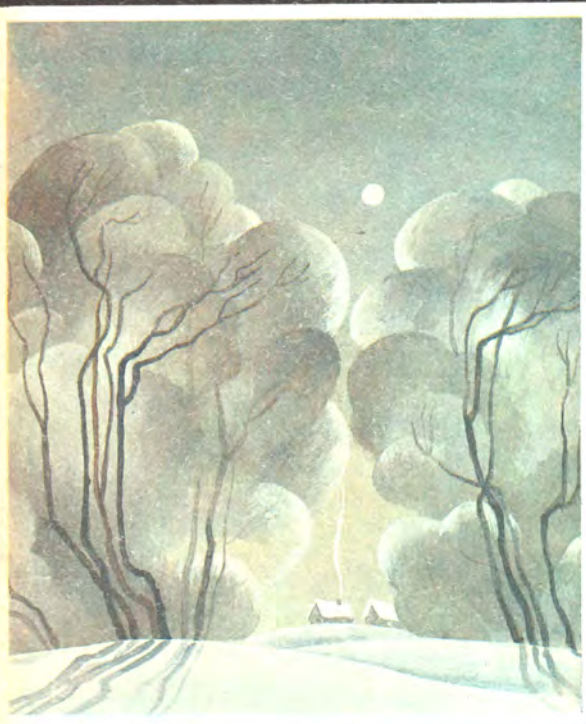

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-211X

Следопыт

1'88

Организаторы

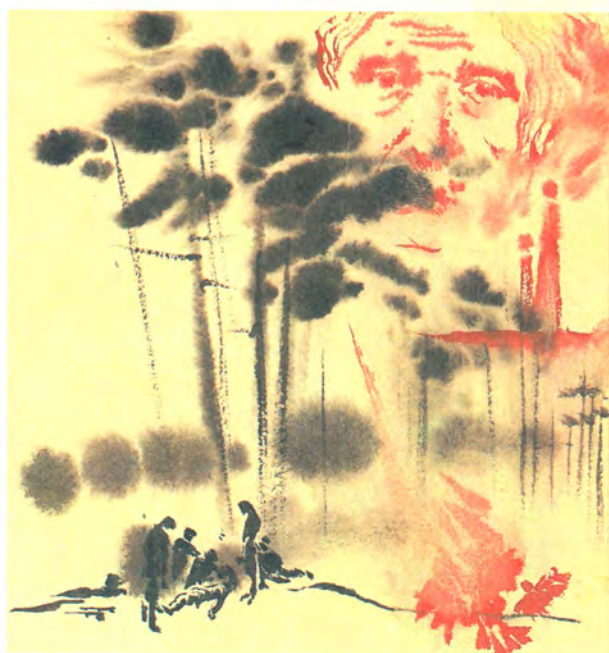

Рисунок Елены Пьянковой

**БОРОВИКОВ
НИКОЛАЙ
СЕРГЕЕВИЧ
1923—1943**

ПРОСЬБА КОМИССАРА

Мой окоп, выдолбленный финским ножом в торфянистой лесной земле, был справа от окопа тяжело раненного комиссара Боровикова. Слева от него — окоп медсестры Ольги Лукьяновой, Лёльки, как мы ее звали; чуть дальше — рядышком окопы начальника разведки Павла Коробкина, он тоже ранен, и разведчицы Марии Соболевой. Остальные семеро расположились по окружности диаметром метров в пятнадцать. Не прошло и суток, как мы приземлились в районе Чутянского леса и напоролись на карателей.

Боровиков иногда приходил в сознание, но больше был в забытии, тихо стонал и постоянно просил пить. Двадцать лет было комиссару нашего партизанского отряда Коле Боровикову... Я протираю ему губы смоченной марлей, как научила Лёлька. Рядом лежала граната Ф-1, она была приведена в действие: если немцы прорвутся, мы подорвемся.

Темная украинская ночь спускалась на лес. Нас скрывала мелкая листва кустарника, в который мы только что перешли из большого леса и где заняли круговую оборону. Командир Евгений Иванович Петров верно решил. Днем немцы не станут искать нас здесь, у дороги, а будут прочесывать лес.

Ранение Боровикова тяжелое, в живот. Помочь мы ничем не можем. Иногда он несвязно спрашивает, как Коробкин, где немцы. Я отвечаю, успокаиваю его. До полночи он стонал, мучительно шептал слова и вдруг отчетливо

сказал: «Толик, расскажи родным, где, как погиб... Держись...» Моих слов он уже не слышал. К нам подползла Лёлька, взяла его за руку, тихо сказала: «Всё...»

Каратели оставили нас в покое лишь до утра. Утром они снова станут искать десантников, и мы это знаем. Усталость морит, очень хочется спать. Вторые сутки мы на вражеской территории. До линии фронта — семьсот километров.

Чтобы не заснуть, я вспоминаю, как мы познакомились с Николаем. Было это в марте 1943 года, в селе Большая Кирсановка Ростовской области. В моем родном селе — тут родился, жил. Шел мне тогда тринадцатый год. Вдоль села протекала река и по ней проходил «Миус-фронт», как называли его гитлеровцы, он стабилизировался на полгода. Я хорошо знал разведчиков одного из полков 248-й дивизии, они постоянно ходили в поиск за «языком». В незнакомой местности, в лесах, без знания бродов, да еще ночью трудно ориентироваться без проводника, вот они и брали меня с собой.

Однажды в селе появилась державшаяся особняком группа вооруженных людей в гражданской одежде. Они были из отряда имени Дзержинского — группа Петрова и Боровикова. Им предстояло перейти линию фронта и действовать в тылу врага. Разведчики порекомендовали меня в проводники, и я официально был зачислен на все виды довольствия как разведчик партизанского отряда имени Дзержинского.

Читайте на стр. 2.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

1'88

В НОМЕРЕ:

А. Запорожец ПРОСЬБА КОМИССАРА	2
А. Кобезский ДВА ПАТРОНА	3
В. Струихин БЕЗ ГАРАНТИИ НА ЖИЗНЬ. Из записок солдата	4
А. Гушин ФЕРМА В ПУРПЕ	9
Г. Иванов «НЕПОСЛУШНОЕ ПЕРО. НЕНАСЫТНАЯ БУМАГА»	10
Т. Чунина МНЕ ВСЕ ЗАГАДОЧНЫМ КАЗАЛОСЬ... Стихи	12
Р. Солнцев ВОСТОРОЖЕННЫЙ БЕГЛЕЦ. Повесть. Начало...	13
Е. Котельников СИЗЫЙ. ХОББИ. Стихи	32
Р. Каптиков УЗОРЫ СЕВЕРА	32

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

О. Ларионова ЗВЕЗДОЧКА-ВО-ЛБУ [ЧАКРА КЕНТАВРА] Космическая опера. Начало	33
ЗАОЧНЫЙ КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ	53

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Попов ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ: «...Я ПРИДУ ПО ВАШИ ДУШИ!»	57
И. Орлов ДЕТИ ДЕКАБРИСТОВ	62
А. Чечулин ХУДОЖНИК МИРОНОВ	62
В. Бердинских «СИБИРСКИЙ» ХЛЕБ	63
В. Ефремов ПЕРВЫЕ ИКОНОПИСЦЫ	64
Ю. Люсинов СИГНАЛЫ СУДЬБЫ	64
А. Минин ТРАВЯНАЯ ТРОПА В НИКУДА	65
В. Шавырин НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ	68
Б. Рябинин ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ...	76
А. Протасевич СЛОВО О ВОРОБЬЕ	77
С. Коркодинов В ГОСТЯХ У БЕЛОЧКИ	79
МИР НА ЛАДОНИ	80

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22а

Телефоны отделов:
51-55-56 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики, прозы и
поэзии),
51-53-20 (науки и техники, пуб-
лицистики),
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепе-
чатанными на машинке через 2
интервала, 60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

Подписка на журнал принима-
ется без ограничений. Индекс
73413. Подписная цена на год —
4 руб. 80 коп.

По вопросам подписки и достав-
ки обращаться в районные отде-
ления «Союзпечати».

Сдано в набор 9.10.87 г.
Подписано к печати 26.11.87 г.
НС 11186.
Формат бумаги 84×108/16.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 11,9.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 468 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 456.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки рис. Лю-
бови Ткач «Зима» и фото
Игоря Горячева «Кунгур-
ская ледяная пещера».

ПРОСЬБА КОМИССАРА

Анатолий ЗАПОРОЖЕЦ

Начало на 2-й стр. обложки

В апреле нас отозвали в Ростов, тогда он был тыловым городом, и после ускоренной подготовки июньской ночью вывели на правый берег Дона на Кировоградчину.

Приземлились все удачно, собрались без блуждания, разыскивали десантные мешки, закопали парашюты и углубились в лес. Притаились, стали ждать рассвета.

Поутру вышли в разведку. На большой поляне женщины окучивали картошку. Партизаны спрятались в кустах, а я подошел к женщине, что была ближе к лесу и в сторонке от других. Оказалось, жена лесника. Она сказала, что утром к ним на кордон приезжали двое полицейских и спрашивали о каких-то парашютистах. Позже мы узнали, что парашюты видел ночью и донес о них табунщик из села Плоское.

Мы вернулись в расположение отряда. Усилили наблюдение, приняли все меры маскировки. Говорили только шепотом.

В конце дня слышался гул мотоциклов. Командир сказал Боровикову:

— Коля, надо выслать двоих поближе к дороге. Понаблюдать...

— Я пойду, и Коробкин со мной, — ответил Коля.

— Давай.

Спрятав пистолеты в карманы, ребята ушли. Через час раздались выстрелы — сперва автоматные, потом одиночные, прогремело два взрыва. Загрохотали, но удаляясь, мотоциклы, и все стихло.

Петров пошел туда. С ним ушли Леша Рыжков, Саша Краснов, Вася Белодед и Ольга Лукьянова. Когда вернулись — Боровикова несли на руках, а Коробкина, всего в крови, вели под руки. Он был ранен в обе ноги, в руку и голову. Лелька перевязала раненых. И вот тогда Петров приказал перебраться в мелколесье, ближе к дороге.

Коробкин рассказал, что произошло на дороге. Мотоциклисты их засекли и дали очередь по деревьям. Наши выстрелили в ответ и ранили одного водителя. Другой фашист из коляски бросил одну за другой две гранаты. Коля успел схватить одну и отбросить назад, в мотоциклистов, где она и взорвалась. Вторая граната разорвалась прямо у него в руке,

смертельно ранив его ~~самого~~ и изувечив осколками Коробкина...

С рассветом второго дня мы завернули Колю в плащ-палатку, присыпали землей, а место замаскировали листвой.

Весь день немцы прочесывали лес. Были слышны не только выстрелы, но и команды, разговоры. Наши сидели в кустарнике, а я весь день вел наблюдение с поляны, где росла картошка. Вечером каратели сняли блокаду, решив, видимо, что мы ускользнули. Когда спустилась темнота, мы из Чутянского леса ушли в Черный лес...

Годы шли. Данными я располагал очень немногими — не знал даже отчества Коли Боровикова, года его рождения, но помнил, что он из Орловской области. О том, что наши заявления и анкеты с фотокарточками, которые мы заполняли перед уходом в тыл врага, хранятся в партархиве Компартии Украины, я не знал. Только в 1966 году я обратился в партархив. В справке сообщили немного: «Николай Сергеевич Боровиков, 1923 года рождения, погиб в июне 1943 года в районе Черкасс (?). Родным сообщено об этом в марте 1944-го».

Орловский облвоенком ответил мне, что фамилия Боровиков очень распространенная, и без указания района разыскать невозможно.

Написал в Центральный архив Министерства обороны, так как уже знал, что Боровиков был направлен к нам как политрук из 64-й армии. А мне ответили, что справки архив может давать только заинтересованным лицам: родственникам или следопытам, а я ни тем, ни другим не являюсь... Д-да... Решил я ждать очередного отпуска, чтобы самому поехать в партархив ЦК КП Украины и добыть все сведения, какие есть.

В апреле 1985 года поехал в Киев. Сотрудник Института истории партии А. С. Ткач просмотрел личные дела бойцов нашего отряда. И наконец отыскался адрес, который я столько лет искал... Боровиков Николай Сергеевич родился в селе Соснов-Болото Выгонического района Орловской области. Установить, что этот район и село в 1944 году отошли к Брянской области, уже не составляло труда.

Написал в Выгонический райисполком, и зам. председателя тов. В. Н. Андреев ответил, что из родственников комиссара удалось разыскать его сестру, Марию Сергеевну, которой и вручено мое письмо. Вскоре получил весточку от Марии Сергеевны Петрусенко. Она писала: «Есть у Коли еще сестра и брат, мать жива, а отец, Сергей Яковлевич, скончался в 1971 году, так и не узнав, где могила сына».

Я сразу ответил со всеми подробностями, на восьми листах, выслал 50 фотографий — место, где он погиб, боевых друзей Коли, газеты, где упоминается его имя, рассказы о встречах с партизанами (из двенадцати десантников живы сейчас четверо).

А летом поехал к ней. Чтобы через 43 года выполнить просьбу комиссара... Мария Сергеевна сводила меня на кладбище, где похоронен отец. Рядом с его могилой стоит памятник с фотокарточкой и надписью: «Боровиков Николай Сергеевич, 1923—1943 гг.». Символически родные похоронили Колю рядом с отцом...

Решили, что на следующий год мы вместе с Марией Сергеевной заберем останки Коли, и его захоронение перестанет быть символическим.

Джамбульская обл.

ДВА ПАТРОНА

Александр КОБЕЗСКИЙ

Рис. Владимира Казакова

Передо мной на столе два старых патрона. Я нашел их в окопе под Санчарским перевалом среди втоптаных в землю ржавых гильз. Они лежали вперемешку, наши и немецкие. А между ними торчала сухая осенняя трава. И вот теперь они на моем письменном столе, такие чуждые домашнему уюту.

Один патрон от немецкого карабина, другой наш — винтовочный. Оба зеленые, на пулях — короста ржавчины. Гильзы помяты, видимо, не под одним каблучком побывали, немецкий — с вмятиной от боя на капсюле. Сейчас даже не очень верится, что эти две железки могли той осенью — осенью 42-го — оборвать две человеческие жизни.

Я пытаюсь представить себе бывших хозяев этих патронов... Немецкого горного егеря, сытого, крепкого парня, очевидно альпиниста в прошлом, вооруженного и экипированного со всей немецкой тщательностью. Он был в числе тех любимцев фюрера, стрелков дивизии «Эдельвейс», прошедших Альпы, как нож сквозь масло. Теперь он пришел устанавливать «новый порядок» здесь, то есть убивать, убивать, убивать... В кого же он целил эту пулю в том сентябре? И как, наверное, досадовал на осечку, на то, что не удалось убить еще одного «Ивана». Если не он сам, то кто-то из его товарищей до войны наверняка бывал в этих горах, ходил нашими теперешними маршрутами. И если не тот «Иван», то другой по-человечески делился с ним лучшим своим куском, уступал гостю сухой угол в непогоду, приходил на помощь, если случалась беда, даже рискуя своей жизнью. Изю всех сил пытаюсь понять, как можно было забыть горное братство, грабить недавних друзей, стрелять, быть может, в бывшего товарища по связке... Нет, понять я это не могу. Наверное, вправду ид фашизма может убить человека в человеке.

Интересно, как сложилась его судьба дальше, куда повели дороги войны и далеко ли? Может быть, это его кости мы видим в разбитом немецком блиндаже на перевале Алаштхару? Или, может быть, это его, вытавшего из Марухского ледника, в 1962 году вез в рефрижераторе на родное кладбище седой сын? А может быть, ему повезло — он калекой, но живым вернулся в свой разоренный войной рейх. Если это так, то как он живет теперь со своей памятью и совестью? Научился ли смотреть людям в глаза? Смог ли пролитую кровь списать на фюрера, на войну?..

И все же, в кого тогда целил фашист? Скорее всего, это был один из тех солдат 42-го, кто, теряя товарищей, цепляясь за все, за что можно было зацепиться, отступал с равнины в верховья Лабы. Он уже видел много смертей — не только смерть товарищей, но и расстрелянные санитарные машины, разбитые составы беженцев, раздутые на жаре трупы

женщин и детей, горящие города и села. У него были уже свои, личные счета с фашистами. И ненависть, душившая его, помогла выстоять. Он, истекая кровью, считая последние патроны и сухари, замерзая в окопах, знал, что надо выиграть время, выдержать недели, дни, часы, минуты. Знал, что страна собирает силы, формируются новые части, в том числе и горнострелковые, не уступающие в экипировке и горной подготовке «эдельвейсовским». Он держался, пока был жив... А может быть, этому парню посчастливилось быть и среди тех, кто весной 43-го крушил остатки «Эдельвейса», гнал их вспять по знакомым тропам?

Я просверлил отверстия в гильзах и высыпал порох. Наш — серебристые цилиндрики, немецкий — аккуратные квадратики. И подумалось о тылах армии. На тыл вермахта работала вся Европа, но работала по-разному. Наверное, и осекся патрон, сохраняя жизнь нашему солдату, не случайно... И вспомнился наш тыл — женщины и дети, жившие в цехах, работа в 2—3 смены под открытым небом в эвакуированных цехах, заводы, не прекращавшие работу и под бомбежками...

Вот о чем напомнили мне эти два патрона.

Все дальше от нас война, но не слабеет о ней память, да и болят еще старые раны, да и живы еще, рядом с нами солдаты той Великой Отечественной... Они еще живы, они с нами — и это великая радость! Как нам нужно беречь и ценить их, как нам нужно учиться у них — и любви к Родине, и самопожертвованию, и душевной стойкости, и мужеству! Тому великому мужеству, о котором сложены многие легенды, написаны многие бессмертные книги.

Вот и сегодня мы предлагаем вашему вниманию рассказы о прошлой войне. Рассказы о мужестве, о нелегкой солдатской доле, рассказы о буднях войны. Написал эти страницы Виктор Николаевич Струихин — непрофессиональный литератор. Слово-то какое тяжелое — непрофессиональный... А между тем рассказы эти очень легки для восприятия, потому что за ними стоит подлинное чувство и такая же подлинная жизнь, подлинная человеческая боль. Да и не нужно было автору ничего сочинять и придумывать, потому что он — рядовой той войны, которая отняла у него многих и многих друзей, а самому ему принесла многие испытания. Вот об этих нелегких испытаниях, о боях и ранениях, о смертях и прощаниях с боевыми товарищами о вере в неизбежную победу — эти страницы. И еще о многом другом, потому что «на фронте все были равны перед страхом, опасностью и всем, что не чуждо человеку». Так пишет Виктор Струихин. И мы ему верим, потому что, повторяем, войну он видел своими глазами. За боевые заслуги он был награжден орденом Красной Звезды, участвовал в боях на Орловско-Курской дуге, был дважды ранен и спасен фронтовыми хирургами. После войны он окончил Свердловский горный институт, потом аспирантуру при Алма-Атинском политехническом институте, потом работал в Казахстане горным инженером-маркшейдером, сотрудничал в газетах и журналах... И все это время мечтал и надеялся, что однажды придет время, и он напишет свои маленькие рассказы, воспоминания — о войне, о боевых товарищах, о тяжелых боях и походах, о солдатском подвиге и вере в победу. И вот, нам кажется, такое время пришло. «Без гарантии на жизнь» — первые рассказы из этого большого задуманного цикла, это странички из биографии солдатского подвига на фронтах Великой Отечественной...

Виктор ПОТАНИН

БЕЗ ГАРАНТИИ НА ЖИЗНЬ

Виктор СТРУИХИН

Из записок солдата

Все мы находились на войне в одинаковых условиях, поровну делили радость и горе, но каждому доставалось по-своему. Бегущий рядом падал, сраженный пулей, а ты оставался жив. Живые заменяли погибших. Были среди нас и будущие герои.

Я не могу сказать, что моменты опасности, пережитые мною, были самые страшные. Но от них веяло холодом смерти, пронизывающим до костей. Некоторые эпизоды войны настолько запечатлелись в памяти, что и теперь чувствуешь все как наяву.

ПОХОДЫ

Наш учебный батальон двадцать шестой отдельной гвардейской дивизии числился во втором эшелоне и следовал в двух-трех километрах от передовых наступающих частей. По тактическим соображениям батальон постоянно переводили с одного фланга дивизии на другой. Но у пехоты ноги — тоже сильное оружие, вдобавок к огнестрельному и холодному...

«Тревога!», «Строиться!», «Марш вперед!» — такие команды следовали в любое время суток, в большинстве случаев — ночью. Команда «Привал!» передавалась по колонне через каждые сорок — пятьдесят минут. После этого желанного слова садился на снег, не снимая с плеч вещмешок, устраиваешь его так, чтобы лямки не давили плечи, вытягиваешь ноги и отдыхаешь. Если разрешалось курить, скручивали самокрутки, прикрывая огонек ладонями, дымили. Мешок весом около тридцати килограммов так оттягивал плечи, что иногда думалось: «Освободи меня от него — и я пройду сто километров без отдыха...» «Встать!» — раздается команда, и опять перед тобой маячит вещмешок на спине товарища.

Подъемы, походы настолько утомительны, что спишь на ходу. Если идешь крайним в колонне, то сонный можешь уйти в сторону и двигаться несколько метров один, пока не проснешься сам или кто-нибудь не дотронется до тебя и не скажет: «Эй, дезертир, не отрывайся от массы!» Незлобно смеются над тобой, смеешься и ты над другими. А когда находишься в середине колонны, то натыкаешься на других и идешь, как в клетке...

После перехода в несколько десятков километров следует команда: «Остановка! Строить землянки! Рыть траншеи!» Сколько же их, бывало, построил за два-три дня проживания на одном месте. Случалось, отдыхая в землянке, засыпали все, даже дневальный. И от жарко натопленной печки-буржуйки, которую носило с собой отделение, землянка загоралась в перекрытии. Ее мы тушили и строили новую.

На одном участке нас подняли по тревоге и привели на склад боеприпасов. Последовала команда: «Снять ремни, привязать по гильзе и снаряду, перекинув через плечо, по одному в шеренгу с интервалом в семь — десять шагов двигаться за направляющим!» Весь батальон длинной вереницей направился к артиллерийским позициям подкрепить «бога войны» его «хлебом» (так иногда приходилось действовать там, где нельзя было показаться автомашинам, чтобы не демаскировать позицию).

Здесь мне посчастливилось в нескольких шагах от себя увидеть прославленного полковника Константина Константиновича Рокоссовского, он оббежал позиции фронта. Высокий, стройный, в серой каракулевой папаше, кожаном пальто, вышел он из «Студбеккера». Энергичным, размашистым шагом подошел к батарее, вскинул бинокль и несколько минут изучал переднюю линию обороны противника. Вдруг повернулся в сторону нашей вереницы, улыбнулся и поприветствовал нас, подняв руку. Потом он вернулся к машине, и через несколько секунд она скрылась из виду, умчавшись по извилистой лесной дороге...

Местом для отдыха — нашим домом — были лес или кустарник. На остановках мы разводили костры, если это разрешалось, возле них обогревались, обсушивались, «прожаривали» от насекомых одежду. На пепелище из нарубленных веток делали подстилки и укладывались на ночь по

два-три человека, постелив одну шинель, накрывшись другой и плащ-палатками. Если ночью выпадал снег, он таял от нашего тепла, и в углублениях палатки скапливалась вода. При подъеме осторожно вылезали из-под укрытия и использовали эту воду для умывания.

Однажды старшина произвел общее построение роты. Он прошел вдоль строя и, указывая на одного, другого, третьего, приказал: «Три шага вперед!» Таких набралось человек четырнадцать. Когда они вышли из строя и повернулись к нам, мы увидели, что у каждого из подшлемника выглядывает более или менее чистая часть лица — половина лба, нос, губы и половина щек, но возле прорези подшлемника чернеет полоса от дыма и копоти. Мы рассмеялись, хотя наши лица были не намного чище. Последовал приказ: «Раздеться!» Солдаты разделлись до нижней рубашки, и снова по строю прокатился смех. Со стороны казалось, что на них надет другой, черный подшлемник — так было закопчено лицо, шея, уши. «Умываться!» — приказал старшина. Раздетые стали умываться снегом, а мы ежились, глядя на эту процедуру. Мороз был градусов двенадцать. Старшина помогал — набирал в горсть снега и протирал тому или иному шею. Вскоре от ребят пошел пар, стали чистыми лица и шеи, а белый до этого снег покрылся черными хлопьями грязи. Некоторые солдаты смеялись, некоторые злились, но общее настроение поднялось. «Вот теперь вы как новые медные пятики», — пошутил старшина.

После марш-броска останавливались там, где заставал рассвет. Ветер гулял над нами, пробирая насквозь. Чтобы укрыться от него, рыли окопы на двоих-троих и прятались в них. Если поблизости находились кусты, мы рубили их саперной лопаткой и покрывали сверху окоп, устилали ими дно. На отдыхе, после проверки взводным командиром боевой готовности оружия, «классных» занятий по уставу или политинформаций, проводили досуг в своих «конурах». Мы с другом Аркадием Борисовым носили гильзу от небольшого снаряда, сплюснутую на конце и наполненную карбидом. Она служила нам светильником. Забравшись в окоп-траншею или шалаш, снимали вещмешки, укладывали автоматы, усаживались поудобнее и при тусклом свете самодельной лампы читали вслух письма из дома.

Шалаш или траншея отгораживали от внешних звуков, создавая относительный уют. Война будто отступала в эти минуты, забывались прошлые невзгоды и трудности, не хотелось думать о будущих, да никто и не знал, какие они будут и чем кончатся. Мы читали письма...

«БАНЬКА»

Развернув письмо из дома, я стал читать еле заметные строчки, смятые в промокшем мешке и стертые на гнибах, но уже выученные наизусть: «...С твоим другом Самохваловым Григорием работаем на лошадях. Возим сено, дрова для скотного двора...»

Нахлынули воспоминания о друге, о юности, о детских шалостях, пресекаемых строгой и справедливой матерью...

У отца было ружье. Оно висело на стене, и, когда никого не было дома, мне нравилось, сняв его со стены, взводить курок и щелкать им. Однажды в такой момент в комнату забежал мой дружок Гриша, а я взял да и прицелился в него. Гришка испугался и выскочил за дверь. Встретив моего старшего брата, он рассказал о моих проделках, а брат — маме.

Вечером мы с ребятами так азартно играли в лапту, что пот выступал на лбу. Вдруг старший брат подходит ко мне и спрашивает: «Ты что натворил сегодня? Вот придишь домой, мать тебе задаст!» Вспомнив про ружье, я похолодел. Пот моментально высох на лбу. Я задрожал, почувствовав страх перед наказанием. В тот вечер я долго бесцельно слонялся по улице и берегу озера, надеясь протянуть время до темноты, а там прошмыгнуть в дом, когда утомится мать и ляжет спать. Потом я мог скрыться среди братьев, спавших на полу вповалку под широ-

ким и длинным пологом, а утром за домашней суетой мать забудет мою провинность и не задаст взбучку.

Тихо, как копка, подошел я к двери, открыл ее и уже собрался незаметно проскочить, но не тут-то было! Мать заметила меня, видимо, ждала. Хотя и без того ей не приходилось рано ложиться, работы хватало дотемна. Я остановился в дверях, как вкопанный, и не мог перешагнуть порог. Мать посмотрела на меня и спросила: «Пошто балуешься с ружьем?» Заплетающимся языком я промямлил: «Так я... я... нарочно. Оно ведь не заряжено...» Мать без лишних слов подошла ко мне, взяла за руку и перетащила через порог. Потом зажала мою голову меж колен, стянула штанишки и ладошкой, от чего-то мокрой, стала «угощать» меня шлепками по мягкому месту. Братья не спали и, переживая за меня, выглядывали из-под полога. Я считывал шлепки, но не плакал, хотя было жгуче больно, и ждал, когда прозвучит последний.

Мать вскоре посчитала, что наказание достаточное и урок хороший на будущее для меня и братьев, отвесила последний шлепок — и колени ее разжались. Я мигом скользнул и шмыгнул под полог, стало легче от того, что наказание кончилось и за провинность расплатился сполна. Неуверенность, боязнь и дрожь сняло, как рукой.

Братья вскоре заснули. Мой зад горел, но боли не чувствовалось. Мать еще некоторое время управлялась на кухне — ставила квас, замешивала квашню. Она увидела, что я не сплю, и негромко позвала: «Иди поешь!» Поставила кружку молока и положила ломоть хлеба.

Пустой желудок давал себя знать еще тогда, когда я бродил по улице. Осторожно выбравшись из-под полога, чтобы не разбудить братьев, виновато подошел к столу. Под внимательным и ласковым уже взглядом матери я с аппетитом съел хлеб, запивая его молоком. Мать тихонько погладила меня по голове и сказала: «Нельзя шутить с ружьем, ведь оно могло быть заряжено». Еще чувствуя ее милое прикосновение и трогательно-душевный голос, тихо залез я под полог и вскоре заснул от усталости и после этой непредвиденной «бани»...

Я писал с фронта: «Эх, с какой радостью я испытал бы такую баньку сейчас от твоей руки, мама, будь я дома». Родные позднее рассказывали, что весело вспоминали то письмо и радовались, что и на фронте я не лишился чувства юмора.

Положив письмо под низ пачки, я достал следующее...

В небе слышался гул самолетов со стороны противника. «Воздух!» — раздался тревожный сигнал. Мы с Борисовым выглянули из траншеи и стали следить, в каком направлении летят самолеты, куда будут падать бомбы — на нас или обойдут стороной. Послышался раздражающий душу вой. Мы плотнее прижались к стенке траншеи, присев на корточки.

Жуткие это минуты — во время бомбежки. Забегая вперед, скажу об одной. Я, раненный в ногу, лежал в палатке полковой медсанчасти перед отправкой в тыл. Пролетевший на большой высоте самолет противника сбросил несколько бомб в наше расположение. От их воя и пожилые раненые, побывавшие во всяких переделках, прятали головы под матрацы. Я же лежал на носилках на полу, свалился с них и спрятал голову под носилки. После войны рассказ об этом эпизоде вызовет смех у моих дочерей, а тогда было грустно и стыдно за свою трусость.

А трусость ли это? Скорее, инстинкт самосохранения, доходящий иногда до абсурда. Никто и никогда не оставался спокойным во время бомбежки, не имея надежного прикрытия над головой. Затаив дыхание, ожидаешь, куда попадет. Редко кто оставался невредимым, если бомбы падали возле окопов и траншей. Они сыплются рядом, одна воронка перекрывает другую. Если бомба не разорвет тебя, то взрывом засыплет или оглушит.

Наконец этот кошмар кончился. Последние бомбы упали за нами, сотрясая землю, потом все стихло. Через несколько минут связанной бежал от окопа к окопу, от воронки к воронке, спрашивая о жителях.

Человек на войне как-то приспосабливается быстро забывать случившееся. Остался жив — и добро, хотя впе-

реди может быть еще похлеще. После боя, стрельбы и взрывов всегда хотелось тишины. И если кто начинал говорить громко, на него шикали, чтобы говорил шепотом или на полтона ниже.

Переглянувшись, мы с Борисовым уселись на дно траншеи и долго молча прислушивались, не будет ли какой команды. Страх отступил, и стало легко и даже радостно. Я невольно вспомнил про домашнюю мамкину «баньку», перед которой тоже чувствовал страх и неуверенность, а получив взбучку, обрадовался, что все кончилось. Так и сейчас мы с Борисовым радовались, что после такой «бани» остались живы и невредимы.

«Давай закурим», — предложил я другу. Он достал пачку моршанской махорки, на которой было написано: «Эх, махорочка душиста! Хорошо ее курнуть. Бей проклятого фашиста, не давай ему вздохнуть!» На другой стороне была нарисована винтовка со штыком, воткнутая в свастикку.

Свернув самокрутки, мы глубоко затянулись и задумались каждый о своем...

ПРОВОДЫ

«На днях проводили в армию ребят двадцать шестого года», — сообщал мне отец в одном из писем. И вспомнилось, как всем селом провожали нас с другом на фронт...

Война шла уже два года, когда пришла повестка: «Явиться в военкомат к двенадцати часам 6 августа. Иметь при себе...» Со слезами на глазах мать подала мне повестку, когда мы с отцом приехали с поля, где молотили хлеб на селожке (был такой агрегат для обмолаа зерна).

Юность и есть юность — я не почувствовал никакого страха. Поужинав, решил сходить на вечерки и к другу, которого призывали вместе со мной. «Не задерживайся долго, побудь с нами сегодня», — попросила мать и стала готовить квашню, чтобы завтра испечь подорожники.

Прослышав, что мне пришла повестка, соседи и родные потянулись к нам. Кто нес масла, кто сметаны, кто яиц, кто муки, отделив от небольших своих запасов. Когда я вернулся домой, комната была полна народу. Разговаривали, читали письма с фронта, где сообщались новости и выражалась твердая уверенность: «Мы вернемся с победой, ждите, не унывайте!»

Мы с отцом сели в передний угол, я положил руку на его колено. Он время от времени наклонялся ко мне и давал наставления, которые, считал, мне пригодятся: «Ты сразу находи друзей, с ними легче. Слушайся командиров, выполняй, что говорят, и изучай терпеливо все, о чем рассказывают».

Далеко за полночь разошлись гости. Наступило утро. Я проснулся и увидел мать, хлопчущую у печи. Она, видимо, так и не ложилась спать, а глаза ее все блестели от слез.

На пристенных лавках в горнице уже сидели родные, знакомые, соседи. Через некоторое время пришел посыльный от сельского Совета и сообщил: «Повезет в военкомат Николай Герасимович. К девяти часам быть у сельсовета». Николай Герасимович был плотный крепыш, среднего роста, работающий и выносливый мужчина, но сильная близорукость, или, как у нас называли, куриная слепота, не давала ему быть в армии, и он, как и мой отец, не покладая рук, трудился в колхозе.

После сообщения посыльного мать еще больше затопилась, все у нее повалилось из рук. Подошла соседка, успокоила ее, помогла накрыть на стол и уложить подорожники. Отец в это время (он работал бригадиром) наряжал колхозников на работу, но они, получив задание, задержались на проводы. Отец вернулся домой, огляделся, вымыл руки и подсел ко мне за стол. Мать пододвинула сковородку блинов, чашку с маслом и молока. Все родные уселись позавтракать.

Перекусив немного, все встали. Мне не хотелось есть, я тоже встал, но мать настаивала: «Съешь хоть один блинчик, долго не придется тебе отведать таких...» Свер-

нув блин, я обмакнул его в масло, присел на несколько секунд, съел и запил молоком.

Гости выходили во двор. «Ну, присядем на дорожку», — сказал отец и сел на лавку, за ним присели и мы с матерью и сестренками. Через минуту встали и направились к дверям. Мать заплакала, остановила меня, перекрестила. Отец тихо, с трудом удерживая слезы, сказал: «Не надо, Анфиса, успокойся. Не мы первые и, видать, не мы последние провожаем», — и незаметно смахнул рукавом все-таки накотившуюся слезу.

На улице собралось уже много народа. Стали подходить ко мне прощаться, приговаривая: «Потом не добиться до тебя, так давай простимся сейчас». Из ворот дома напротив вышел высокий, сухошавый с белыми волосами старик. Он приближался медленно-медленно, и я сам повернул к нему. Он подал сухую, жилистую руку, наклонившись ко мне, обнял, поцеловал и тихо молвил: «Прости меня, старика, что гонял, бывало, вас за детские шалости. Поди, не увидимся больше, занедужил я, видно...»

Это был родной дядя моей матери, Иван Архипович, прошедший и царскую службу, и гражданскую войну — отставивший Советскую власть от Колчака партизанским командиром. Я подошел к сидящей на лавочке у дома тетке, его жене, долгие годы незрячей после родов последней дочери. Их у нее было четверо, а сын, точная копия отца, с первых дней был на фронте. Тетка прижала меня, поцеловала мокрыми от слез губами, потом перекрестила. Из ее незрячих, но таких же ясных, как здоровые, голубых глаз катились слезы, и она не скрывала их. Она ничего не сказала, не напутствовала, только от плеч до пяток провела своими чувствительными пальцами, повернула меня, легонько провела рукой по спине, потом, видно, еще раз перекрестила и направила на дорогу.

Я подхватил под руки дружка Гришу, мамину сродную сестру Ангелину Ивановну, дочь Ивана Архиповича, и запел частушку: «Посмотрю, мать, в окошко, когда солнышко взойдет, во твоей веселой горенке никто не запоеет». Тут кто-то запел новую военную частушку, и другие подхватили: «Высоки Карпаты горы, я и то на них зашел, задумавшего товарища убитого нашел». Частушек пели много, пока шли до сельсовета. В них говорилось и о расприклятой войне, и о погибших милых и родных, о тоске ожидания и о любви.

Почти одновременно с нами к сельсовету подошла толпа людей, провожающая моего друга Петра Сбродова, который жил на другом конце деревни. Со мной стала прощаться его половина деревни, с ним — моя.

В те годы было заведено, что уходящие в армию завивали венки на березках, росших в километре от деревни. Мы с песнями и частушками пошли туда, чтобы соблюсти ритуал. Я неумело загнул ветку на березе, и, когда стал завязывать венок, она надломилась. Мать и несколько человек ахнули, заметив это. Когда после войны я возвратился домой, мать рассказала: «Твой венок засох и весной не распустился. Я долго плакала, еще больше стало горько, что сестра твоего друга сказала: «Витькин-то венок завял, а нашего Пети зеленеет, вашего убьют, а Петя домой придет».

...Дальше и дальше от дома уходила дорога, а перед глазами все стояли дорогие лица родных. «Увижу ли их снова?» — подумал я.

...Мне представилась плачущая мать, утирающая фартовым лицом. Почему-то вспомнилась твердая и быстрая походка отца, когда он заходил с мороза в избу, окутанный клубами холодного воздуха, и энергичными движениями развязывал кушак, снимал шубу и как-то бережно стягивал папаху, сшитую из овечьей шкуры. Он любил эту папаху и носил ее все зимы, постоянно подновляя...

ОТКРОВЕННОСТЬ

Мы не были героями, но заполняли ряды. Мы прятались от пуль и снарядов — боялись смерти. Мы падали там, где шли или стояли, при взрыве снаряда или мины.

На фронте все были равны перед страхом, опасностью и всем, что не чуждо человеку...

«Слушай, Борисов, я забываю, как звучит мое имя. Давай наедине звать друг друга по имени!» — обратился я к другу. «Мне тоже этого хочется! Ты, Витка, хорошо придумал!» — ответил он. И так по-домашнему буднично прозвучало это «Витка!». «Аркаша, достань-ка табачку, закутим да покурим», — попросил я и увидел, как он переменился в лице. «Так звала Тоня», — сказал он. Достал письмо и прочитал несколько строк: «Здравствуй, милый Аркаша! Так скучаю, что кажется, мы в разлуке целую вечность...» Потом пропустил несколько фраз и продолжал: «Приходили меня сватать, я отказала. Тебя буду ждать, ждать всегда!» Он так и засиял, прочитав эти строки.

«А ты целовалась со своей девушкой?» — спросил он. «Нет, как-то щекой однажды прижался только...»

Так, уединившись, мы откровенно делились воспоминаниями о доме. Очень хотелось оказаться в родных местах наяву. Но впереди еще предстояли бои, и нужно было огромное напряжение сил, нервов, чтобы выдержать все испытания. Война была в полном разгаре, мы радовались тому, что нам уже не приходится отступать.

С ДРУЗЬЯМИ СТРАХ ОТСТУПАЕТ

— Хороший народ дальневосточники — сильные, смелые, сообразительные. С ними, Аркаша, и страх отступал. Довелось нам вместе прошагать многие километры, — начал я рассказ о наступлении во второй декаде июля 1943 года.

Ночью по тревоге в составе батальона мы сделали марш-бросок от Козельска на передовую. Перейдя позиции наших артиллеристов, мы двинулись к траншеям врага, из которых он был уже выбит, и многие фашисты попали в плен.

Наша задача состояла в том, чтобы развить дальнейшее наступление. Взвод противотанковых ружей (ПТР), приданный роте, следовал в рядах стрелков. Перескочив траншеи противника, мы подошли к опушке березового леса. Вдруг оттуда нас обстреляли автоматчики противника. После первых же их выстрелов батальон открыл по лесу такой шквальный огонь, что посыпались сбитые ветки.

Через несколько секунд путь был свободен. Но в небе появились два «мессера» и атаковали цепи батальона. Небольшие тонкие березки не прикрывали нас от огня. Пули хлопали, разрываясь, и визжали, срикошетив от земли. Батальон залег, были слышны одиночные винтовочные выстрелы.

Мы своим расчетом ПТР выскочили на широкую поляну. Первый номер Малошонков положил ПТР на мое плечо, припал на одно колено и ждал следующего захода самолетов. Они возвращались, поливая огнем батальон. У второго ружья где-то замешкался второй номер, а секунды текли, самолеты приближались.

— Мищенко, ставь ружье на второе плечо, — крикнул я первому номеру второго ружья.

Прицелившись, Малошонков и Мищенко почти одновременно выстрелили, но в цель не попали. Зарядив ружья, они успели вдогонку выстрелить еще, но снова неудачно.

Самолеты повернули на следующий заход. Я стоял лицом к первым номерам и видел, как напряженно они ловили на мушку цель, стараясь не повторить ошибку. Прогремели выстрелы, и ликующим, радостным и в то же время злобным голосом выкрикнул Малошонков: «Один готов, сука!» Самолет врезался в землю и взорвался, а другой поспешно убраться.

Мы облегченно вздохнули. Командир батальона видел наше единоборство и приказал представить к награде.

В этот день мы маршем прошли по дорогам километров пятнадцать, не встретив никакого сопротивления. Как только спустились сумерки, батальон остановился, в

ложбинке и, не зарываясь в землю, расположился на ночлег.

На рассвете после команды «Подъем!» разрешили съесть неприкосновенный запас питания: несколько сухарей и банку американской тушенки на двоих. Прошли с полкилометра, начинался смешанный лес, и только мы двинулись ближе, по нам открыли огонь пушки. Батальон броском рванулся вперед, быстро проскочил это пространство, мы окружили батарею из четырех пушек, и прислуга была уничтожена. У батареи в запасе оказались тысячи снарядов, уложенных в широкие траншеи. Под руководством Малошонкова, в прошлом зенитчика-дальневосточника, развернули одну из пушек и выпустили двенадцать снарядов по движущимся вдали цепям немцев, потом по команде «Вперед!» двинулись дальше.

Километров через пять атаковали еще одну оборонительную линию с окопами и дзотами. Вдруг несколько фашистов прорвались к нам в тыл. Малошонков взял винтовку, оставив меня с ПТР, и стал стрелять по ним, встав в полный рост для лучшего обзора. Но тут его настигла пуля, к счастью, не смертельная. Я перевязал раненого и принял командование взводом. В том бою мы не досчитались во взводе десяти человек.

До сих пор помню фамилии своих однопольчан — Крылов, Суворов, Кротов, Николаев, Сорокин, Малошонков, Мищенко... «Много лет, много зим пролетело, но память на это крепка. Хотя уже старится тело, но тянется к встрече рука». Может, кто и жив...

...Так делился я своим опытом с другом уже как обстрелянный боец. С Борисовым мы не расставались до того самого рокового дня 7 января 1944 года, о котором и пойдет дальнейший рассказ.

РОКОВОЙ ДЕНЬ

«На построение!» — услышали мы команду. Закинув вещмешки и автоматы за плечи, бойцы вылезли из своих укрытий. После общего построения последовал приказ: «Рассчитаться по десять человек и выбрать из своей десятки командира. Ваша рота переходит из учебного батальона в распоряжение сорока пятаго стрелкового полка на передовую линию обороны».

«Вот теперь уж действительно будем на самом переднем крае. Впереди только враг. А жутко как-то, Витка, и ответственно», — сказал мой друг Аркадий Борисов. «Да, сейчас будет одно — ты его или он тебя. Защищайся, дерись, убивай и гони врага подальше с родной земли».

Тому, что нам командира не назначили, а разрешили выбрать самим, есть свое объяснение. Нас учили на младших командиров. Потом, видимо, в трудной нехватке резервов, передали в 75-й стрелковый полк той же 26-й гвардейской дивизии, под командованием офицеров, которые нас не знали, они и решили этот вопрос путем голосования.

Происходило все под Витебском, в девятнадцати километрах от города, 6 января 1944 года. Право стать командиром отделения имел каждый из нас. Борисов предложил меня, остальные поддержали его. Я отвел отделение к склону оврага, в готовую широкую нишу мы натаскали веток, расположились на них и стали коротать время до следующего приказа.

Я назначил связного от отделения в распоряжение командира взвода. Через несколько минут поступила команда выделить по три человека для получения боеприпасов. Мы дозарядили автоматы, а оставшиеся патроны и гранаты, запалы отдельно, рассовали в вещмешки и карманы.

Вечер приближался быстро. После ужина, завернув самокрутки, закурили, прикрывая ладонями огоньки, устроились поудобнее, вплотную прижавшись друг к другу, и вскоре заснули. В полночь связной сообщил: «Быть наготове и через десять минут собраться в ложнине».

За вечер погода испортилась. Ветер порывами бросал в лицо мокрый снег. Как только вышли из своего укрытия, почувствовали пронизывающий до костей холод. Снег

на нас сразу таял и каплями стекал вниз. Шинели ниже пояса застыли и на них можно было садиться, как на стул.

По колонне передали команду: «Не курить, не разговаривать, двигаться вслед за командирами взводов по отделениям в одну шеренгу». Под вой ветра, по снежной слякоти, в крошечной тьме двинулись на передний край обороны. Там расположились в траншеях и стали ждать следующей команды.

Итак, впереди только противник. Мы оказались на самом «горячем» участке фронта. Немцы пускали ракеты, у нас было тихо. Остаток ночи прошел спокойно, хотя несколько раз приходилось вскакивать и разогреваться.

Разгоралась заря. Бойцы, съевшись от холода, продолжали дремать, прижимаясь к стенкам траншей. «За завтраком!» — послышалась команда. Завтрак согрел нас, прордогших за ночь.

«Командиров отделений к командиру взвода», — передали по цепи. После сбора командир взвода отдал приказ: «В семь часов начинается сорокапятиминутная артиллерийская подготовка. Первой начнет «катюша» и она же даст последний залп. Задача — выбить немцев из траншей и занять высоту. Направление — на вершину сопки. Ориентир для отделения наметите сами».

Тучи, разбросанные по небу, как огромные куски ваты, двигались, освещенные восходящим солнцем, еще невидимым на горизонте. Порывистый ветер трепал ветки чудом уцелевшей березки вблизи траншей. Впереди был небольшой склон, потом опять подъем на высоту, а дальше виднелся лес, огораживающий поле. В низине рос кустарник, отдельные деревья, а между ними висел мелкий ручеек. Невысокая сопка, изрытая воронками, возвышалась впереди, как белый шатер, прорванный в нескольких местах. Мой взгляд остановился на стоящем в поле танке с разорванным стволом и лентой растянутых гусениц. В борту в центре свастики зияла пробоина.

«Вот этот танк и будет ориентиром для отделения», — подумал я.

Ровно в семь часов «бог войны» — артиллерия открыла огонь, начавшийся с песни «катюши». Воздух наполнился сплошным гулом орудий и рвущихся снарядов. Смерчи взрывов на сопке разрывали белое полотно снега. В ответ со стороны противника снаряды со свистом пролетали над нами и разрывались где-то в тылу. Мины с фырканием рвались рядом. Мы плотнее прижимались к стенкам траншей. Последний залп «катюши» — и все на несколько секунд стихло.

«Вперед!» — раздалась команда. «Вперед! За Родину! За Сталина!» — крикнул я своему отделению и выскочил из траншей. По всей линии фронта, как лавина, пошла пехота. Противник усилил огонь из оставшихся огневых точек. Разрывы снарядов и мин нарушали цепь наступающих, но она упорно приближалась к вражеским траншеям. Наша артиллерия возобновила огонь, загоняя противника в укрытия.

«Ура-а-а!» — неслось по полю, подкрепляемое треском выстрелов. Немцы дрогнули и вереницей стали выбегать из первых траншей. На углу стыка траншей второго ряда у немцев сохранился пулемет. Он открыл бешеный огонь по нашей цепи. Ровный склон давал ему возможность вести меткий, губительный огонь. Я видел пулемет и, встав на колено, длинной очередью из автомата обстрелял его. Но безрезультатно. Расстояние оказалось велико. Пулемет оставался невредим и продолжал стрелять. Пули визжали, срикошетив, шлепались, разрываясь, и свистели, пролетая мимо. Продвижение цепи на нашем направлении остановилось. Стремительная атака захлебнулась. Наступила относительная тишина, прерываемая отдельными редкими выстрелами.

Бойцы залегли, прячась в углублениях, в воронках от снарядов, за комьями снега и земли. Мы с Борисовым вырвались ближе ко второму ряду траншей. Я перепрыгнул через ручей и зарылся в черный от взрывов снег. Стал осматриваться, разыскивая взглядом своих бойцов, но никого не увидел кроме Борисова. То там, то тут по фронту

лежали в снегу солдаты, но не известно было — живы они или нет.

Передо мной возвышался склон и на стыке траншей стоял тот же пулемет. Я осторожно положил автомат поверх снега и дал короткую прицельную очередь. Расчет забеспокоился, провел несколько очередей по склону и замолчал. Я снова дал короткую очередь и привел расчет пулемета в замешательство. Стало ясно, что они укрываются в траншее и опасаются садиться за пулемет. Я решил это использовать, оставаясь невидимым для них. Переезжал стрельбу на одиночные выстрелы для экономии патронов и стрелял по пулемету через короткие промежутки. Мне удалось долгое время держать пулемет в бездействии. Шальные пули с визгом пролетали над моей головой и с хлопанием разрывались, выбивая фонтанчики снега, но я оставался невредим.

Борисов приближался ко мне, и опершись на мгновение о ствол березки, росшей у ручья, хотел прыгнуть через него, но вдруг повалился на бок. Через несколько секунд он помахал мне рукой. Я перепрыгнул ручей и подполз к нему. Он тихо сказал: «Меня ранило, а куда — не пойму». Я заметил разорванный ремень шинели. Расстегнув ее, увидел, что разрывная пуля прошла чуть ниже ребер, разорвала брючный ремень и бок живота. Синеватые внутренности немного вывалились, но разорваны не были. Я снял с Аркаши вещмешок и подложил ему под голову. «Куда ранен?» — спросил он. «В пах», — ответил я, надеясь на время обмануть его. Он с усилием приподнялся, посмотрел на рану и молча уронил голову. Я достал индивидуальный пакет и начал перевязывать. Ох, как я жалел, что пакет на этот случай оказался очень и очень мал! Мне так хотелось получше перевязать друга, но бинта хватило лишь на то, чтобы чуть прижать внутренности.

О чем думал Аркаша в эти минуты, сказать трудно — может, о родных, о матери, о любимой Тоне, а может, о неминуемой гибели...

Я завязал бинт, подтянул на рану кальсоны и брюки, затянул брючный ремень, связав его узлом, поправил под головой мешок и закричал, вызывая санитаров. Но его нигде не было. Борисов лежал в неглубокой ложбине, и пули его не доставали. Оставалось только ждать подмоги или санитаров.

Я вернулся на прежнее место, зарылся в снег и стал снова беспокоить пулеметный расчет. Вдруг подумал: «Опять пуля меня миновала, хотя был на открытом месте, перевязывая друга». Я лежал несколько минут не шелохнувшись. Пулемет тоже молчал. Потом оглянулся назад и увидел, что Борисов ползет к блиндажу, под его прикрытием. Блиндаж был вражеский, но немцы оттуда сбежали в траншею.

Снаряды и мины разрывались кругом, встряхивая землю, а я лежал и следил за пулеметом, посылая в его сторону одиночные выстрелы. Время шло к вечеру, но я не замечал никакого движения. Потом снова прокатился гул нашей артиллерии, возобновившей артобстрел. Снаряды стали разрываться у второй траншеи немцев. «Вперед!» — снова послышалась команда справа и слева от меня.

Из-за пригорка появились танки. Громяхая гусеницами, выпуская клубы дыма, поднимая облака грязного снега, оставляя на своем пути черные ленты вспаханной земли, ползли они на склон сопки. Я выскочил из своего укрытия и побежал к ближнему танку. В нем, должно быть, заметили тот пулемет, танк приостановился и прямой наводкой долбанул по боевой точке. На месте пулемета взметнулся фонтан дыма и земли. Я вплотную приблизился к танку и побежал за ним, прикрываясь от пуль его броней.

Мины пролетали над головами, бойцы снова и снова падали на землю, вставали и бежали за танками в сторону противника.

Уже знакомое мне фыркание так явственно послышалось над головой, что показалось, мина угодит прямо в меня. В одно мгновение я упал на землю, распластался в снегу, вжался в него, прикрыв голову автоматом, и сказал: «Прощай, матушка Русь!» «Фыр-фир-фир... Ух!» — за-

кончила мина свой полет и разорвалась позади. По подошве моей ноги ударило, как палкой, но сильной боли я не почувствовал, вскочил и снова побскал за танком. Сгоряча пробежал несколько шагов, но от острой боли в ступне упал.

Мины продолжали рваться, отрывая пехоту от танков. Я снова вдавился телом в снег, прикрыв голову автоматом. Чем ближе танки подходили к противнику, тем дальше от меня раздавались взрывы. На четвереньках я пополз к блиндажу, где укрылся Борисов. В блиндаже уже сидели связисты с катушками и устанавливали связь. Один из них разрезал мой валенок, так как снять его не давала кость перебитой стопы, и, перевязывая, сказал: «Слепое ранение, крови нет». Осколок, прошив валенок, портянки, переломив кость, застрял, закупорив рану. Я лег в углу блиндажа, огляделся и заметил Борисова. Подполз к нему: «Вот и мне влетело, Аркаша». Он что-то тихо ответил, я не разобрал, но не стал его беспокоить. Возможно, он просил пить, но я ничем помочь ему не мог — фляжки с водой ни у меня, ни у него не было. Тогда я попросил связиста смочить ему губы хотя бы снегом, что тот и сделал. Я положил возле себя автомат, последнюю «лимонку», притих, прислушиваясь к звукам боя.

Бой понемногу удалялся.

Раненая нога горела, как в огне, а здоровая замерзла от мокрых портянок. Начинало темнеть. Тут я услышал голос связиста, докладывающего какому-то командиру о раненых в блиндаже. Командир дал указание поставить охрану, и вскоре все стихло. Часа в четыре утра послышался скрип полозьев и храп лошади. В блиндаж зашел санитар и направился к лежащему рядом со мной раненому. Он подхватил его, тот застонал, потом затих, когда его уложили на сани. Санитар вернулся за мной. «В том углу лежит раненный в живот, заберите его», — попросил я. Хотя и ощущал нестерпимую боль, но знал, что выживу, а моему другу нужнее была быстрая медицинская помощь. Но санитар не обратил внимания на эти слова, подхватил меня за шею и здоровую ногу, вынес из блиндажа и уложил на сани рядом с тем раненым, накрыв нас обоим одеялом. Здесь мы разлучились с Борисовым Аркашей, и я потерял его след...

Восемь месяцев пролежал я в госпитале, четыре операции перенес, но не остался инвалидом. После излечения и демобилизации я писал, разыскивал друга, да, видно, запамätтовал адрес и ответа не получил.

По-разному складывались судьбы на войне. Но легких не было. Вот почему каждый, кому пришлось оставить позади тысячи километров фронтовых дорог, чтобы дойти до Победы, не забудет, как тяжела война, как калечит она людей и морально, и физически.

Не забудется и другое — как выручало нас в трудные минуты великое солдатское братство. Люди встречались и расставались, теряя друг друга, но те встречи роднили нас, как кровных, и помогали выстоять.

Дорогой ценой заплатили мы за то, чтобы жить под мирным небом. Более сорока лет прошло, а не уходят из памяти имена погибших.

Чтобы не повторились ужасы войны, всеми силами нам надо беречь мир. Это — самое дорогое. Без мира не может быть жизни.

Ф Е Р М А В П У Р Н Е

Едем мы в поселок Пурпе и вдруг видим: в стороне от дороги мирно пасутся бык и корова с теленком... Голая тундра кругом, откуда они взялись?!

— Это наши, местные... — отвечают мне. — Шофер здешний, Юрий Васильевич Смольников, завел. На весь Тюменский Север он один такой энтузиаст! Целое хозяйство поднял в тундре.

...Как не зайти к такому человеку? И вот вечером я угощаюсь у Смольникова парным молоком.

— Скота у вас полный двор, хлопотно ведь?

— Забот хватает, не оленя ведь...

— Что, к ягелю коровы еще не привыкли?

Юрий улыбнулся в ответ на шутку:

— Да нет еще пока...

— А надой какой?

— Ничего, неплохо для Крайнего Севера. Примерно семь литров утром, столько же вечером...

Юрий Смольников приехал в Пурпе из-под Волгограда десять лет назад. В то время поселка не было жили в палатках. Но постепенно Юрий обустроился: женился, получил жилье — бревенчатый дом. Одно не нравилось — пустота вокруг дома. Ни кустика, ни деревца под окном. Ни двора, ни сараюшки...

Для начала Юрий вскопал небольшую леху, грабку властой, твердой земли. И... посадил картошку. Осенью собрали пусть небогатый, но все же урожай. Следующим делом была теплица. Первого огурца ждали всем поселком...

У Смольниковых родился сын. Остро встала проблема молока. На Севере с молочными продуктами напряженка. «Козу бы хоть где-нибудь купить, что ли», — думал Юрий.

И как-то поехал он в командировку. По дороге заехал в совхоз «Верхнепуровский». Совхоз был оленеводческий, коз там не было. А вот несколько голов коров совхоз держал.

— Бери телочку, — предложил директор совхоза. — Одну продадим тебе.

И приплыл он в Пурпе на катере с будущей кормилицей Зорькой... Сделал хлев, сарай. Обошел вокруг все места, нашел-таки несколько добрых полей для сенокоса. И все же к первой зиме по-настоящему подготовиться не удалось. Сена хватило лишь до апреля. Стала хиреть Зорька. Забеспокоились о ее судьбе даже соседи: несли в дом Смольниковых сухари, остатки пищи. Но без грубого корма корове все же нельзя.

На железнодорожной станции Юрий разговорился однажды с машинистом. Тот посочувствовал, но помочь ничем не мог.

Однако через несколько дней к Смольникову прибежал знакомый со станции и сказал, что с проходящего товарняка кто-то сбросил под откос два тюка клеверного сена. Кто послал гостинiec для Зорьки, Юрий сразу догадался. Придумал машинист, как помочь!

Так и сохранили корову. А теперь уже в Пурпе — целая ферма.

А. ГУЩИН

НЕНАСЫТНАЯ БУМАГА»

И вот такое произведение написано. А литконсультант дает ему отрицательную оценку. Но подавляющее большинство пишущих на любительском уровне в этом убедить очень сложно, если не сказать — невозможно. «Как же так! — восклицает автор в справедливом негодовании. — Ведь у меня и рифма точная, и сравнения есть, и метафоры, и гипербола, и литота! Чем же мои стихи хуже других?»

Странное дело — если у человека нет, скажем, голосовых данных или слуха, он и не подумает претендовать на роль оперного либо эстрадного певца. А вот сочинителю — и малограмотному, и высокообразованному, но лишенному врожденного чувства слова, у которого, по общему выражению Павла Петровича Бажова, «суконная варезка на язык надета», никакие доводы не указ. Даже термин «поэтическая глухота» он относит к кому угодно, только не к себе.

— Алексей Леонидович, — прерываю я, — но ведь существует и такое явление, как редакторский произвол, субъективизм оценки, органическое неприятие человеком, ответственным за судьбу произведения, нового, еще необычного в поэзии. А вдруг к вам придет гений — и вы его «зарубите»?

— Что ж, такая ситуация вполне вероятна. Литконсультант не бог, тем более когда речь идет о такой тонкой материи, как искусство. Здесь неизбежен некоторый субъективизм в оценке. Но кроме твоего индивидуального взгляда, вкусов, привязанностей существует и масса объективных критериев художественности того или иного произведения. И оттого, скажем, что Л. Н. Толстой не разглядел в творчестве великого драматурга и поэта Вильяма Шекспира ничего великого, разве пострадала репутация Шекспира?

Не заметить талант невозможно, ибо оценка его — результат мнения многих, а не одного, пусть даже гениального писателя или высококвалифицированного редактора. При этом настоящий редактор никогда не довольствуется своим личным впечатлением от прочитанной рукописи. Прежде чем окончательно решить ее судьбу, он, как правило, отдает ее на рецензирование профессионалам и только затем, сравнивая их оценки со своей, принимает решение. Это, конечно, в том случае, когда речь идет о спорной рукописи. Их, как показывает практика, не так уж и много. А в основном грамотному редактору, профессионалу в своем деле, сразу же, как представителю госприемки на производстве, виден явный брак. Только измерительный инструмент приемщика литературного произведения — редактора, литконсультанта — его знание основных законов художественного творчества, его чувство языка иллюзорны для автора, совершенно уверенного в своей непогрешимости.

— В третьем номере журнала «Юность» за 1987 год опубликована полемическая статья А. Еременко «Двенадцать лет в литературе». В ней, в частности, он говорит о «захоронении» целого поколения поэтов и заговоре молчания о поэтах «новой

волны». Что вы думаете по этому поводу?

— Все время поднимаются волны. То одна, то другая... Но волны, как всегда, утихнут, мусор утонет, и останется чистое, незамутненное море поэзии.

О группе непризнанных — Парщикове, Жданове, Еременко... много и довольно туманно говорила в последнее время критика. Но стихи этих авторов публиковались крайне редко. Поэтому несведущим оставалось только гадать — а вдруг?.. Но вот в той же «Юности» наконец-то появилась довольно объемная подборка их стихов. И все стало на свои места. Ничего нового в поэзии «нововолновцы» не открыли. Но ва ли в поэзии ирония, у многих густо замешанная на метафоре, откровенное щеголяние позицией безнравственности, в которой эти поэты не так уж и виноваты, — уроки безнравственности им преподали.

Вообще отношение к этим поэтам — «метафористам» (или «праметафористам»), или как их еще там называют, у меня достаточно противоречиво. Они великолепно владеют формой, но настолько порой переусложняют, что разгадка бывает утомительна. А когда расшифруешь — то часто просто разочаровываешься. Пустота. Игра.

Но вот, например, стихи пермского «метафориста» Виталия Кальпиди, опубликованные в девятом номере журнала «Урал», были рекомендованы мной. Они, на мой взгляд, должны быть интересны для читателя.

Некоторые из этих авторов безусловно талантливы. И если у них появится настоящая боль за свое время, появится литературная судьба, они, уверен, отметут все наносное и впадут в неслыханную простоту. Стихи не терпят кавалерийского наскока. Со словом надо научиться обращаться бережно, ответственно.

— Вы, Алексей Леонидович, наоборот, часто думаете об этом. Недаром ведь во всех ваших книгах есть тревожные стихи-размышления о судьбе родного языка. Вот, например, такое восьмистишие:

*В заповеднике лани,
В заповеднике рысь...
Как нам быть со словами,
Чтоб не перевелись?*

*Мы так часто трубили
В чистом поле стиха —
Столько слов истребили,
Извели впопыхах!..*

— Больше всего эти упреки я отношу к себе. Жаль, что только с некоторым опытом приходит осознание своей торопливости, желания высказаться как можно скорее, увидеть свои стихи опубликованными.

Сейчас за свою поспешность мне неловко, да что поделаешь. Остается надеяться — читатель поймет и простит.

— И еще два вопроса. Приходилось ли вам писать стихи по заказу? Много ли ваших стихов переложено на музыку и стало песнями?

— Стихи по заказу писал сдуру. Только ничего хорошего из этого не получилось. Здесь, видимо, требуется определенная способность, умение быстро вживаться в чуждую тебе ситуацию. У меня таких способностей нет, хотя я не отрицаю их у некоторых профессиональных поэтов.

Что же касается песен — на мои стихи писали музыку многие хорошие композиторы. Но песни исполнялись два-три раза и не приживались. Не знаю, чья в том вина. Вероятно, не было необходимого в таких случаях синтеза двух родственных направлений в искусстве, вот и получались хилые дети.

В заключение оговорюсь: не все мои слова нужно принимать как бесспорные и непреложные истины. Многое, возможно, и спорно. Одно только утверждаю — истинный талант не удержит никакие искусственные рогатки, не затопчут нищие солдафонские сапоги. Истинный, но не мнимый!

...Я шел по обледевшему дорожкам пермского городского сада, мимо печальной облупившейся «Ротонды» с деревянными колоннами и изъеденными беспощадным временем ступенями, под сводом которой бывало немало литературных знаменитостей и общественных деятелей, среди них и Антон Павлович Чехов, путь которого лежал через Пермь на каторжный Сахалин.

Вокруг звенел смех маленьких розовощеких лыжников, за ними с улыбкой наблюдали бабушки и мамы, уютившиеся на спинках занесенных снегом скамеек.

И воробьи, дерзко шмыгая у самых ног, бойко чиликали свое вечное: «Жив-жив-жив!».

И на память приходило решетовское:

*Я не собой озабочен!
Господи, как мне милы
Добрые лица рабочих,
Давних свиданий углы,
Этот рябиновый скверик,
Где, не боясь детворы,
Скачет воробышек серый,
Как поплавок из коры...*

Беседу вел Г. ИВАНОВ

МНЕ ВСЕ ЗАГАДОЧНЫМ КАЗАЛОСЬ...

Тамара ЧУНИНА

Когда в ночи останется одно
последнее зажженное окно,
я лампу погасить уже не смею.
Одна звезда
не гаснет надо мной,
спасенная
бессонницей одной,
одной свечой,
оставшейся над нею.
Мучительно безумие мое —
так искушает сном
небытие.
С утра вставать.
А мне опять не спится.
Но, заслонив далекую звезду,
проступит небо.
Дрогнет лист в саду
на тонкой ветке.
И очнется птица.
Я ей доверю
листьев силуэт,
что постепенно обретают цвет,
и это небо,
что едва бледнеет.
Я засыпаю.
А она поет,
взяв на себя безумие мое.
И кажется,
не петь
уже не смеет.

Тамара Петровна Чунина родилась в 1946 году.

А в 1975 году она умерла от тяжелой болезни, с которой мужественно сражалась все последние годы своей жизни.

Тамара Чунина была членом литературного объединения при Свердловской областной писательской организации. Ее стихи публиковались в московских и уральских периодических изданиях, в коллективном сборнике молодых поэтов «Начало». Еще при жизни Тамары Чуниной ее стихи высоко оценил известный советский поэт Борис Слуцкий. Публикация ее стихов в журнале «Уральский следопыт» (№ 6 — 1977 г.) получила высокую оценку видного советского поэта Леонида Мартынова.

Тамара Чунина окончила Свердловское музыкальное училище имени П. И. Чайковского, преподавала музыку детям до последних дней своей жизни.

Приходит день...
Он встанет у порога,
в упор посмотрит,
беспощадно прям,
и уведет
совсем другой дорогой,
и приведет
совсем к другим дверям.
Приходит день —
и ни веков, ни лет.
И не было
ни радостей, ни бед.
И мы бросаем прошлому презренье.
Приходит день,
как ослепивший свет,
уводит нас.
И наш вчерашний след
зачеркнут
слепотой или прозреньем.

Мне все загадочным казалось.
Мир удивлял меня, когда
меня еще едва касалась
то чья-то радость, то беда.

Клонились головы на плаху,
и кто-то пир справлял потом,
и за стеной ребенок плакал,
и целовались под окном.

А я глядела из-за шторы,
дыша на мерзлое стекло.
За ним неведомое что-то
меня страшило и влекло.

Но от подножья до вершины
и я прошла. В раю, в аду
уже сама себе вершила
и боль, и радость, и беду.

Я берегла и расточала,
растратив, снова берегла.
Не доходила до причала —
отодвигались берега.

Я жгла стихи, рвала тетрадки.
Но мир не делался ясней.
Лишь ту загадочность утратил
в непостижимости своей.

ГОЛОЛЕДИЦА

Мне кажется,
вот-вот должно свершиться.
Вот зреет крик, и я сейчас скажу.
Но снова гололедица ложится,
и с краешку тихонько обхожу.

А от чего бывает гололедица?
Мороз ли поздний?
Раннее тепло?
Да только снегу белому не верится,
и ноги осторожностью свело.
Слова мои,
что умерли сегодня,
простите ли?
Но ждать какой резон?
Не повезло вам —
нынче межсезонье,
а завтра будет просто не сезон.

Ты ей солгал
и сам поверил в ложь.
И ложь вошла
и полноправна стала.
Ты бережно в душе ее несешь,
но все же иногда вздохнешь устало.
Чего-то жаль,
и не поймешь, чего.
Но снова жалость
смешана со злостью:
тыходишь в двери
дома своего,
а чувствуешь себя
случайным гостем.
И может быть,
ты так и не поймешь,
что в том тревожном,
вешнем бездорожье
тобой за правду принятая
ложь
сжилась с тобой,
но все ж осталась ложью.

Еще живу. Еще спешу куда-то.
Еще осталось думать и дышать.
А надо мной врачи, как секунденты,
уже не вправе ничему мешать.

Последний миг!
Он долгих лет мудрей.
Я слышу:
кто-то за окном смеется.
И рушится гармония идей,
снесенная последним парадоксом.
Мир рушится в убогой нищете...
Ловлю губами небо голубое...
Не на больничной койке —
на щите
меня уносят с поля боя!

Публикация Г. П. Чуниной

Повесть

Роман СОЛНЦЕВ

Рис. Анны Метелевой

ВОСТОРЖЕННЫЙ

БЕГЛЕЦ

Роман Харисович Солнцев родился в 1939 году в Прикамье. Окончил физико-математический факультет Казанского университета и по личной просьбе был направлен на работу в Сибирь.

В 1965 году на читинском семинаре молодых писателей по рекомендации С. Наровчатова и А. Вознесенского был принят в члены СП СССР. В 1973 году окончил Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького.

Роман Солнцев — автор 10 поэтических сборников и 6 прозаических произведений, вышедших в московских и Красноярском книжных издательствах.

В столичных театрах поставлено 4 пьесы Романа Солнцева. В Театре Советской Армии сейчас с успехом идет его пьеса «Статья».

В нашем журнале публикуется впервые.

*Поди туда — не знаю куда.
Принеси то — не знаю что.
Из старинной русской сказки*

1.

И был вечер, и было сияние на западе. Направляясь домой через березник, я мельком отметил — царствует красный свет, как в лазере с кристаллом рубина, с длиной волны 740 ангстрем...

Я бы оставался на работе допоздна, но с некоторых пор у нас принялись наводить экономию, и лично сам товарищ Поперека, начальник АХЧ, высоченный дядька с откинувшейся назад головой, как бы от свистнувшей у лица ветки, пробегая по этажам с трагически напряженными глазами, выключил свет и выставил меня. Исключение делалось только для микробиологов в левом крыле здания — у них круглые сутки в таинственно светящихся сосудах бешено разножались всякие твари, и не то чтобы их страшно оставлять без человека — Попереке ничто не страшно, — но все же... Если у меня расплавится кристалл, вырастим новый. А вот если склянки треснут и невидимые микробы поползут в пространство... Попереке лучше бы дело иметь с вулканами. Раньше он работал пожарным.

Короче, и был вечер, и была весна — второе апреля, — никто меня дома не ждал, помимо науки — никаких занятий, вот я и плелся под темнеющим небом, пытаюсь поднять себе настроение как бы взглядом со стороны, повторяя: и был свет, и шел человек... все как-то значительнее выглядишь. Вокруг в сумерках дотлевал снег. Он сохранился в виде отдельных полос там, где были натоптаны зимой тропинки... вот белый, цельный след от женского сапожка... не Татьяна ли?.. вот кусок лыжни... не нашей ли, совместной?.. Я провалился до колен и остановился.

И была дорога наугад, в сторону светящихся окон. И вдруг я увидел в полумраке подъезда, на своей лестничной площадке, ядовито-желтые женские сапожки. Кто это? Неужели ко мне? У Татьяны таких нет. Длина волны света, излучаемой этими сапожками, около 620 ангстрем... Я ожидал увидеть кого угодно, но только не Люсю Иванову.

— Витька! — закричала она зычным голосом и повела плечом, могучим, как у пахаря. — Где же ты?!. Мне надо с тобой посоветоваться!

Когда женщина говорит «посоветоваться», это очень плохо. Ясно, что никакого ответа ей не нужно, а просто ты должен что-то срочно для нее сделать: куда-то позвонить, что-то достать. Но Люся, Людмила Васильевна Иванова, жена сбежавшего от нее на Север Кости Иванова, была никак не из тех женщин, которые кого-нибудь о чем-либо просят. Она все умеет сама.

Проходя за Люсей, я вспомнил, что видел ее сегодня днем в институте, причем на нашем этаже — этаже кристаллофизиков, и еще помню, удивился — разве она вернулась из отпуска? Кажется, уезжала полмесяца назад по горячей путевке в Ялту... и сообразил, что миновал уже месяц... и еще подумал: как, бедная, она без Кости?.. что он там делает, на Севере?.. хорошо хоть, говорят, деньги присылает. Бросил, понимаете ли, научный институт, начатую докторскую диссертацию... мотается где-то за 69-й параллелью — то ли рудник строит, то ли газовую магистраль сооружит...

— Кофе? — спросил я, зная, что Люся с ее сотрудниками на ВЦ варят его с утра до вечера на двух электроплитках.

— Уксусу! — сразу возопила жена Иванова, и, к своему удивлению, я увидел на гладком ее широком лице слезы. — Ты знаешь, что его там нет? И уже три месяца!!!

— Где? — пробормотал я, скидывая ботинки и топчась перед ней во влажных носках, не решаясь их стянуть и надеть сухие: ведь женщина, неловко. — Где? Где его уже нет? В сердце твоём?.. — я попытался пошутить.

— Дурак! — Она села на стул. — Нигде! Нигде его нет! — прокричала она неожиданно тоненьким голоском. И помолчав минуту, не меньше, видимо, приказав себе быть спокойной и обстоятельной, уже более низким голосом сообщила, при этом почему-то улыбнувшись мне: — Ты полетишь на восток.

— Куда? — Я решил, наконец, показав глазами на мокрые следы своих ног, стянуть носки и надеть сухие. Раз уж меня о чем-то просят, могу я позволить себе некоторую бестактность. И еще я понял, почему она обратилась ко мне с улыбкой. Людмила Васильевна привыкла в своей общественной работе (она ведала Фондом мира) применять женское оружие — обаяние — и автоматически его включала, как только переходила к просьбе. — На восток?.. — пробормотал я, оттягивая время. — А что у нас на востоке?.. Понимаю, ты думаешь — он прячется на даче. Вернулся и живет. А что?!. Уже тепло.

— Какая дача?!. — Люся надолго вперила в меня укоризненный взгляд, словно поражаясь, как мы могли столько лет дружить семьями. «Неудивительно, — думала она, — что у тебя у самого семья еще раньше разладилась: Таня ушла от такого тюфяка!» Люся осмотрела меня всего с ног до головы, словно уже сожалела, что пришла именно ко мне. — Он же на Севере!

— Ты же сама сказала — его там нет.

— Конечно, нет! Он на БАМе! — Люся шмыгнула носом, давая понять, что все-таки она слабая женщина, может и заплакать.

Я растерянно сел напротив на колченогую табуретку.

Люся поежилась и рассказала.

2.

6 марта, только она приготовилась к празднику, погладила кремовую блузку из настоящего крепдешина и купила у Нелки Гофман итальянские туфли (той велики, а Нелка их выцганила у Гали Серебряковой, а Гале муж оторвал в Москве австрийские, вишневые, с медным листиком сбоку...), а мужчины в отделе, кажется, на этот раз не отбылись распечаткой на ЭВМ китайского гороскопа, а раскошались, явно что-то достали к 8 Марта, может быть, даже французские духи, судя по маленьким коробочкам... так вот, 6 марта Люсю пригласили в профком и сказали: есть путевка в Ялту. Завтра можно лететь.

«Какая Ялта?!» — подумала Люся про себя. — Муж пропал!.. — И вдруг махнула рукой, решила с тайным злорадством: — А ну его! И дочка уже взрослая. Второй курс. Чего я ее сторожу?!. Надо только поговорить на прощание — и в аэропорт. Нервы стали ни к

черту. Наливала чай — отбила носик у чайника. Точила нож — порезала палец. Зашивала карман дочке — проколола руку. Надо ехать.

— Доченька, — вечером сказала Люся, уже собрав чемодан и около полуночи дождавшись, наконец, свою высоченную бледную девушку со старательно печальными глазами. — Доченька! — повторила мать, усаживая ее, как, бывало, в детстве, перед собой в огненно-красное кресло (производство ЧССР). — Светик, посмотри-ка на меня!

— Кто бы на меня посмотрел, — пробормотала скорее по привычке дерзить дочь. — Я тебя слушаю, Людмила Васильевна. Мама, — поправилась она, заметив с удивлением, что на полу лежит чемодан и маме сегодня явно не до шуток. — Да?

— Доча... — Мать задержала дыхание. — Мне дают путевку.

— Во Францию?! — загорелось от радости лицо дочки. Светлана вскочила и запрыгала, как теленок, по комнате, разъезжаясь копытами туфель на платформе, по причине устарелой моды служивших ей домашними туфлями, подворачивая то эту, то ту ногу. Она помнила, что еще два года назад, когда папа защитил кандидатскую диссертацию после долгих приступов лени и самокритики, на три года позже мамы, выяснилось, что они теперь как два молодых ученых могут поехать за границу на симпозиум. — Все-таки дали? Дали, дали, дали! — Дочь закатила глаза. — Ты мне привезешь... м-м... бархатное платье...

— В Ялту, — сухо оборвала ее мать. — В Ялту! — повторила она, вместе с тем страдая, что ведь и во Францию могли съездить, если бы этот дураком не бросил институт, поддавшись, видите ли, жажде физической работы. Разве здесь ее нет, физической работы? Ну, строгая дальше стеллажи, вяжи корзинки...

весной снег вон отгребай, помогай дворнику, если не можешь без чудачеств... — В СССР, — ядовито добавила мать, переходя в наступление. — Надеюсь, ты свою родину любишь не меньше, чем какую-нибудь Замбию? Так вот, я еду. И я хочу, чтобы с тобой ничего тут не случилось.

— Спать ни с кем не буду, — быстро ответила дочь, по привычке дерзя. И чуть покраснев, продолжила: — Ты же андестед, я говорю о подругах — я усекла, ты боишься за японский маг. Я и сама его не буду трогать. У парней есть наш, дубовый. Хоть бей его ногой — поет еще более томно.

— Дочка! — пристыдила мать Светлану. — Ну, посмотри на меня! Я действительно за тебя беспокоюсь. Если настоящая любовь... это еще туда-сюда... то есть это сюда, плюс. Да ну тебя! — Она всплакнула, но, скорее всего, это был покуда педагогический прием. — Я хочу, чтобы, когда я вернусь, ты была на месте. И биологически такая же, андестед?!

— А социально? — осведомилась дерзкая девушка.

— Ну да. — Уже не слушала ее мать, глядя на стену, где из деревянной рамки в стиле «вампир» (с зубастыми крокодилами, свившимися в розы, — работа мужа) глядел исподлобья покорно, нарочито покорно, а значит, нахально, себе на уме, сам Костя Иванов, большелицый, узкоплечий, в очках. Каждый глаз огромен из-за увеличительных стекол. — Дурак! — любовно воскликнула Люся и заплакала, теперь уже всерьез и надолго.

И Светлана всерьез начала успокаивать мать.

Все наши совместные беды — и их, и моей семьи — произошли из-за ремонта квартир. Да, да, если бы имелась графа в соответствующем документе: «Причина развода» — можно было бы написать: ремонт квартиры. До защиты своей диссертации Костя, Кон-

стантин Авксентьевич, очень способный, как все говорили, но какой-то несобранный биофизик, занимавшийся сразу несколькими направлениями, совершенно запустил квартиру. В полу чернели трещины такой ширины, что в них затонул однажды железный — мой — рубль (прохудился карман). Стены осыпались, как снег в горах. Люся время от времени сама, как умела, подмазывала цементом да белым гипсом трескающиеся углы, мазала двери и подоконники эмалью. Но все это делалось бессистемно, на бегу, почему и вся квартира стала напрочь рябой, как птичник. Люсе ведь тоже некогда, она сама ученая, да еще общественная деятельница в институте, на рукаве красная повязка каждый праздник... Но вот, став, наконец, перед Новым годом кандидатом наук (правда, феловольным — не по той теме защитился!), Костя уступил требованиям жены и буркнул: «Буду делать настоящий ремонт! Один!» Люся мгновенно сдвинула немногочисленную мебель, покрыла газетами. Но он, конечно, тянул всю зиму, вечерами читал «Робинзона Крузо», тер очки, смотрел на туманный закат. К середине лета вроде решился. Мы с женой еще не были в разводе, Таня забрала сына и переехала к теще в Покровку, в деревянный район города за базаром. Мы договорились: пока идет ремонт, Ивановы поживут у нас (перейдут из подъезда в подъезд), а как только Костя закончит и они вернутся к себе, мы вместе с Костей отремонтируем и мою квартиру. Я тоже мог взять отпуск и сразу начать помогать ему, но он внушительно отказался.

Как раз в эти дни, неподалеку через рощу, сдавали новый девятиэтажный дом, там уже курили маляры, отделочники, и можно было у них достать известки и краски, не говоря о дефицитном латексе. Костя надел старую тельняшку (наследие походов университетских времен) и направился на северо-северо-запад (через дорогу). Люся разрешила для представительства купить водки, и высокого сутулого очкарика с тихим голосом, кандидата наук, там приняли как родного. Он, чтобы получше вникнуть в премудрости новой профессии, покурив вместе с ними (хотя раньше не курил), неделю поработал в новом доме, затем, вернувшись к себе, в три слоя выбелил все комнаты. Он увлекся настолько, что покрасил полы на два раза яично-желтой потрескавшейся краской, а плинтуса по краям — оранжевой, а двери и переплеты окон покрыл немецкими белилами, да так толсто и гладко, что они казались сделанными из фарфора. А когда квартира обсохла, Костя вдруг почувствовал такую жажду к плотницкой работе, что отстругал и сколотил грандиозные, как первобытный самолет, стеллажи на две стены, хохоча и высунув язык, покрасил их лаком медового цвета, потом смастерил какие-то ящики на балкон (мечта Люси — для хранения банок с брусничной зимой) и в прихожую (для обуви). Люся была даже несколько напугана неожиданными талантами мужа. Никогда он прежде этим не занимался. Он мог сутками сидеть с детской улыбкой возле турбидистата, управляя размножением светящихся бактерий. Исписывать формулами удобные бумажные ленты, которые Люся приносила из ВЦ. Он умел играть на фортепиано, большой, щекастый, осторожно кладя крупные пальцы на клавиши. А тут — смотрите-ка — обжег для красоты паяльной лампой доски и смастерил полки на кухне! Обил цветной жестью лицевые стороны всех новоявленных ящичков, правда, сорвав при этом у себя два ногтя

и обмотав на всякий случай изолентой все остальные пальцы. Нарисовал, выколол, наколотил всяких птичек и оленей...

Но вот беда — мои уже вернулись, а я к своему ремонту еще не приступал. Костя пообещал недели через две помочь мне, попросил без него не начинать, и сам покуда занялся, сидючи на полу, плетением корзинок из ивовых прутьев, щепок, тонких реек. Сопел, потел, плел, раздвинув босые ноги. Изделия сверкали, как стеклянные. Костя их назавтра бесплатно раздавал в институте, вызывая бешеную зависть всех жен в Академгородке. Моя Таня молчала, как умеет молчать врач, но я видел — она страдает от мысли, что вот мой товарищ, оказывается, все умеет, а я сижу как дурак возле электрических печей, в которых растут кристаллы, да еще, будто ребенок, фотографировать порой лужи и ветки... Но обо мне, если хотите, позже. А пока закончим об Ивановых. Охладев к корзинкам, Костя попросился у жены на работу за город — в сорока километрах строился экскаваторный завод, там требовались монтажники и сварщики. Костя заявил, что всю жизнь мечтал дышать озоном, рожденным электроразрядами, и, как знать, не из-за молний ли четыре миллиарда лет назад возникли первые живые клетки на земле... ему надо подумать... что там он заработает больше, чем в НИИ (нет, к тому времени Костя еще не бросил институт — у него оставалась неиспользованной часть прошлого года отпуска)...

И вот началась новая глава в жизни Ивановых. И был свет, и бежал человек. В конце августа Люся получила от Кости первый перевод — четыреста рублей. Это были большие деньги. Ведь Костя, будучи пока что младшим научным сотрудником, зарабатывал в институте сто двадцать, Люся — немного больше, но она помогала сестре Вере, которая училась в Новосибирском университете, и, кроме того, каждый месяц посылала в деревню больной матери чай, конфеты, хорошее мыло... А тут — четыреста. Люся купила дочери дубленку, совсем еще новую, у Нелки Гофман, ведь школу кончает девочка. Потом пришла на институт телеграмма: «ПРОШУ ДАТЬ ЗА СВОЙ СЧЕТ ДВА МЕСЯЦА СВЯЗИ ПЕЧАЛЬЮ НА СЕРДЦЕ». Директор (мой руководитель) и замдиректора (руководитель Иванова) посоветовались и дали месяц. Пусть подышит. Кандидатскую сделал. То, что он давно мог защититься, все знают. Разбрасывается товарищ. Теперь впереди докторская. Пусть наберется сил... И грянул перевод в пятьсот рублей. И еще в четыреста пятьдесят. Люся купила магнитофон «Джипси-си», добавив триста из тех, что думала отдать за ремонт чужим людям. И записалась на румынскую мебель... А тут появился сам Костя — как раз перед ноябрьскими праздниками, с первым снегом — загорелый, весь какой-то полуголый, в голубых дражных джинсах, в черном мятом кожаном пиджачке, надетом поверх тельняшки, на ногах красные ботсы, как у футболиста. Кудри висят до плеч, выпрямился, глаза сверкают, огромные и без очков, как лупы из магазина, в руке курительная трубка. Сразу пробежал к директору — просить для поправки здоровья год за свой счет. Тому не с кем было посоветоваться — его заместитель, доктор биологических наук Утешев, руководитель Иванова, отдыхал в Гаграх. Оказывается, Иванов к тому времени уже завербовался куда-то на Север, захотел испытать себя на кинжальных ветрах Таймыра.

Люся до сих пор не понимает, как она разрешила ему уехать. Краснеет и стонет. «Целовал, даже ухо порвал... а раньше был скучный. Может, еще больше полюбит». Да и про мебель сказала. «Что?!» Костя выложил аванс, как хвост павлина — веером трешки и червонцы, — поехали и с маху взяли (конечно, в кредит) двух с половиной тысячный гарнитур! «Мы еще машину купим! Хочешь?!» И ошавшая от денег, каких никогда не видела, Люся только потупилась, как девочка, познакомившаяся с принцем... Уехал, уехал, надел старую кроличью шапку, свитер, пальто, зимние ботинки. Он прислал мне как-то открытку: «Старик, в голове светло, как в морозном кочане! Может, лежит еще одна-единственная мыслишка, как озябшая куколка некоей бабочки... но даже если потеплеет и она вылетит, развернет свои золотые крылышки... куда ей лететь? Нет для нее тут пары! Если бы хоть ты — было бы с кем спорить... Но ни к чему! Зачем мыслить, если перестали быть прежде всего людьми, нормальными мужчинами-женщинами! Я шахтер, мне приятно руками работать в подземелье, в довольно опасной обстановке добывать руду... а она дорогая... воздух жгуч, нехорош... но я сильный! Когда выхожу, наверх, чувствую — я мужчина, хозяин недр, а не только жены, микроскопа... и теплого сортира! Ха-ха! Дождись меня, и замахорим тебе ремонт, и ты поймешь жизнь!»

Короче говоря, Иванов проработал там до Нового года, и вот, как сказала мне Люся, выяснилось — его там, на Севере, уже и нет! Как это она узнала?

На следующий день после разговора с дочерью Люся вылетела в Ялту. Но она сразу решила про себя — эта поездка будет лишь предлогом, чтобы исчезнуть из НИИ, из Белояр. Пожив две недели на курорте и старательно загорев на балконе — хоть и март выдался холодный, даже сыпал снег, — Люся вернулась в Сибирь и после двух суток пересадок и ожиданий в аэропортах оказалась за 69-й параллелью, в городке, где жил и работал ее муж.

В крошечной тьме полярной ночи при редких фонарях она разыскала барак, соответствовавший адресу. Ни деревца тут не было. Посвистывала метель. Вокруг барака чернели жестяные гаражи. Видимых шахтеры в самом деле народ богатый. Хоть и некуда тут по тундре на «Жигулях», но многие приобрели — пускай постоят машинешки, пока не пришел час отпуска или год возвращения домой с пачками денег по карманам...

Люся открыла дверь с наросшим льдом, тяжелую, как дверца сейфа, и оказалась в захламленном коридоре. Она прошла мимо детских колясок и велосипедов, мешков с капустой и картошкой и, затаив дыхание, постучалась в дверь комнаты номер семь. Номер был написан мелом. Открыл человек с бородой, с голый волосатой грудью, на которой поблескивал крест, в ватных штанах и унтах.

— Иванов? — переспросил он. — Не знаю такого! Может, и жил раньше... я тут второй месяц. Извини, ка-ра-савица!

Люся поблелела и от непонятного страха бросилась стучаться к соседям. Выяснили — да, жил Иванов, конечно, жил, до самого Нового года, а потом уехал. Это сообщил стальнотупый детина в тельняшке из комнаты напротив (уж не Костина ли тельняшка на нем?).

— Куда?! — обмерла Люся. Может, эти страшные бородачи его и убили.

Но кто-то же высылает ей каждый месяц деньги?.. Будучи общественной деятельницей, она сообразила зайти на почту. Ей показали заявление Иванова, составленное на имя начальника почты, — пересылать переводы в Белояры, на имя его жены, Людмилы Васильевны Ивановой. Все правильно.

— А откуда... они сюда приходят? — спросила Люся. Она похолодела. Ей чудилась ужасная разгадка — наверное, Костя нашел себе другую женщину и придумал все это мероприятие с пересылкой, чтобы Люся не знала.

Девушки порылись в бумагах, сказали, что обратного адреса нет. Что откуда-то с Дальнего Востока. Или с Алтая. Ну, в общем, с материка.

Люся зарыдала. Она не понимала ничего.

— Вы когда обычно деньги получали? — спросили у нее.

— В двадцатых числах, — Люся, мотая головой, утирала слезы платочком и рукавами. Ее тут никто не знал, и она могла не сдерживаться.

— Сейчас как раз двадцать третье, так подождите! — предложили умные девушки. — И мы точно все узнаем.

Люся пожила два дня в общежитии «Севергаз», пока не пришел телеграфный перевод от Иванова К. А. Запросили телеграфом по номеру обратный адрес. Получили. Он мог быть, конечно, липой, но в сообщении значилось: БАМ, поселок Молодежный-7, улица Космическая, дом двенадцать «б».

Дважды переписав это на разные бумажки и затвердив, Люся забрала свои вещи и приготовилась лететь на БАМ... но началась пурга, и несчастная женщина просидела до 30 марта в аэропорту. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Совершенно случайно разговоровшись с одной семьей, также улетавшей на материк (в Киев), Люся напала на человека, который знал Иванова.

— Костя? Да? Костя Иванов! — кричала Люся. — Шахтер?

— Ну! Он самый! — соглашался курносый парень с белыми усами, которые ему явно не шли. — Костя? Ну, он. Заика? Такой остроумный. Как входил, так все лежали!

— Заика?! — поразились Люся. — Да вы что! Он никогда не был заикой!

— Ну, тогда... — парень пожал плечами. — Наверное, однофамилец?

Люся вдруг вспомнила — она взяла с собой из какого-то безотчетного чувства фотографию Кости, порылась в сумочке и достала. С нарастающим страхом протянула.

Парень глянул и заржал. Куртка распахнулась, на груди блеснул значок «Мастер спорта СССР».

— Ну! Говорю вам! Остряк такой. Заика.

«Не понимаю... — подумала Люся. — Неужели он, беденький, заикаться стал? Может, напугали? Или болезнью переболел?»

— Может быть, вы путаете, — осторожно возразила Люся. — Он никогда не был заикой. И вообще, тихий такой, вежливый... немного даже зануда. Часами сидит, зажав вот так ладони меж коленями...

— Костя?! Знаете вы его! — усмехнулся парень. — Может, мало времени знали. А я — два месяца! И скажу тебе так — парень вырви глаз! Верно, Ленуха?

Ленуха, баюкая ребенка, закутанного в одеяльца и шали, кивнула.

— Так вы... — обратилась Люся к ней, — тоже... знали?

— Ну, — коротко ответила Ленуха. И, поймав взгляд проснувшегося ребенка, засюсюкала: — Холодный... муссила!.. Моего Саньку даже одолел на ковле!..

— Один раз! — Нахмурился белоусый муж.

— Одолел! Плавда, олёт, мателсинник!.. — Женщины засмеялась.

— Он?!

— Ну да.

— Не понимаю, — забормотала Люся. — Как же так? — Мысли, одна тревожнее другой, копошились в мозгу. Может, Костю убили... кто-то завладел его документами... а чтобы Люся не начала розыски, деньги ей пересылают... может, они уголовники, банки грабят... что им четыреста рублей в месяц?!

Но Ленуха, глянув на фотографию, еще раз кивнула, и лицо ее зарумянилось.

— Раз пришел в клуб — умора! На руки встал, танцует... финка из кармана выпала — так он ее зубами! Как грузин!

— А вот было! — перебил ее муж. — Говорит мне: че легче входит в одно ухо и выходит из другого? Ну, говорю, слова всякие... слухи... А он: лом! — Парень затрясся от смеха. — Но не из болтунов! Работать умеет! На что я... Двигали технику — порвал мышцу, от кости отклеилась... а он ничего! Только от злости зуб золотой сплющил!

— Зуб золотой?.. Да у него никогда не было...

Люся все больше и больше не понимала, что происходит с ее мужем. Или это совершенно чужой человек под именем мужа (возможно, выбрали похожего), или это все-таки... но он же совсем не такой! Слабый, задумчивый!..

Но вот, наконец, забубнило оживленно аэропортовское радио, и белоусый человек с женой улетели на запад. А Люся — в Белояры. Отпуск у нее уже закончился, более того, она опоздала на два дня, но ей, конечно, простили... Всем же известно, как весной нерегулярно ходят самолеты.

3.

— Теперь ты знаешь все, — говорила Люся, рыдая в сумерках моей холостяцкой квартиры и прикладывая к глазам платочек с розочкой, надушенный французскими духами «Сикким». — Это я виновата! Я! Всегда пилила его — растяпа, квартиру запустил, не мужчина... а он мучился, и рванул, и увлекся! Денег все не хватало, дура!.. Этим меня и взял!.. — Люся вцепилась в мою руку. — Я думала, здоровье поправит... и продолжит докторскую. А он, видишь, вообще плюнул на научную работу! Как людям сказать?! Что мне с ним теперь делать?! Развода не просить пока... Но вы же, мужчины, можете и так жить? Ты-то с Таней развелся официально?

— Ну! — смущенно буркнул я ей в ответ. И зажег свет, и, меняя тему разговора, сам пошел в наступление: — Люся, ну так че, ты хочешь, чтобы я полетел — искал его? А моя работа? Эксперименты? Видишь, я даже дома — над книгами! Может, не надо суетиться? Давай сделаем так — пошлем телеграмму. Мол, Костя, кончай игру, не дети... мы тебя нашли... возвращайся. А я с директором поговорю...

Директор института ко мне относился очень хорошо.

— ...поговорю — чтоб он ему дал место старшего научного сотрудника. И чтоб Утешев его не зажимал. Пусть за хозяйственные работы премий подкинет. — Все знали, что знаменитый аппарат для ускоренного роста дрожжей по заказу хлебозавода сделал не он, а Костя. — Будет получать соответственно — не меньше двухсот пятидесяти. И не надо на БАМе рельсы таскать...

— Ты думаешь — он рельсы таскает? — спросила Люся и снова заплакала. — С него, дурака, станется... Может, решил еще себя испытать? Так и надорваться можно! Все мышцы отклеются!

— Вот давай так и сделаем, — сказал я, наливая ей холодного кофе. — Слышишь?

— Слышу. — Люся поднялась и, не глядя на меня, пошла к двери. — А если он не ответит... съездишь?

— Ну, — я замаялся. — Тогда посмотрим. Я думаю, он ответит. Куда денется? А может, уже домой едет. Деньги тебе высылают через Север, чтобы не беспокоилась, а сам едет к тебе. А че! На Севере-то он был дольше. А сейчас — на БАМе. Все-таки ближе. — Я развернул географическую карту страны, забытую моим сыном Мишкой. На ней были нарисованы красным карандашом волчки и бублики — места, где, по слухам, люди встречали летающие тарелки. — Видишь?

Но, глянув на карту, мы увидели, что поселок Молодежный за Тындой в два раза дальше, чем Дудинка и весь Таймыр. А кто знает, где Молодежный-7? Люся еще безысходнее зарыдала и ушла, а я принялся готовить себе ужин.

Я ел яичницу с поджаренным хлебом и смотрел по телевизору какую-то старую комедию с участием Андрея Миронова. И все думал: что же делается с моим другом? Что за изменения в человеке? Никогда он не был остряком. Хохму, которую Люся услышала от усатого парня в аэропорту, два года назад именно я рассказал Косте на каком-то празднике. И заикой он не был. Это я заика. Иногда заикаюсь. Это у меня с детства. Напугали Костю? Может, действительно переболел какой-нибудь болезнью? Непонятная, загадочная история.

И спал я в эту ночь плохо. Мне снилась Таня. Она в тысячный раз укоряла меня:

— Видишь, какой умница Костя Иванов! Корзинки плетет! И какие деньги Люська имеет с них! А хату свою отремонтировал?! А у тебя руки не тем концом пришиты!

— Да? — пытался острить я и расстегивал рубашку, обнажая веснушчатое белое плечо, заглядывая под мышки — в самом ли деле руки не так пришиты.

— Прекрати! — Начинала бледнеть и заводиться Таня. Над губой вдруг от волнения проступали усики, как у поэта Лермонтова. — Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду! Ты не мужчина! Ты просто научный работник! С окладом в сто пятьдесят рр. В наше время!.. Это еще женщине!.. — Она не договаривала от волнения, но я понимал — она хочет сказать, что в наше время это не деньги, что это еще женщине было бы простительно — получать сто пятьдесят. — Пора бы уж!.. — Она имела в виду, что мне пора и кандидатскую защитить.

— Я сразу докторскую, — полушутя-полусерьезно пытался оправдаться я перед женой, но она морщи-

лась, будто видела перед собой комара, размахивающего топором.

— Господи! — Она укоризненно разглядывала меня, как Люся. Она вообще многое от нее переняла в последнее время — и в том числе это ироническое разглядывание с ног до головы. И даже далее развила этот прием — принималась смотреть на какое-нибудь место в одежде: на пиджаке или брюках, и я цепенел, соображая, что у меня что-то не в порядке: перемазано кашей или незастегнуто. — Ну, хорошо. Почему ты не можешь иметь хобби?

— У меня есть хобби, я фотографирую.

— Если бы мы жили сто лет назад! Или хотя бы двадцать! — вскидывала она руку, как оратор, и я понимал — вот тогда бы я еще мог зарабатывать фотографией. — Ну почему ты не хочешь как латышские поэты?!

О, эти латышские поэты! Она меня допекла с этими латышскими поэтами! У нее в больнице была подруга, медсестра Велта из Риги, так у этой Велты имелась дальняя родственница, тоже Велта, писала стихи, и муж у нее был тоже поэт, Янис, так вот эти люди сидели дома и мастерили из серебра и янтара перстни, шлифовали камень, гнули металл, точили, паяли... и сдавали в Худфонд, где им платили устойчивую зарплату, как народным умельцам, по триста рублей в месяц. А стихи они писали только такие, какие им хотелось, и ровно столько, сколько им хотелось.

— Я не умею! — злился я. — И вообще... — Я хотел сказать, что мне неловко за деньги что-то делать. Зарплата — это зарплата, а специально ради денег...

— И уметь не надо! Вы же нам алюминий-два о-три, если он не так спекся, разбиваете! А это рубин! Ты же сам говорил — не хуже магазинных. А сделать — пара пустяков, взял порошок — и в печь! Ты же сам хвастался — ничего не стоит вырастить драгоценный камень с палец величиной!

— Ну, — тускнел я, опуская голову.

— Что ну? Вот и давай! Из этого «пальца» можно потом десять перстней! Зачем же свой труд крошить под прессом?! Ты столько получил этих кристаллов — красных, вишневых, синих, прозрачных, как моя слеза! Давай! Каждый купят за тысячу! Ну, за сотню — разве не купят?.. — Таня вдруг всхлипывала и начинала реветь, как дитя, перекосив рот. — Какая я несчастная! Думаешь — жадина? А ты видишь — Мишке надо джинсы? А они двести стоят. А тебе пальто. Ты видишь — у тебя нет пальто? Ты видишь? Разве сто двадцать плюс сто пятьдесят — это деньги в наше время для семьи в три человека? А еще надо маме твоей помогать! И моей не мешало бы! Ты мою-то любишь?.. А о себе я не говорю — я и так прохожу в жизни, в белом халате!

Она у меня врач и редко снимала белый халат. Даже дома ходила в белом халате — правда, в домашнем, от которого не пахло лекарствами. Если Таня замечала на полу таракана или на столе каплю варенья, она доставала из ящика комков ваты, убирала грязь, затем тщательно это место протирала спиртом. Ее мучили запахи. Если носки мои были двухдневной давности, она принималась укоризненно смотреть на мои ноги. И я брел в ванную стирать их, хотя, честное слово, они были еще чистые, хранили запах хвойного мыла. Я уж не говорю про носовые платки. И про кашне. У нас все время в доме что-то

кипело, погруженное в бак с персолью, что-то сохло на балконе...

— Это было бы преступлением, — начинал я поднимать голос, — перед наукой. Если все ученые так будут...

— Все так не будут! — обрывала она. — Потому что все так уже делают! У кого доски — торгует досками. У кого грибы — тот грибами. Я же говорю — продавай свой труд. Я же не говорю — воруй. Я же не торгую лекарствами — они не мои. И не беру взятки за лечение — это моя работа. А у тебя твои кристаллы после экспериментов валяются по подоконникам... Кстати, в «Литгазете» читал: это сейчас поощряется! Ну?!

При чем тут «Литгазета»?! Что-то стали в последнее время все читать «Литгазету»? Почему не «Строительную», не «Социалистическую индустрию»? Не «Гудок»? Не физические журналы, наконец? Как будто все писателями стали. В интеллигенцию подались. Я слушал Таню и отрицательно качал головой, пламеня лицом от стыда и тоски перед богом, которого все же, кажется, нет, несмотря на последние соображения заграничных биофизиков, лауреатов Нобелевской премии... Я прибежал к последнему средству — я как бы выключал уши, не переставая смотреть на Таню. Но Таня, чуткая женщина — все-таки врач! — уловив это, тут же переставала мне что-либо говорить. Хлопала дверь и уходила к Люсе, в соседний подъезд. В ту пору мы еще жили в одном доме. Это позже... когда Костя уехал на Север... и Таня поняла, что ремонта не будет и толку от меня не будет, подала на развод. Насколько я понимаю сейчас — она думала припугнуть меня. А я взял да согласился. У меня настроение было ужасное. Ведь на всю эту игру удивленно смотрит еще один человек — наш сын Мишка. Когда мы пришли в суд, то на вопрос: «Какие причины заставляют вас разводиться?..» — я ответил: «У нас разные взгляды на то, как нужно строить светлое будущее в нашей стране».

Люся как общественный и профсоюзный деятель даже вздрогнула. А моя Таня, будучи медиком, видимо, решила, что я окончательно рехнулся. И развод утвердили. А между прочим, это ведь правда — то, что я сказал.

И был свет небесный, и проходила жизнь. Кстати, Люся с Таней особенно подружились за последние два года. Когда Костя после ремонта убежал за город строить свой экскаваторный, именно моя Таня дала Люсе медицинскую справку, что Иванов К. А. срочно нуждается в физиотерапии. А потом сочинила еще одну, когда директор оформлял Косте отпуск за свой счет на целый год. Он бы и так оформил, но Люся и Таня уважали законы...

Но я, кажется, забыл сказать вам, что перед самым Новым годом Иванов прислал на имя директора НИИ заявление: «От младшего научного сотрудника Иванова К. А. Прошу уволить меня по собственному желанию. Иванов К. А.».

Секретарша директора Алла выкрала это письмо и принесла на минуту Люсе, которая тут же сняла с него по привычке ксерокопию, вернула письмо и просидела, лия слезы, целый день над копией, не зная, уговорить ли секретаршу совсем выкрасть и уничтожить заявление или уж пускай. Директор прочел и зашел посоветоваться к своему заму, биологу Утешеву, научному руководителю Иванова. Тот, по слухам, страшно осердился, закричал, что в СССР

переизбыток гениев, а работать некому. И Костя был уволен.

Но Люся, верная жена, узнав об этой новости, прибежала в кабинет директора и так страшно зарыдала, что директор, низенький лысый человек со сплошь золотыми зубами во рту, перепугался, поил ее валерьянкой и пообещал, что если Иванов вернется (а он, конечно, вернется! Он испытывает, насколько его в институте любят!), он, директор, возьмет его на прежнее место. Если же Утешев не захочет принять назад, директор заберет Иванова на любое свободное место в любой лаборатории, тем более что Иванов интересовался решительно всем, что могло пролить свет на происхождение жизни на Земле, на происхождение так называемого биогеохимического круговорота... Разве что только магнитными полями он не занимался, ядерным резонансом, и то, кто знает, до поры...

Люся послала на Таймыр отчаянную телеграмму: «ВСТРЕЧАЙ...», хотела немедленно лететь туда, поговорить, но пришло письмо — наверное, Костя предвидел подобные страсти. На листочке в клеточку он писал игривым почерком, почти не похожим на прежний — с завитушками, как у Пушкина:

Люся, Люся, я боюсь.
Что мене * ты не поймешь.
Я сегодня не стригуся,
У мене в кармане нож.
Я сегодня колушаю *
Даргощенную * руду.
И деньжонки загребая,
И во сне к тебе гребу...

Дальше шло и вовсе что-то непотребное — видно, сочинял под хмелом, дуболом, поэт доморощенный! Люся даже не плакала, а сидела, закаменев лицом. у себя в вычислительном центре, среди стрекочущих ЭВМ и думала, что надо бы лететь на Север — и сию минуту... но по низу письма шла приписка карандашом, более узнаваемым почерком:

«Не вздумай приезжать, Люська, не надо! Тут жутко холодно для женщин. Веду себя хорошо. А вернусь — может, вступлю в ряды. Целую. Костарика».

Последняя мысль как-то успокоила Люсю. Она не поехала к мужу. Но, как теперь нам уже известно, буквально через несколько дней, а может, в тот день, когда он писал это письмо, Костя вылетел на Дальний Восток. Почему? Что его погнало туда? Может, и заявление директору он написал, поняв, что не вернется в институт? Может, правда, он попал в компанию каких-нибудь нехороших людей? И вынужден для них делать что-то несправедное? Например, он прекрасно рисует — его могли заставить рисовать деньги. Он отличный технар — могли заставить соорудить станок для производства дефицитных частей к «Жигулям»...

Люся ушла домой, а я все не мог уснуть. Стоило забыться — снились ужасные фантастические сны. Я поднялся ни свет ни заря, постоял под ледяным душем и понесся в институт говорить с директором. Хоть было еще без пяти девять, возле двери начальства высилась Люся, намазанная, как Арлекин, и укоризненно смотрела на меня. Я смущенно кивнул ей и проскользнул к шефу.

4.

— А-а!.. Печальный товарищ веселого товарища?.. — встретил меня Иван Игнатьевич Крестов.

Это был, как я уже сказал, низенький человек с круглой лысой головой, со сплошь золотыми зубами, как у знатного узбека. Он любил смешить, любил смеяться и все, что относилось к Иванову, был склонен в последнее время воспринимать как затянувшийся, но забавный розыгрыш. Он был убежден, что Костя дурачит всех, что он где-то рядом, возможно, в Новосибирске или Иркутске, работает в таком же научном институте — просто ему там предложили место старшего научного сотрудника.

— Я и говорю! — обрадовался я понятливости директора. — Давайте дадим ему место старшего, и он вернется. В самом деле, сто двадцать — мало.

— Тебе? Или ему? — засмеялся шеф.

— Мне много, — сказал я, — я живу один.

— А алименты?

— Все равно много. У меня сын, — махнул я рукой. — А у него дочь. Дочь требует дорогой одежды. Парню еще можно панковать — ходить в чаплинских лохмотьях.

— Да?.. — Директор вдруг загрустил. За толстыми губами спрятались золотые зубы. У него было три дочери, сын так и не родился, хотя жена его, бухгалтер в горисполкоме, обошла всех врачей и даже тайком посетила знахарку Розу Рафаиловну, возле вокзала. — Давайте сочинять... письмо туристскому султану! — Он всю жизнь острил, даже когда ему было печально.

Директор нажал кнопку, и вошла та самая секретарша, Аллочка, худая высоченная девушка в рыжем свитере и короткой замшевой юбочке.

— Я вас слушаю, Иван Игнатьевич, — нежно, как семиклассница, пропела она. Ресницы, намазанные черной тушью, тяжело нависли над глазами, едва ли открывая зрачки. Но она уже приготовилась работать — достала из-за спины руку с блокнотом.

— Итак, мы готовы, — высокопарно начал директор. — Пишем! В то время как вся страна, напрягая силы... Это, конечно, не надо! — он засмеялся. Но Алла, уже зная, какие фразы он говорит в шутку, а какие всерьез, и не думала записывать. Директор деланно нахмурился и начал: — Уважаемый беглец Константин Авксентьевич! Нам кажется, что вам пора бы уж и вернуться. Говоря по секрету, ваше место пока что не занято. Более того, совершенно случайно освободилось место старшего научного сотрудника. Гм... — Он задумался и повернулся ко мне. — Чем объяснить? Он же не дурак. Если кто-то умер — из суеверия не поедет. А если я выхлопотал новое место — скажет, под давлением Людмилы Васильевны. Аллочка, что скажете?

— Давайте так. — Алла открыла блестящие, зеркального отсвета глаза. — Произошло перемещение. Например, ваш зам — не Утешев, конечно!.. — перелетел в Новосибирск, кто-то на его место, а кто-то... вот и освободилось место.

— Да! — Закивал круглой головой шеф. — Да! Именно, Наденька! То есть Аллочка! Это раньше у меня была Наденька. — Он снова залился смехом, довольный всякой шутке. — Именно! Так и пишите!

Пока Алла писала, директор, подмигивая мне, показывал на ее длинные стройные ноги, туфельки на

* Так у К. Иванова.

тонких высоких каблуках. За дверью кто-то дышал — наврное, Люся.

— Внизу: ждем: моя подпись. Спасибо.— Он закрыл за секретаршей дверь и ухмыльнулся: — Хорошая девушка! Жениться по новой не думаешь?

Я трагически покачал головой и уже хотел уйти, но шеф преградил дорогу. Что-то на него смешинчик напал.

— Слушайте, Виктор Михайлович! Насколько мне известно, вы не ведете ночного паразитирующего образа жизни... поэтому я подозреваю, что вы храните верность вашей Тане. Пойдите, пойдите! Я знаю наверняка, вы и раньше не изменяли ей. Есть у меня, есть агентурные данные! — Он зажурчал смехом, как водопровод, обнял меня и потерся гладенько выбритой горячей щекой о мое ухо. — Ну так что? Из-за чего разошлись-то, а?!

— Из-за ремонта, — мрачно выложил я истинную правду.

— Как! — он обомлел.

— Так.

— Позвольте! Позвольте! Но, насколько мне известно, вы ремонт провели до того! А уж потом разъехались, разменялись! Я же знаю, в вашей квартире Семенов живет, я был у него — все покрашено! Ваша работа?

— Моя, — согласился я с тайной гордостью. — Но это я уже сделал, когда она решила уходить от меня. Говорят, нельзя размениваться, пока не произведен ремонт. Я и сделал.

...Когда я начал ремонт, Таня снова уехала с сыном к теще в Покровку. Как-то явилась вечером посмотреть и удивленно сказала:

— Видно, ты вправду рад разойтись... так стараешься...

А я не старался. Просто на меня нашло оцепенение, я вяло и методично белил, красил — и получалось хорошо. А она уже плакала в прихожей, стоя на расстеленной газете:

— Ты вот так ни разу... за все восемнадцать лет нашей жизни не работал. Ты вот так никогда!..

— Ну, что же мне теперь — поломать тут все?! — выходил я из себя, швыряя кисти на пол.

— Нет уж... чего уж теперь... — вздыхала Таня и уходила. Я слышал, как цокают ее каблуки по бетонной лестнице подъезда. Я все надеялся — это какая-то дурь, игра, и все образуется. Но Таня оказалась упрямой. Может быть, поначалу решила только помучить меня, а за это время другой в ее жизни появился... мало ли как бывает... шла вечером по этой бандитской Покровке, за заплотами собаки рычат... фонари поколоты... подошел, дескать, не хотите — я вас провожу... из мстительности согласилась, а потом видит: и парень порасторопней, и носки каждый день стирает... Не знаю, до сих пор не понимаю, как это получилось, что мы развелись.

Директор покивал, похмыкал и предложил:

— Хочешь, я тебе верну ее? Их главный врач — мой кореш... вместе в преферанс играем...

— Как? В приказном порядке? Ха, ха.

— А тебе дам место... старшего научного сотрудника!

— А где вы возьмете?

— Найду.

— Нет, уж вы сделайте Косте. А я — ладно.

Директор мог бы поступить иначе — поторопить меня с диссертацией, и я бы, став кандидатом, автоматически в нашей лаборатории стал старшим научным сотрудником. Но так уж у нас повелось — ему, некогда заниматься мелочовкой вроде моей кандидат-

ской, а работа у нас действительно срочная, мы второй год не могли получить кристалл чернита — так назвал наш будущий перл директор. У нас была всего одна малоудачная попытка — мы вырастили чернит размером с полногтя, и то странным образом разрушившийся образец, лишь с одной гранью. Мы выбрали сложный состав — фтор, марганец, свинец... цветом он был необычайной красоты, черный, прозрачный, как глаза моей Тани или даже цыганки. Мы меняли добавки, режим температуры, но кристалл почему-то не желал расти. Если бы мы получили чернит хотя бы в палец, мы бы... Москва бы ахнула. Он нужен был для одного очень важного прибора. По этой причине я и не отвлеклся на свою кандидатскую диссертацию вот уже столько лет.

— Ладно, Иван Игнатьевич, — отмахнулся я. — Терпел десять лет, еще потерплю.

— Таня может не дожидаться. Сын уже нынче в институт поступит? Может замуж выйти. Украинки — они горячие.

— Ну и пускай! — обиделся я. Все-таки верил, что она меня любит. Назвал же я свой первый кристалл типа сапфира, синевы необычайной, в честь ее имени — танитом. Увезла с собой. Хранит, наверное. Если не продала ювелирам за огромные деньги. — Черт с ней!..

Я вышел, оставив директора в совершенно меланхолическом настроении. Вдруг на меня, будто вихрь: шелестя шелковой юбкой и синтетической курткой, Люся обняла меня.

— Я все слышала! Ты не предал Костю! Не польстился на его место! Я тебе клянусь, я!.. я тебе верну Таньку! Только верни мне Костю..

5.

Прошло две недели, письмо давно улетело на БАМ, Люся следом послала слезную телеграмму — Костя не отвечал. И вдруг я получил письмо, почему-то со штампом томского почтамта. Он в Томске?! Скорее всего, кто-то из новых знакомых летел в эти края, и Костя попросил бросить конверт в ящик — все быстрее, чем из поселка Молодежный... Я вскрыл и прочел: «Витя! Не надо меня дергать! Скажи ты им, в институте! Деньги для меня — тьфу! Вы живете как во сне со своими никому не нужными открытиями! А я просыпаюсь каждый час, прищипив себе руку железной, или когда глаза трещат от света! И все больше, и все больше просыпаюсь! Ноу андестед?! Да здравствует огонь, топор, лом, деньги, бабы, сила, свобода, рыба в воде, соль... Прощай! И не пишите сюда — я отсюда уезжаю!..» На обратной стороне листочка карандашом было бегло набросано — я разобрал не с первого раза: «Говорят, в Тибете живут однокрылые птицы — летают попарно. У нас, слава богу, в стране все птицы двухкрылые, и прекрасно можно существовать одному. Паскаль: «Животные не восхищаются друг другом». (Интересно, почему он записал эту цитату? Ему так тяжело?) Белинский: «Много людей живет не живя, а только собираясь жить». (О ком? Обо мне?) Бальзак: «Никто не станет разыскивать скрытые добродетели». (А это к чему?)

Трагедия, трагедия разыгралась в его душе, а я ничего не могу понять. Предлагали же ему кефир, штаммы которого он вывел с Утешевым, назвать

«Ивановский» — отказался. Значит, дело не в неутоленном честолюбии? В чем? Я набрал номер домашнего телефона Люси — ответила дочь Света:

— Мама на ВЦ. Ламца-дрица-цэ-цэ...

Ах, да, да, гонимая совестью, мол, много времени убила лично на себя, Люся теперь считала даже вечерами на ЭВМ.

Хоть я и молчал, Света угадала:

— Это вы, дядь Вить?

— Да. Как твоя жизнь, Светлана?

— Моя? Разве у меня есть жизнь? Ах, конечно, если как способ существования белковых тел... — Навострилась девочка говорить, да на душе, видно, тревога. — Все реакции идут. Глаза сияют. Но это от слез, дядь Вить. А сколько света излучает одна человеческая слеза? Дядь Вить, вы все знаете.

— Я думаю... одну сотую люмена, — ответил я серьезно. С детьми надо говорить серьезно. И добавил, перед тем как положить трубку: — Надо быть оптимистом...

Встретив Люсю наутро в институте, я показал письмо.

— А мне не пишет! — воскликнула она. — Ну ясно! У него завелась...

— Изжога? — попытался я состричь, как всегда в таких случаях, чтобы обратить ее гнев на себя. — Мне п-показалось, б-буквы прыгают...

Она укоризненно воззрилась на меня.

— Когда так пишут, — тихо сказал я, — в ряд: сапоги, баба... грош им цена. Он просто набирает силы. Я о другом. Я думаю, куда бы он мог теперь рвануть?

Мы задумались. И Люся высказала неожиданную мысль, все-таки она умная женщина:

— А я думаю, Вить, темнит он! Если на Севере текучка кадров страшная, то на ударной-то комсомольской стройке... я думаю, на месте он. Сауны там... дискотека... Во всяком случае, еще можно застать! — И она побежала давать ему очередную телеграмму, рублей на пять, полную отчаяния и слез.

Прошло несколько дней — Костя не отвечал. Только вне очереди с Севера прилетел еще один перевод — на двести рублей.

Вечером Люся пришла ко мне, мокрая из-под дождя, который сонно и тепло сеял на лес, на Академгородок, — пришла, смяв в кулаке извещение о переводе.

— Зачем?! — Плакала она и шумела плащом. — Он что, издевается?! Я никогда не требовала от него денег!

В эту секунду я ненавидел женщин. Сидел в сумерках и ненавидел.

— Ну уж, — довольно недобро напомнил я. — А когда он свои корзинки раздавал — ты сказала: пусть платят?!

— Я сказала — хотя бы условную цену! Ведь он прожигал свои вечера! Люди предлагали — а он не брал. Чистюля!.. — Она опустила голову — видимо, чувствовала свою вину. — Потом стал брать. На коньяк. — Она тревожно посмотрела на меня. — Он никогда не пил водку! А сейчас, наверное, пьет?.. — Она хотела включить свет, но не нашла, где выключатель.

— А ты? Сидишь тут, а в ванной небось женщины? — Люся побежала, включила свет в ванной и туалете, но никого, вестимо, не нашла. — Ты что в темноте делаешь, а?!

— Слайды проявлял, — ответил я. — Снимки кристаллов.

— Кристаллов? — Не верила ничему Люся и, протянув руку, нажала на кнопку аппарата. И на стене возникла белокурая, с ослепительными белыми зубами незнакомая ей и мне женщина. Она была в розовом плаще, с коротким японским зонтиком, босая — туфли держала в другой руке. — Твоя новая зазноба? Как зовут?

— Не знаю, — ответил я вполне искренне.

— Даже? — хмыкнула Люся. И переключила кадр. На стене возникла чернявая девушка, похожая на Таню, только моложе, с милой, слегка сонной улыбкой. — И эту не знаешь?

— И эту не знаю, — ответил я и, выключив проектор, зажег верхний свет. — Это хобби, — пояснил я. — Таня мечтала, чтобы у меня было хобби. Что ты от меня хочешь?

— Что я от тебя хочу?! Неужели не понимаешь?! Надо лететь!

— Куда?.. — забормотал я, пытаюсь оттянуть время. Этого я никак не ожидал. — Ты же знаешь, там его может не быть...

Но она вдруг закричала на весь дом:

— Витя! Ты друг ему или нет?! «Быть»... «не быть»... Найдешь! Тебе не кажется, с ним происходит беда?!

Наверное, я пребывал в каком-то постыдном помрачении духа. Я стал говорить вдруг невероятные, позорные слова:

— А почему бы тебе самой туда не поехать?.. Тебе шеф даст неделю, ты же жена, а я кто?.. — Я, конечно, понимал, что поеду, да и она, наверное, понимала, что поеду, да просто так, на всякий случай, цепляюсь за соломинку. — Нет, и мне шеф даст пару дней... но почему тебе самой не съездить к нему?

— Я боюсь, — неожиданно ответила Люся. — Это совсем другая область... там все другое...

— И климат, и парторганизация?..

— А что? — Очень серьезно, отшатнувшись, как начальник АХЧ Поперека, она посмотрела на меня. — В самом деле, я никого там не знаю. Все-таки женщина... позволь мне бояться ехать без всякой командировки, без путевки...

«Черт!.. — затосковал я опять. — Странные люди эти бабы! Не понимаю! На Север не побоялась, а на комсомольскую стройку...»

— Ну, приеду я, — бормотал я, опустив глаза. — Ну, увижу... ну, жив-здоров... все передам... а он откажется? Что тогда? Что делать? Я же не ты. А ты глянешь на него — и он поедет.

Как ни странно, эта мысль произвела впечатление на Люсю. Она задумалась. Я уже возликовал, что она решила добираться к мужу сама.

— Хорошо, — согласилась она. — Я с тобой.

— Вместе? — удивился я. Вот уж нет ничего более нелепого, чем ехать куда-нибудь с чужой женщиной. Черт знает где придется ночевать. И вообще.

— Вот деньги, — протянула она мне сотенную бумажку. — Бери, бери! На себя и на меня. Дорогу, конечно, оплачу я.

— Ну уж, — покраснел я. — Что я, не могу навестить друга?!

сами по чугунной земле и неся на восток, огибая горы, а иногда проскакивая сквозь них. Люся взяла с собой изучать какой-то красный томик, посвященный, кажется, Латинской Америке, а я, приготовив фотоаппарат, смотрел в окно. Когда появлялся красивый вид, я опускал стекло и, чихая от пыли, щелкал. Соседи по купе, подполковник с женой, сумрачно ждали, пока я снова закрою окно. Но постепенно мы разговорились и подобрали друг к другу.

— Не подумайте, что я болею шпиономанией, — сказал подполковник, — но так уж мы воспитаны с детства... человек с фотоаппаратом даже сейчас в самолете, в поезде — это... Но я смотрю — не мосты снимаете, не заводы, а птиц и деревья... наш человек! — И то ли смеясь, то ли серьезно он протянул мне руку. И, пожав, продолжал: — Как человек, не лишенный знания жизни, я сразу понял — вы не муж и жена.

— А мы и не выдавали себя... мы товарищи...

— Товарищи? Значит, едете по телеграмме, где-то беда?

— Почему? — пожал я плечами. — Мы едем в гости к... я замаялся, — к ее мужу. — Я еще больше все запутал.

Люся мгновенно выдала такую версию.

— Муж в командировке, мы решили его навестить.

— А он что, в колонии? Почему он не навестит вас, двоих, а вы к нему? Или он в армии? На «точке»?

— Вы попали в точку! — сострил я, и, как ни странно, подполковник отстал. Армия есть армия, у нее всякие секреты.

— Скажите только одно — какое у него звание? — спросил он. — И род войск. Я тут всех знаю.

Люся, не понимая, с кем имеет дело, похвасталась:

— Кандидат наук.

— Да-а? — удивился и еще больше поверил нам подполковник. — Значит, он командир дивизиона или как минимум... Военный человек задумался.

На ближней станции, к сожалению, подполковник с женой сошли. И я, глядя в окно на него, широкоплечего пузача, и на его миниатюрную грудастую жену, подумал: «Добрые, хорошие люди. Кажется, век их знал, да ведь забуду через месяц-два. А между тем жена его напоминает мою Таню».

Люся думала о своем.

— Ты че загрустил? Это дорога. Попутчики? Да их еще будет тьма, на всех сердца не хватит. А то еще как бывает — ты душу откроешь, а они тебе туда какую-нибудь гадость подкинут. Или мошенники попадутся. Я была у мамы Костиной, Кира Николаевна рассказывала — одних грабили... из-за двери детям прокрутили на магнитофоне голос мамы... дети открыли — как в сказке о козлятах и волке... и всю квартиру... Нет уж, нет уж, мне лично хватает моих собственных забот, забот моих друзей. — Она кивнула мне. — Твоих, например. Дать холосас? Ты че-то желтый...

Но я не стал пить лекарство. Со мной творилось странное — пока мы ехали, я все с большей жадой всматривался в людей, которые садились в наше купе или ехали в соседних. Конечно, я к ним не приставал — только смотрел. В Иркутске появилась парочка — явно влюбленные, парнишка с длинными волосами, в латаных новых джинсах, и девушка, тоже в джинсах и в свитере, мохнатом, как собака из-под дождя. Они полезли на верхние полки. Ночью парень,

нависая над нами с Люсей, что-то шептал своей подруге, кажется, читал стихи. А она молчала, будто спала. Вагон подбрасывало, мотало из стороны в сторону, мимо, под ясным месяцем, в просторах весенней ночи, летел, сверкая, Байкал, как сон о производстве стали. А паренек изнемогал от невозможности обнять, быть с любимой, а может, она еще и не решила, будет ли с ним. Но ехали они, судя по всему, не случайно вместе, и тоже куда-то на трассу, и всю ночь я только и слышал над собой:

— ...готов войти в цветок огня... прощайте, гордая моя... не называй меня противным... уйду в пике на реактивном... и так далее.

И я подумал: черт возьми!.. пока мы учились в университете, мы еще как-то находили время выбраться в тайгу, напаялив тельняшки, вдыхали там сладкий дым нарубленной хвои, орали тысячеголосым хором песни о ледниках Домбая или про чемоданчик, который лежал на полочке... А потом начались годы корпения над кристаллами или микробами, если говорить о Косте, ну, изредка, в роше, неподалеку от дома, разжигали костерок, грели над ним руки, в лучшем случае — колбасу на прутике... Состарились? А ведь мне нет еще сорока! Почему я никуда не еду? Почему не хрипло среди бешеной ночи стихи? И Таня не плачет от счастья, слушая мои признания? Почему эта серая будничная жизнь? Предопределенность? Да, да, да... Но я люблю свои кристаллы! Я брежу ими! Я мечтаю соединить несоединимые элементы! Как-нибудь в обычный серый день подойти к печи Бриджмена, достать заветную кварцевую капсулу, осторожно отколотить кончик и выкатить в чистую стерильную белую чашу такой кристалл, какого мир не видел! Цветом в синие гвоздики сирени или оранжевые слои таежного меда, если уж я лишен возможности каждый день видеть сирень и мед. Ведь это не баловство, а долгая, нудная работа — растить кристаллы. Иван Игнатьевич правильно шутит: кристаллофизики, мы, как женщины, всегда беременны и лишь про ясные глазки своих будущих детей думаем! Значит, только при печах, только между эксикатором, где под стеклянными колпаками хранятся полученные драгоценности, и ПИТОм, прецизионным интегральным терморегулятором, — практически только сиднем, как та же беременная женщина. Значит, приходится чем-то поступиться. Движением, чистым воздухом. У нас ведь и порошки не безвредные, мы получаем в основном голодные пероксиды, но все эти элементы вроде хлора, фтора, свища — отнюдь не сахар... нам даже выдают молоко, наш воздух считается самым вредным в институте, но зато как потом все хлопают в ладоши: ах, чудо вы вырастили! Но не в один же час. Вот и толстеешь... пухнешь...

Мне вдруг остро, как никогда, захотелось увидеть Костю. Счастливый человек! Сорвался — и сам черт ему не брат. И об институте забыл, и о начальстве... Семье помогает, совесть спокойна. И живет по своим, мне неведомым законам.

По купе пролетели веером тени от станционных огней. И снова наступил мрак. И снова наплывала тоска по уходящей жизни, которой мы все как-то не так распорядились... Я ведь мог бы, например, когда часами дежурил в лаборатории, выучить пять иностранных языков... Герцен говорил: сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек. А я — дай бог один раз. Я начинал ненавидеть своего бывшего друга, к которому ехал, — Костю Иванова.

Почему эти два взрослых человека, бросив свои дела, должны ехать за тысячи километров, чтобы только уговорить сумасброда не выламываться и вернуться домой? Почему я должен оставлять свои кристаллы, а вдруг там скачок тока или, не приведи господи, лаборант Вова проворонит режим? И три месяца псу под хвост — кристалл чернит, например, неотвратимо растрескается... Почему жена Кости, Люся, должна, оставив свои общественные дела, под сочувственные усмешки академгородских баб (а ведь новость каким-то образом стала сразу известной в нашей академдеревне!) ехать на край света, не зная, что ее ждет — даже не откликнется, бандит! А вдруг он женился? И мы попадем в нелепое положение? А вдруг он просто дурачит нас и на самом деле сейчас уже дома, в Белоярах?.. Но за такие розыгрыши морду бьют. И не просто, а ботинком...

Люся, судя по всему, не спала. Стергла меня.

7.

Долго мы ползли в рабочем поезде до поселка Молодежный-7. И вот, наконец, среди ослепительной зимы — здесь еще висел снег на елях, как в берендеевом царстве — соскочили на свежую, пахнущую мазутом насыпь и увидели среди длинных деревянных строений домик с красным флагом. Люся, хорошо зная структуру нашего общества, сразу потащила меня туда. Это оказался поссовет.

За столом хмуро сидел, накиннув на плечи полушубок, молодой парень в роскошном велюровом костюме, в голубой рубашке, синем галстуке. Он стучал по рычажкам телефона.

— Але?... Телефон не откликался. — Але?... Вам что? Для семейных квартир нет.

— Мы не семейные, — сказала Люся.

— Женских мест нет. Его устроим. Але? Але?... Порывы на линии? «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы...» — Он бросил трубку и мутно глянул на нас. — Все? Люди СПМ через три дома.

— Вы нас не поняли, — стала объяснять очень мягко Люся, включив улыбку. — Мы... по общественному делу. Нам нужно найти одного человека... он где-то здесь работает... Константин Иванов, не знаете?

— Что?! — Аж приподнялся на стуле председатель поссовета. — А вы его знаете?!

— Это... мой муж, — тихо ответила Люся, чувствуя неладное. — С ним что-то случилось?..

— С ним-то ничего! — сквозь зубы сказал председатель и встал. — Гляньте! — Он кивнул в окно. — Туда!

Мы подошли. Дома как дома, желтые, новенькие. Над крышами пар от солнца. Синицы и воробьи трезвонят на проводах. Правда, левее, к лесу, нечто вроде пустыря — то ли там гора чернеет, то ли какие-то обгорелые бревна валяются...

— Был барак — и нет барака! Ваш муж поджог. Судить будем.

Люся побледнела и пошатнулась. Я подхватил ее под руку и усадил.

— В-вы что?... — зло прошептал я председателю, заикаясь, как у меня всегда бывает в минуты волнения. — Не можете поосторожней?

Он и сам перепугался.

— Что, что с ней? Правда жена?..

— Ничего,— сказала медленно Люся, проводя рукой по столу.— Где он? В следственном изоляторе?

— Да если бы! Катается как сыр в масле! — Видно, накалило на сердце у парня, никак он не мог подобрать слова.— Извините.

— Может, это — однофамилец? — предположил я.

Я стал объяснять, гримасничая, из-за спины Люси, что наш-то Иванов — научный работник, Константин Авксентьевич Иванов, кандидат наук, он тут, должно быть, недавно, приехал с Севера...

— А я о чем говорю?! — угрюмо отвечал председатель.— Он.

Я показал ему удостоверение Академии наук — корочку с золотыми буквами,— он яростно закивал головой, мол, и у того видел такое же. Люся решилась и протянула ему фотокарточку Кости.

Председатель еще больше помрачнел; стало ясно, что мы говорим об одном и том же человеке. Выяснилось, что да, он здесь работает четвертый месяц, да, высокий, бородатый, мастер спорта по борьбе, дисквалифицированный за драку. Во всяком случае, он так говорит. Трудится на укладке шпал в Косом логу. Его по собственной просьбе включили в бригаду таких же отпетых, как он сам, «химиков», условно освобожденных. Поскольку их «бугор», по кличке Фефел (Алексей Фефелов), на зиму попал в больницу, Иванов перехватил лидерство и даже немного перевоспитал их — работали весь первый квартал неплохо. Но стало известно, что Фефел выходит из больницы. Видимо, чтобы как-то крепче привязать эту шпану к себе ярким поступком, Костя поджег барак, в котором они все жили.

— Почему?! — Я не понимал, зачем нужно поджигать барак, а не лес или самого себя.

— Да видите ли...— Председатель слегка смутился, бросил в угол полушубок и сел за стол.— Старый он, клоповник этот... правда. Давно бы их надо переселить, да все мест нет. Новые бойцы приехали, ожидают студенческие отряды — уж лучше их в новые дома, чем этих... все равно изгадят, изрежут... Мы их временно — в клуб, в репетиционный зал... у нас скоро будет балетный кружок для детей... Если хоть одно зеркало разобьют, посажу!

— А суд когда? — еле слышно спросила Люся.

— Да хоть бы сегодня! — И снова парень попытался сдержаться. — Понимаете, ожидается приезд начальства из Москвы, очень большого, вы понимаете?.. Нам этот шум сейчас ни к чему. Пусть бог молятся! Вот ждем. Так что пускай товарищеский суд... сами строители судят... — Он снова заколотил по рычажкам телефона. — Боюсь, оправдают! Ну, что ждете? У него все хорошо! Идите! Они у себя! Отказываются выходить на работу! Письмо пишут на имя приезжающего начальства... и ведь прорвутся! — Он сплунул. И видно, пожалел Люсю, которая смотрела на него потрясенно. — Нет, сам он неплохой мужик... на митинге Маяковского читал, нормально. Но с кем связался?! Эти бичи — горе наше...

Мы стояли возле дверей, собираясь уйти, но все не могли решиться. Сейчас мы увидим... а вдруг все же это самозванец? Похожий человек с документами Кости?

— Вы... давно его видели? — спросила Люся.

— Да вчера! Шли всей компанией... у нас сухой закон... оделокона «Кармен» накупили, песню пели.

— Песню? — удивилась Люся.— Какую?

— Ну, блатную! «Мурку»!

Люся помертвела от страха, и я вывел ее на воздух. Мы шли по улице, пахнувшей горячим тесом и смолой. Клуб тоже был из дерева, высокий, как церковь. Мы увидели на парадных дверях замок и, обогнув строение сзади, вошли в темный коридор. За одной дверью играли на баянах три старика, за другой, сидя, рисовали крохотные дети.

Наконец, мы попали в зал с тремя зеркальными стенами — тут стояли раскладушки, пахло горелым тряпьем, засохшим хлебом. В углу лежал некий бородач с босыми ногами. Он поднял голову и сказал, что он, Ситников, болен. На вопрос: «Где Иванов?» — объяснил, что появился Фефел и всех корешей увел на работу.

— Выслужиться хочет,— сказал Ситников, испуганно глядя на Люсю. Он сказал, что рабочий поезд будет вечером, что идти до Косого лога недалеко — полчаса, ну, час.

И мы не удержались — пошли пешком. Мы тащились по шпалам, инстинктивно оборачиваясь — вдруг поезд. Никак не могли привыкнуть к мысли, что нет тут поездов, что, если они и бывают, про них знают загода, за много часов. Навстречу нам дул неостановимый ледяной ветер, зима не хотела сдаваться. Когда мы входили в затишье между сопок, начинало пахнуть сохнувшим дерном, теплым железом.

Наконец вдали показалось кое-как сколоченное из теса строение, вроде сарая. На рельсах стояла дрезина. Далее замер рельсоукладчик. Здесь тянули вторую ветку, параллельно главной, — видимо, будет разъезд. Почему же они не работают? Я глянул на часы — по местному час дня. Обед.

Люся взяла меня под руку и, приволакивая ноги от волнения, шепнула в самое ухо:

— Вместе зайдем, ладно?..

Я замотал головой. А вдруг опасность? Опять же Люся женщина, черт знает, может, у них дефицит? Еще выдадут замуж!

Но, успокаивая нас, на полуоткрытой двери кле-тушки качался комсомольский выпел, этакий алый, золотящийся на солнце (длина волны света около 700 ангстрем) треугольный шелковый флажок, обшитый по краям редкой желтой ниткой. Увидев, что тут, как и везде, Советская власть, закон, Люся решительно шагнула вперед. Но я знал по работе с кристаллами, что не всегда внешняя форма соответствует содержанию, и попридержал ее.

Мы остановились за дверью. И услышали голоса. Вначале говорил голос какой-то неестественный, скрипучий, будто из мультфильма. Будто у этого человека зубы ломит.

— Слышал я, слышал, чирикаете вы тут, как воробы на тарелке... да не верил! Че думаете, линзы промоют, читать будут?

— Будут,— ответил жесткий, сильный, страшно знакомый голос.— Будут, Фефел!

— Х... будут!

— Не, молоток, молоток, Косяк,— возразили рабочие.— Взял да подпалил! Ты напиши: если не переселят, мы еще!

— Мои гроши сгорели,— пискнул кто-то, видимо, подросток.

— Сколько? — спросил знакомый голос.

— Два погона.

— Я тебе отдам. Зато переведут в новый дом, который стоит запертый возле почты.

— Повязать новым домом хочешь? — проскрипел Фефел. — А мы на этот дом жердь положили! Пора котги рвать! Потеплело!

— Езжай! А парни хотят по-настоящему пожить! Тут скоро бабы появятся! Красивые! Тебе хорошо — без баб обходишься!.. — под общий смех добавил знакомый голос. — Была одна врачиха, и ту напугал, уехала! Зачем ты, Фефел, ее напугал? Давно с женщинами стал воевать? Она ж тебе справку сделала, провалялся всю зиму на белой постели, как князь! Мы тут вкалываем, а он... прямо Александр Матросов, почетный член бригады! — Парни хохотали. — Закрывал грудью амбразуру в столовой?

— Ты пиши! — взвизгнул Фефел. — Грамотный! А вы варежки разинули! Да он знал, что московские бугры приедут! Вот и осмелел!

— Клянусь Воркутой, не знал! — обиделся знакомый голос. — Вот глянь на свои бочата — чтоб мне завтра об это время в живых не было!

Несомненно, этот голос принадлежал Косте Иванову. Но не то было странно, что голос изменился, а то, что Костя говорил на жаргоне эжков.

— Нет-нет... — прошептала Люся и, оттолкнув меня, заглянула за приоткрытую дверь. Я отступил и сделал шаг влево, чтобы тоже мог наконец увидеть Иванова.

Посреди сарая, вокруг грубо сколоченного стола, сидели на ящиках, шпалах и чурбаках человек двенадцать парней в брезентовых куртках, ватниках, кирзовых сапогах и кедах, усатые, лысые, очкастые, красномордые, страшные. Они вяло жевали хлеб, принесенный с собой, и смотрели на Костю Иванова, который разложил на столе листочки. Если бы я его встретил на улице, я бы, наверное, не узнал. У него отросла черная, кольцами, как у цыгана, борода, щеки запали, волосы накрывали сзади воротник драной меховой куртки, он постарел лет на пять — десять. Только глаза сверкали бесовски, как сверкали они у него, когда Костя химичил с миллиардами бактерий, кормя их кислородом и светом. А за спиной Иванова ходил Фефел. Это был невысокий сутулый человек неопределенного возраста, весьма смуглый, почти черный, крючконосый, но не кавказец, со светлыми, очень светлыми русскими глазами, он кривил тонкие губы, на щеках у него торчали бакенбарды, я сказал бы, что он смешон, если бы он не был страшен. Его будто бы снесла злоба, яркая, как кислота. Он маячил за спиной сидящего Кости, угрожающе подергивая то головой, то одним плечом, то другим, будто вот-вот прыгнет на Костю. Но тот, прекрасно зная, что Фефел сзади, ни разу даже не покусился на него — писал письмо. И видимо, не мог Фефел, у которого иссякли аргументы, из-за спины взять да навалиться на Костю — свои бы не поняли. В углу сарая гудела железная печурка, на красной раскаленной спине ее жарилась и немилосердно чадила в сковородке то ли яичница, то ли горсть гаек. Фефел погрелся там, чернея от бешенства, и проскрежетал:

— Ну, хватит вякать, пошли башли заколачивать! Костя даже не привстал.

— Я перепишу потом, — сказал он рабочим, усмехнувшись краем рта и блеснув золотым зубом. — Что, Теленок?

Бледный, обросший белым волосом и щетиной парнишка сказал:

— Есенина выдай, а?

— Можно. — Костя спрятал бумаги и, вдруг судорожно вскинув руку, завопил с каким-то жутким акцентом:

Я-я нарочи-но... иду-у... неочи-осаным...

с-с голово-вой... как керосиновая лампа на па-ле-чах...

ваших душ-ш... безлиственную осе-сень

мине ны-равится в потемках освещать!..

— Ну, хватит, говорю! Артист!.. — Фефел нахлобучил на голову пышную лисью — рублей, я думаю, на пятьсот — шапку и пошел.

— Хорэ, — коротко кивнул Костя, видя, что парни недовольны Фефелом, и, отступая в выигрышной позиции, тоже встал из-за стола.

И все побежали к путеекладчику. Мокрый от пота, тяжело дышащий, Костя вышел после всех. Он и ходил теперь как-то иначе — весь как на шарнирах, руки висели по краям туловища кистями назад, словно у льва. Высокий, огненноглазый...

— Костя... — тихо, даже робко, позвала Люся.

И все оглянулись. Только сейчас увидели незнакомых людей.

И Костя, увидев ее, ссутулился, как от удара. И стало видно, как быстро бледнеют его скулы. Он, конечно, знал, что мы нашли его новый адрес, но никак и предположить не мог, что за ним приедет за тысячи километров жена, да еще со мной.

Всего минуту назад ловкий, сильный человек стал иним. Явились свидетели его прежней жизни. И он стал тем привычным для нас, прежним Костей. Растерянным, взгляд исподлобья. Автоматически достал очки и надел. Только борода и осталась из новых времен, да и та теперь казалась наклеенной.

— Ты отпусти своих, — шепнула Люся.

Он смотрел на жену и, видимо, не решался оглянуться. Помешали мы ему, все погубили.

— Вы... идите. — Неуверенно махнул он рукой бригаде, и парни, оглядываясь, заковыляли по шпалам. А Фефел усмехнулся, уловив перемену, учуял звериным своим нутром, поиграл пальцами в карманах новой, сатиновой синей фуфайки и подмигнул Теленку.

— Здравствуй, — пробормотал я. — Поговорим?

Как во сне или в каком-то нереальном мире, мы отошли за сарай и встали на теплом солнечном ветру. Люся пребывала едва ли не в обмороке. Костя молчал. И пришлось говорить мне.

— Костя, — сказал я. — Мы беспокоились... Поедем домой, а?

Люся закивала, схватила за руки мужа и заплакала, припала головой к его груди. На глазах у Кости тоже показались слезы. Кажется, заплакал и я.

Мы медленно побрели по железной дороге к поселку, и чем ближе к нему, тем все ускоряя шаг. Ни о чем не спрашивали Иванова, еще успеет, и только Люся начала вдруг рассказывать о доме:

— А Светка хорошо учится... зимнюю сессию сдала на пятерки... Все говорит мне: купи собаку... тоже будет биофизиком. Ты, пожалуйста, поговори с ней, ладно? Ну, что за глупость — собака в доме. Собака должна жить на улице, верно? Корми бродячих, верно? Корми птичек. Ты похудел... тут плохо кормят?

Но Костя если и похудел, но не стал слабее. Исчезла нездоровая полнота, которая отличает многих научных работников, сидящих сутками в лаборатории. Люся со страхом погладила его бороду, Костя щелк-

нул зубами, в шутку сделав вид, что хочет укусить ее за палец, и бедная женщина снова заплакала.

Мы пришли в клуб, в зеркальную комнату, но Косте, конечно, было неловко оставлять здесь жену. В сумерках, в углу, среди тряпья, спал Ситников, но позже-то вернется вся бригада...

— Может, на сцене, между кулисами? — предложил Костя.

— Нет. — Вцепилась в его локоть Люся. — Мы посидим в коридоре! А что? Как в аэропорту.

В это время нас и нашел председатель поссовета Акимов, тот самый, с которым мы разговаривали утром. Видимо, он поразмыслил и сообразил, что, скорее всего, Костя уедет. Да и ему, Акимову, лучше — с глаз долой. Кроме того, наверняка председателю было неловко за раздраженные слова — Люся-то в чем виновата?

— У меня в домике три комнаты, — предложил Акимов. — Мать в Иркутске гостит, мы с дочкой и женой потеснимся.

Костя, который стоял отвернувшись от Акимова, неожиданно легко согласился. Но сказал, что ему нужно проститься с рабочими, поучить их уму-разуму, что он в последний раз переночует в клубе. Дойдя с Люсей до красивого, игрушечного, в цветных лампах коттеджа Акимова (прямо как на обложке капиталистического журнала!), отдав ее на попечение председателя в дубленке, мы вернулись в зеркальный зал. Я видел, что Костя еще не отбушевал внутри, и молчал. Но молчал и он. Мы покурили, глядя друг на друга, каждый — в противоположном зеркале, и вдруг Костя тихо проговорил, вставая:

— Так. Я приду утром. Люське не говорить, ладно?

— Ты сбежишь?

Костя криво улыбнулся.

— Нет. Во всяком случае, здесь мне уже бежать некуда. — И лихорадочно блестя глазами, как-то даже униженно заглядывая мне в лицо, добавил: — Клянусь чем хочешь...

Я пожал плечами, и он ушел в ночь. Куда он направился? Может, надо было проститься с неизвестной мне женщиной? А может, просто не мог ночевать здесь, с этими полуурками, после того как за ним приехали? А с Люсей не мог быть рядом, чтобы не расплакаться, не расклетаться, потому что отвык?.. Я лег на его раскладушку, возле самой зеркальной стены, обрызганной кефиром, и только закрыл глаза, как ввалилась вся компания.

Они зажгли весь верхний свет, они были пьяны, они хохотали, прыгали, боролись, валились на раскладушки, ломая их с треском и прогибая до полу. Они цеплялись за крашенные жерди станков, изображая балерин, разглядывая себя голых в зеркале.

Они падали и засыпали. Со всех сторон разило одеколоном. Почему-то молчал Фефел. Может, его забрали в милицию? Я осторожно разлепил веки — нет, он стоял рядом, в двух шагах от меня, голый по пояс, с кучей родинок на спине. Он сегодня выиграл. Смертельно пьяный, он почти не покачивался — ждал, пока ему приготовят постель. Какая-то женщина в платке, видно уборщица, стелила на кровати, которую я днем не заметил, — кровать блестела шарами в самом углу, под портретом Улановой. Нахохлившийся, крючконосый, как сытый филин, Фефел пнул спящего Ситникова — тот вскочил и принялся стягивать сапоги с его ног. Фефел завалился спать, так и не прокрипев ни слова, но тише стало ненадолго.

Всю ночь в помещение входили и выходили какие-то совсем мне не ведомые люди в брезентухах и ватниках, с ружьями и фонариками. Кто-то подошел и стал шарить в карманах моего пиджака — я повесил его на стуле, — вынул спички и унес. Кто-то в шапке наклонился надо мной и дышал. Я тихо спросил:

— Что?

— Соль есть?

— На столе в банке видел...

— Смеешься! Нам надо два пуда! Где Костя? Рыбы налетело в сеть — два барабана!

У них была своя, мерзкая, развеселая жизнь. Они, конечно, не работали на этой великой дороге — они кормились при ней. Шакалы, думал я. Сейчас самый нерест. Это преступники. Но что я могу поделать?..

Я только уснул — и проснулся от оглушительного звона и криков в темноте, видно, дрались, на полу сверкали осколки зеркала.

— Что вы делаете, гады?.. — не выдержал я.

— Это кто вякает?! — Ко мне метнулись двое, и я увидел тяжело дышащих беломорского Теленка и Ситникова. — Что надо, лягавый?!

— Это же не ваше, — пробормотал я, поджимаясь. — Зеркала народные...

Ситников схватил за нижний конец раскладушки и затряс:

— Оплатим! Ты... Че лезешь?!

— Бери свои слова обратно! — заорал совершенно невменяемый мальчишка с белыми глазами, с белой бородачкой. — Берешь?!

— Беру... — прошептал я, и они, хрустя каблуками по стеклу, выбежали вон — кого-то догонять...

Я больше глаз не сомкнул и был счастлив, когда на рассвете тенью возник Костя Иванов. Он забрал свой чемодан, и мы выскользнули на улицу.

Мы постучали к председателю в ворота — в одном окне горел свет, Люся ждала. Жена Акимова, в дубленке, молча кивнула нам на прощание, и мы затопились на станцию...

8.

Часов через шесть мы уже ехали в купе нормального пассажирского поезда. Вагон был чистый, новый (производство ГДР). На столике, покрытом белой крахмальной салфеткой, звякали ложечками стаканы. За окном шел дождь.

— Пойду покурю, — буркнул Костя. Люся, испуганно положив свою руку на мою, стрельнула ему вслед глазами. Она все боялась, что он исчезнет. Трудно сказать, как бедная женщина провела ночь без мужа и надеялась ли увидеть его утром. Я кашлянул, как плохой актер, и потащился в тамбур за Костей.

Мы стояли на пляшущих железных листах между вагонами, в «гармошке», и смотрели в разные стороны. Разговор не клеился. Я сказал как бы шутя:

— Хорошо, что уезжаем. Еще не дай бог посадили бы тебя.

Костя молчал. Вряд ли посадили бы, возразил я сам себе. Он бы на суде прошел как герой. А мы все испортили. Но хватит, его ждет институт.

— Ну и грохочет, — кивнул я. — Ты думаешь, сколько децибел?

Он, не отвечая, яростно сосал сигарету. В дверях

тамбура появилась истосковавшаяся его жена, но тут же отпрянула и ушла в купе. Костя, может быть, обдумывал, как объяснить Люсе свои метания по стране. Может быть, хотел сначала обговорить со мной вариант рассказа.

— Зачем ты поехал за мной? — наконец прохрипел он, тяжело взглядывая на меня. — Орден дадут?

— Ты... не хочешь домой? — как бы удивился я.

— Я же посылал деньги!.. И нарочно не отвечал, нарочно! Неужели не понятно, что мне тут лучше?!

— Иванов! — вдруг закричал я. — Не сходи с ума!

Ты — талантливый ученый! А сделался бичом! Что же будет, если все побегут?! Надоело, видите ли, преподавать — побежал! Надоело лечить людей — побежал! Изображаешь тут хиппаря, да еще борца со значком мастера спорта! Или все это от самомнения?! Вот, мол, обо мне сейчас дома судачат! А я, еще один розыгрыш замасхорю! Будто я погиб, а на мое имя идет пенсия! За особый подвиг! Погиб, например, разведчиком в какой-нибудь капстране!

— Кстати, идея. — Недобро сверкнул глазами Костя. Нет, все-таки он изменился. Он с хрустом затянул ремень. И ремень-то какой — на пряжке орел, в клюве бутылку держит...

— Старик, — я стал говорить мягче. — Костя! Тебя все любят. Даже моя жена — вот, говорит, мужчина! Как хату отремонтировал! Кстати, ушла от меня. Если хочешь знать — из-за тебя. Не выдержал я сравнения с тобой, Иванов!

— Танька ушла?!

— Да. Год назад развелись, — мстительно пояснил я. — Ну, сразу же, как ты... Ничего?!

— Н-да, — кажется, смутился Иванов. Не потерял еще совесть, подумал я с просыпающейся радостью. В тамбур снова выглянула Люся, но я махнул ей рукой, чтобы исчезла, и продолжал один на один под бешеным скаком колес.

— Дело не во мне! Ты начал докторскую... тебе что, тема не нравится? Ну, возмись за другую.

— Нет, — тихо сказал Костя.

— Что — нет?

— Мне вообще не нравится эта работа.

— Как не нравится?! — поразился я. — Ты кандидат наук! Через два-три года станешь доктором. О тебе рассказывали на научной конференции в Новосибире*. Тебя, может быть, на симпозиум пошлют, во Францию. Если возьмешься за ум...

Костя молчал. Он сунул руки в карманы и поигрывал пальцами, как давеча Фелел. Я усилил наступление.

— Опять же подумай — дочка растет одна. А вдруг свяжется с кем-нибудь?

— Ну и что? — пробормотал Костя.

— Как — ну и что?! Свяжется... родит... мало ли!

— Конечно. Тебе легче. Твой сын, даже если свяжется, не родит! — Да, Костя изменился. Стал злым. И сам научился острить. А раньше стеснительно молчал и грыз ногти. — Если с ней что-то случится, значит, такой я ее воспитал. Незачем сторожить. Она саморегулирующаяся система.

— Что?! — Так дико было услышать это от бордатоного черного человека в ободранной, пахнущей мазутом куртке (оказалось, у него нет пальто — проиграл в карты! Подумай — проиграл в карты! Это он мне признался. А в чемодане — только сорочки и

* Новосибирск (на сленге ученых).

книги).— Ты не смейся! Что о ней будут говорить люди! А о твоей жене! Бросил! Дело же не в деньгах! Нужен человек!

— А она меня хвалила... как раз за злотые.

— Ну, было — теперь уже раскаивается.

— Ого?!

Люся снова замаячила в тамбуре, кашляя в синем табачном дыме, насильно улыбулась милому и ушла. Она все, кажется, не верила, что муж, драгоценный, любимый, нашелся. Что он здесь, рядом, тут.

— Здорово! — как бы удивился Костя.

— А вот моя с ума сошла... говорит, почему не делаешь из рубина перстней, как, вон, в Латвии зарабатывают все интеллигентные люди! А чтобы ты уверенней чувствовал себя... директор тебе дает повышение. Там произошла...

— Я читал. Ложь. Вы специально, — отчеканил Костя, и с такой убежденностью он это сказал, что я не решился переубедить. — Понимаю, вам обидно — Иванов где-то мотается, живет интересной жизнью... а вы прозябаете...

— Неправда! — Я, наверно, покраснел. Он ударил по самому больному. — Если я еще завидовал тебе издали, то вот посмотрел сейчас на эту гнусную компанию, на то, как ты перед ними вроде клоуна на ковре... Нет уж, плевал я на такую свободу! Государство затратило на наше обучение деньги, мы должны делать то, что должны делать.

Костя молчал. Говорил я, конечно, плохо, как нарочно, чужими словами. Иванов тоскливо глядел мимо меня туда, где в вечерющем сумраке проносились, подпрыгивая, леса. Не зная, что еще сказать, я судорожно кивнул, как милиционер, в сторону нашего купе — мол, пошли. И мы пошли.

Люся ожидала нас, сжимая почему-то пустой стакан. Минут двадцать мы молчали, Люся, включив улыбку, смотрела то на меня, то на мужа. На разезде поезд остановился. Когда он снова тронулся, в купе вошел новый пассажир. Ему досталась верхняя полка, но он не спешил ее занимать. Был он седой, коротко стриженный, плотный, с шишечкой на щеке, в кителе и синих брюках, с плоским портфельчиком — явно бывший военный на пенсии. Он указал кривым пальцем на нижнюю полку:

— Вы, разумеется, уступите старшему по званию?..

От него пахивало водкой, и Люся поспешно согласилась:

— Пожалуйста! — и, обращаясь к мужу, добавила: — Мы ляжем наверху?

— Вы ее гоните?! — вдруг нехорошо, нараспев, спросил Костя, медленно вставая и как-то странно свесив руки, кистями назад.

— Не понял? — вскинул брови седой человек.

— И никогда не поймете! Вы что, хотите, чтобы мы все трое сидели там, наверху? — Он словно с цепи сорвался, речь его исказилась, слова стали угрожающе-рваными. — Как кукушечки в гнезда-дыша-ке?!

— А-а, старый знакомый! — Ослабилась человек, уловив блатные интонации, пятась к двери. — Может, документики покажем?!

— Тебе?! Внимательно смотри! — Костя мгновенно слепил из пальцев обеих рук дули — и не две, а четыре. — Видел?!

— Хорошо, — буркнул нарочито покорно человек и вышел.

Люся схватила мужа за руки, умоляюще зашептала:

— Ты что делаешь? Милый! Что с тобой?!

— Сволочь! — не унимался Костя. Губы у него дрожали, левое веко над черным глазом задергалось. — Шмакодявка! Привык!.. — Но вдруг он стал вялым, безучастным, полз, большой, длинный, на верхнюю полку и послушно затих.

Люся, глядя на меня, вздохнула. Теперь мы ждали мужчину в синих брюках — с проводницей вернется или с милиционером. Милиции в этих поездах всегда много.

Дверь с лязгом отъехала в сторону, и вошли рыжий молодой сержант, проводница и наш новый сосед. Я читал газету «Правда», оставленную кем-то на столике, Люся листала, хмурая лоб, книжку в красной обложке, посвященную революционному процессу в Латинской Америке.

— Ну и где этот супчик нам на ужин? — привычно сострил милиционер, удивленно глядя на красный томик, навещающий высокие мысли.

— А вон!.. — Показал мужчина двумя пальцами, изобразив пистолет. — Притворяется спящим! Он пьян!

— Кто? Вы или он? — спросила холодно Люся. — Ну-ка, дыхните! Между прочим, у моего мужа больная печень, ему нельзя. — И открыв сумочку, достала справку, которую бог знает зачем она взяла, видимо, у моей же Тани. На всякий случай. О, женская предусмотрительность! Нарочно не сообразишь. — Он кандидат наук. — Люся показала и диплом кандидата с осыпавшимися золотыми буквами. — Он отдыхает.

— А вот этот товарищ нашумел тут... напугал... злоупотребляя служебным положением, — добавил я, веселея при виде человека в синих брюках, постепенно тупеющего от непонимания того, что происходит. — Нехорошо! Вы револьвер сдали, как положено? Вы бы проверили, товарищ милиционер. А то, знаете, нетрезвый... вдруг применит... А я — тоже научный работник. — Я показал документы, хотя меня и не просили. — А Людмила Васильевна — член партбюро нашего института. А вы? Показали бы документик, товарищ?

Милиционер задумчиво повернулся к нашумевшему человеку.

— Пожалуйста, — растерялся тот окончательно и побавровел, как окорок. И вынул стертые и согнутые, как гребенка, корочки. — Вот, так сказать... я на пенсии... старший лейтенант...

— А ведете себя как генерал-лейтенант... — пробурчала Люся, перелистывая гляцевую страницу.

Проводница молча смеялась. Милиционер тоже улыбнулся, и они ушли. Человек в синих брюках постоял у входа, не садясь, схватил свой портфельчик и выскочил вон. Больше мы его не видели.

Что-то нам стало смешно, и Костя сверху спросил: — Ну, а что нового у нас? Как шарик?

Шариком мы называли моего шефа, директора. А то, что Костя сказал «у нас», особенно обрадовало меня и Люсю. Слава богу.

— Все та же секретарша? Или еще выше?

Шеф, как я уже говорил, уважал высоких женщин. У него и жена была как гренадер — на голову выше.

— Аллочка! Она сама растет! Уже под два мет-

ра,—хохоча, сообщил я, заглядывая на верхнюю полку.

— А Вовка, лаборант у Вити, вместо спирту бензину тяпнул,—крикнула, вскакивая, Люся.— Вот была хохма!

— Правда?! — Костя свесился с полки, он хохотал, как прежде, высовывая язык, он чуть не сверзился сверху.— А Серега?

Серега Попов был у нас всю жизнь отличник, в белом воротничке, всегдашняя мечта наших девочек. Но на пятом курсе Попов неожиданно женился на продавщице из молочного магазина. Мы острили — знал, что делал! Зато сейчас сметану ест. Потому раньше всех и докторскую защитил.

— У него синица в форточку залетела и... бомбардировала установку... произошло замыкание! На три тыщи рублей сгорело барахла! — вспомнил я действительную историю. Только не на три тыщи, а на двести рублей.— Отныне ненавидит всех птичек! Он же зануда, он сразу все обобщает!

Костя катался наверху от хохота, мне показалось — он вдруг начал испытывать нетерпение, ему захотелось скорее домой, может быть, он понял, что истосковался по работе, по своим, по интеллигентному миру... Я сбежал на какой-то станции в магазин, опередил всех, успел взять пива и застал Костю и Люсю целующимися.

Мы до самой ночи смешили нашего дорогого человека, рассказывая байки, анекдоты, он хохотал и просил еще.

Потом все уснуло.

А когда я под утро проснулся — Кости на полке не было. Не было его чемодана. Не было и дрянной меховой куртки, подвешенной на крючке в изголовье. «Да ну, ерунда,— пробормотал я про себя.— В туалет пошел!» Но я уже точно знал — он сбежал.

Я не стал будить Люсю — провалился, закрыл глаза, пока не рассвело. Мы уже подъезжали к Тайшету.

Люся проснулась, посмотрела на меня, наверх — на пустую полку (он специально попросился вчера на верхнюю — во избежание искушений, как объяснил он с ухмылкой) и, перевернувшись лицом в подушку, тихо заплакала.

9.

Я сидел в лаборатории, уныло глядя на замершие стрелочки приборов. Внутри печей, в фарфоровых трубках, в запаянных кварцевых ампулах, как жемчуга в раковинах, медленно вызревали наши искусственные драгоценности, которым грош цена, когда не хочется жить. Ну как я мог этому быдлу, беловолосому мальчишке, сказать: беру свои слова обратно?.. Ну кто он такой? Ну, ударил бы. Изрезали бы зеркалами. Одна надежда, что эти люди забудут мое малодушие. Они и имени моего не знают. Одна надежда.

Я привычно записывал цифры и думал, как же мне объяснить директору, с чем мы вернулись.

Люся всю дорогу до дому плакалась:

— Сбежал!.. как от немилой! От чужой!.. будто я скандальная баба, будто за ухо его домой тащу!.. Да провались ты в любую дыру, дурак бородатый! Метла с глазами! Мочалка собачья!.. Перед дочкой стыдно! Перед общественностью!..

— А мы не скажем,— пытался я успокоить ее, но она почти не слушала, резким голосом, похожим на голос репродуктора милицейской машины (со средними низкими частотами), кричала:

— Все равно узнают! На этом свете нет тайн! Сам же говоришь — все сверху сфотографировано насквозь! И у нас, и у них!

— Ну, американцам, допустим, наши личные дела до фени!..

— Среди ночи сбежал, как вор!.. А еще расспрашивал о новостях, смеялся... а сам уже знал, что сбежит!.. Нет, Витька, он очень плохой человек! Он стал лживым! Он... О, почему я не отобрала паспорт! Почему не сунула всю его куртку под подушку!

— По-моему, он и без документов...

— Нет-нет! В нашей стране человек без документов ноль!

«Может быть, здесь все-таки замешана женщина,— думал я, глядя из вагона на пустынные весенние поля со сверкающими узкими и очень длинными зеркалами воды.— Он не стал вдаваться в подробности, чтобы Люсе не было мучительно больно... тфу!..— ругался я,— «мучительно больно»... штампы школьных сочинений так и лезут... Взял и сиганул! А ей наверняка напишет, если он не скот. Даже скорее всего — на столе уже лежит телеграмма. И перевод».

— Плевать мне на его деньги,— продолжала Люся уже в автобусе, когда мы ехали с вокзала вверх, на гору, по деревне Покровке в Академгородок — мимо страшных ям и подъемных кранов с флажочками, напоминающими тот красный флажок на двери сарая, где Костя сидел с «химиками», — я сама заработаю! Я как лошадь, все вытану! Дочку одену и накормлю! И замуж выдам! Что, мне больше других надо? Я, может, тоже мечтала на вулканы Камчатки... всякую пемзу собирать, стоя на трясущейся земле! Я, может, тоже смелая и романтику люблю!.. — Она заученно улыбалась каким-то людям в автобусе — на всякий случай, это могли быть знакомые, ее как общественную деятельницу знали. И шептала мне, уже таща под руку от остановки к нашим домам, под порхающим снегом — а здесь снова шел снег и снова исчезал в черных водах, как месяц назад... — Может, я тоже, тоже!.. Гад!.. Да! — вдруг заговорила она о другом, энергично трясая головой. — Вы, мужчины, эгоисты! И ты эгоист! Захотелось вам глухаря послушать или смолу сосновую пальцем потрогать, вы готовы все продать, купить билет и поехать, пустив по миру детей и родителей... Это еще аукнется нашему обществу — это ваше бичевство! — впервые стала пророчествовать Люся. Она, правда, пророчествовала и раньше, но оптимистически. А сейчас в ее речи звучал явный пессимизм. — Мы еще задумаемся, откуда корни! И еще вспомним те годы, когда дети уважали старших, а разводиться было грех...

Я, уничтоженный ее презрительными выпадами против мужчин, и тем более разведенных, хотел уже сказать, что такая семья, как у нее, не лучше, но она, покраснев, опередила меня:

— А я вот сама возьму да подам на развод!

«Ну, ну,— подумав, обеспокоился я.— В таком случае тебе придется заниматься только научной работой».

— Не те времена! — совершенно нелогично вдруг

стала она защищать новые времена. — Сейчас можно и общественному работнику, и даже партработнику быть разведенным! Зато честно! Я говорю — женщина имеет право, как слабый пол! А если он подал, самец... то считается — он бросил жену! Вот у вас... ты или она была инициатор?

— Вообще-то Таня... — пробормотал я.

— Тогда ничего, — сказала она. И жалостливо попросила: — Витя, ты уж помоги мне как-то информировать наших. Может, скажем — не нашли? Может, его в суровый край сослали... послали... скажем, с геологами?

Но беда была в том, что в институте нас уже поджидала телеграмма на имя директора: «ПРОШУ ОСТАВИТЬ ПОКОЕ ПОСТИГАЮ НАШУ ПРЕКРАСНУЮ РОДИНУ ТРУЖУСЬ СНАБЖАЮ СЕМЬЮ МЕСТО МОЖЕТЕ ОТДАТЬ НЕСТЕРОВУ ИВАНОВ».

Нестеров, повторяю, это я.

А дома у Люси действительно лежал телеграфный перевод на сто рублей — видно, больше не нашлось у человека, тем более что буквально за неделю Люся получила от него двести. И ждала ее следующая телеграмма: «НЕ СЕРДИСЬ Я ВСЕТАКИ НЕ МОГУ ЗАНИМАТЬСЯ НЕЛЮБИМЫМ ДЕЛОМ Я СЧАСТЛИВ ВЕРНУСЬ КОГДА ТЫ МНЕ РАЗРЕШИШЬ РАБОТАТЬ ГДЕ УГОДНО ЦЕЛУЮ ТЕБЯ СВЕТКУ КОСТЯ».

«Да уж... разрешу тебе дворником... — бормотала Люся, всхлиывая и сминая хрустящий листок. — Позор! Стал бич бичом!..»

А меня ждала телеграмма подлиннее (не поспутился Костя, решил, видно, в отчаянии объяснить до конца): «ПОЙМИ ПОДДЕРЖИ МОИХ ПРОСТИ ЕСЛИ ВИНОВАТ ТВОИХ БЕДАХ НУ НРАВИТСЯ МНЕ БЫТЬ УВОЛЕННЫМ ЖИТЬ ВРЕМЕННО НЕ ИМЕТЬ НИ КОЛА НИ ДВОРА СВОБОДЕН МОГУ ДЕЛАТЬ ЧТО ХОЧУ ПИЛИТЬ ПЕТЬ РУБИТЬ УГОЛЬ ВАЛИТЬ ЛЕС ОКАЗЫВАЕТСЯ ЗЕМЛЯ ОГРОМНА НА НЕИ СТОЛЬКО ИНТЕРЕСНОГО И НЕ ВЗДУМАЙТЕ ИСКАТЬ НА ЭТОТ РАЗ НЕ НАЙДЕТЕ ДЕНЬГИ БУДУ ПЕРЕВОДИТЬ ПО ЦЕПОЧКЕ ЗНАКОМЫХ РТА НЕ РАСКРОЮТ ПОНЯЛ ОБНИМАЮ ТВОЙ ИВАНОВ-СИБИРСКИЙ».

Я все понял. Я был зол и завидовал.

Я рассеянно следил за показанием стрелок ПИТА, за движением облаков в окне. В углу лаборант Вова, толстолобый увалень в ботинках сорок пятого размера, сопя, читал томик английского поэта Китса.

Вошел шеф — вкатился этаким гладкий шарик с золотой трещинкой зубов, — вскинул руку — мол, тихо, я сам, посмотрел записи, глянул в окно, — тоже полюбопытствовал насчет облаков, подсел рядом и шепотом осведомился:

— Ну, как?..

— Да вы же видите... не хочет он возвращаться...

— Да с ним все ясно! — поморщился шеф. Его Иванов уже не интересовал. — У нас освободилась третья печь? Давайте попробуем, как алхимики, такой абсурд! — Он принялся быстро писать на бумаге. — Фтор мы любим... ртуть мы любим... так, так. Давление... Есть вариант найти потрясающее «мю». «Мю-ю!» — мычали коровы, ломая кристаллические решетки... О'кей?

Я кивнул и принялся готовить эксперимент.

Наступили будни. Снова сыпался снег на леса, на. Академгородок, хотя уже вывешивали лозунги

к Первому мая. Правда, снег сразу же таял. Возле мастерских на повороте пролетающие автомашины так сильно брызгали гравием и водой, что Доска почета с моей фотографией (внизу, третья слева) отшатнулась.

Иногда небо мгновенно вдруг очищалось, начинало полыхать синим чистым пламенем, и вокруг все сохло, исходя паром. Женщины надевали красочные платья под черные халаты. Наверное, и моя Таня надевала что-нибудь кремовое или нежно-зеленое под белый халат. И кто-то, чтобы задержать ее возле своей больничной койки, нарочито вызывал в себе учащенное сердцебиение, как делал это когда-то в шутку я. Таня, как близорукая, пристально глядя в мое лицо, накладывала два пальчика на мою кисть и пугалась:

— У тебя... фибрилляция!..

Сын мне не звонил.

Никому я не был нужен, кроме как моим кристаллам, особенно черниту — наверное, он вырос уже с кулак ребенка, кристалл чистой воды, цветом в смерть, который даст нам возможность писать на Луне хорошие и нехорошие слова, если из него сделать лазер: Кристаллу еще предстояло расти — нужно только было не мешать ему, сидеть и ждать.

Ночами он снился мне — величиной с девятиэтажный дом, и, собирая свет с небес и солнца, он образовывал на земле возле себя крест мощного розово-фиолетового света — на этом месте бичи жарили яйца и грели посинелые руки. Среди них в лохмотьях сидел, показывая стальные зубы, и Костя Иванов.

К черту! Ему на нас наплевать. Наплевать и мне. На него. И на всех. Вот стану известным ученым — еще посмотрим, не расквасишь ли ты, Константин Авксентьевич! И вы, Татьяна Николаевна!

Я, поддреывая, взглядывал на показания стрелок, а лаборант Вова, шмыгая носом, читал сегодня уже Лукулла. Ну что ему Лукулл? Что он в нем понимает? Читал бы уж детективы — это еще туда-сюда. Ну, Паустовского, про красоты природы... ну, книгу Чичестера про кругосветное плавание на яхте, про ревущие сороковые... напомнить себе о героях... о недостижимых идеалах... А что ему Лукулл? Все играют во что-то. Не может Лукулл нравиться нормальному современному человеку. Может нравиться лишь серьезная перспективная работа.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Евгений
КОТЕЛЬНИКОВ

СИЗЫЙ

На свадьбе гуляли в новой квартире.
Смешались музыка, тосты, гам...
Друзья пожелали: «Живите в мире!» —
и ночью разъехались по домам.

Едва свои золотистые бусы
по комнате разбросала зря,
как женщина вскрикнула: «Полюбуйся,
мой милый, на этого дикаря!»

А там, по самому краю карниза,
за влажным стеклом, за майским окном,
расхаживал големом голубь сизый,
похожий на сказочный метроном.

Четыре шага — туда и четыре —
обратно, четыре шага — туда...
И в крохотной необжитой квартире,
казалось, всходила своя звезда.

Он к ним прилетал откуда-то снизу.
Мужчина хлеб принимался крошить.
А женщина все говорила: «Сизый!
Ведь правда, ты будешь с нами дружить?»

Потом хохотала, била в ладоши,
заметив, что голубь круглее стал.
И все повторяла: «Сизый, хороший...»
И он соглашался. И прилетал.

Зима за зимою, за летом лето...
А сколько воды и слез утекло!
В квартире — другие. А дурень этот
стучит и стучит — головой — в стекло.

ХОББИ

Кошек она собирала
из дерева и металла,
в клеточку и в горошек —
уйму прелестных кошек.

Гладила каждую умницу:
такая сметану не съест.
А завернувших с улицы
вышвыривала в подъезд.

Кошек она собирала...
Кошек она пинала
в голову и под дых.

Она обожала кошек
в клеточку и в горошек.
И не терпела живых.

Роальд КАПТИКОВ

УЗОРЫ СЕВЕРА

Уже неделю мы живем в городе Великий Устюг. Хожу на этюды, ребята из Свердловского архитектурного института занимаются обмерочной практикой и, конечно же, тоже рисуют и пишут, потому что невозможно быть здесь и остаться равнодушным ко всему этому каменному великолепию.

Очарование города — в неповторимости древнего сплута, в прелести многоярусных церквей и колоколен, как бы затеявших танец вдоль левого берега Сухоны, да и застывших навечно.

Великий Устюг, возникший около середины XII века, как и многие древнерусские города, стоит несколько в стороне от своего первоначального месторасположения. Более раннее поселение находилось на высоком холме, носившем название Гleden (позднее здесь возник Троице-Гледенский монастырь), у слияния рек Сухоны и Юга. Отсюда и произошло название города Устюг, то есть устье Юга.

Возник город на великом пути, связывавшем Север с Уралом, Сибирью и Москвой.

В то время устюжане с оружием в руках защищали свой город от набегов воинственных соседей и сами участвовали в военных походах на стороне ростово-суздальских, московских князей, помогая созданию единого общерусского государства. Население его, городские ремесленники и крестьяне, создало свою самобытную культуру.

Обнаружив в искусстве Севера многое из того, что на юге и в центре страны давно было утрачено, академик Б. А. Рыбаков сказал, что «север... стал как бы отдавать свои долги России, возвращая в целостности то, что в центре и на юге было давно забыто».

Наши этюды под открытым небом нередко прерывались частыми в это лето дождями. И вот в один из таких «великих дождей» мы зашли в Великоустюжский краеведческий музей. Музей этот, прямо скажем, необыкновенный. Он совершенно не похож на большинство провинциальных музеев. Поражает широта, с какой представлены художественные промыслы устюжан.

Здесь изразцы, просечное железо, финифть, филигрань, чернение по серебру, «мороз» по жести, резьба и роспись по дереву, резьба по бересте, изделия чеканщиков, юнчаров, ювелиров, текстильщиков.

К сожалению, многие из этих промыслов — достояние истории. Однако есть и такие, которые не только дошли до нашего времени, но и ныне составляют предмет законной гордости устюжан. Таковы чернение по серебру (северная чернь), резьба и роспись по дереву, резьба по бересте.

Директор Великоустюжского СПТУ № 74 Александр Тимофеевич Гороховский показывает стенды с изделиями учащихся. И кажется порой, что я снова попал в музей, так высок уровень лучших работ.

СПТУ готовит кадры для завода «Северная чернь» и для фабрики «Великоустюжские узоры».

Фабрика изготавливает много изделий: от традиционных берестяных туесов до декоративных ланно и оригинальных футляров для очков. Но, пожалуй, наибольшим спросом в последнее время пользуются берестяные хлебницы, сочетающие красоту внешнего вида с чудесным свойством долгое время сохранять свежесть хранящегося в них хлеба.

**Троице-Гледенский монастырь,
XVII — XVIII вв.**

За проходной фабрики снова попадаешь в царство узоров. Строгие, но изящные наличники деревянных домов, дальше, на фоне вечернего, розоватого, как молодая береста, северного неба ажурный силуэт семнадцатого века — церковь Вознесения с ее многочисленными главками, кокошниками, карнизами, всем этим «узорочьем», которое не один век радовало глаз наших предков...

Большинство архитектурных памятников отреставрировано. Однако реставрация носит порой несколько неожиданный характер.

Так, колокольня Никольской церкви (конец XVII — начало XVIII века), весьма небрежно покрашенная, разрисована еще дополнительно черной краской, которой обведены все архитектурные элементы.

Для чего это сделано? Для «пущей яркости»? Весьма безвкусно выглядит и «суперграфика» на фасаде Прокопьевского собора, где в кокошниках над апсидами присутствуют чуть ли не все цвета радуги...

Известно, что древние строители предпочитали либо чисто белые стены, на которых особенно эффектно читались рельефные украшения, либо применяли сочетания белого камня с естественным красноватым цветом кирпича. Позднее, в сооружениях классицизма, применялись мягкие пастельные тона, охристые или розоватые...

Своеобразие городу придают и многочисленные купеческие особняки XVII — XVIII веков. Таков, например, дом купца В. И. Шилова, известного русского землепроходца, освоившего Алеутские острова. Дом построен в начале семидесятых годов XVIII века и представляет собой великолепный образец провинциального особняка в духе пышного елизаветинского барокко.

Вообще купечество сыграло заметную роль в жизни древнего Устьюга. Из его среды выдвинулись такие замечательные люди, как Ерофей Хабаров, проложивший путь к далеким берегам Амура, Семен Дежнев, впервые обогнувший Чукотку, Владимир Атласов, исследовавший дотоле ведомую Камчатку...

Удивительно много вместила в себя история этого небольшого, в общем-то, города, наделенного таким гордым эпитетом «Великий».

Фото Игоря Горячева

Михайло-Архангельская церковь
в г. Слободском близ Кирова, 1610.

Мироносицкая церковь, 1714.

Церковь Вознесения, 1714.

АЭЛИТА * 88

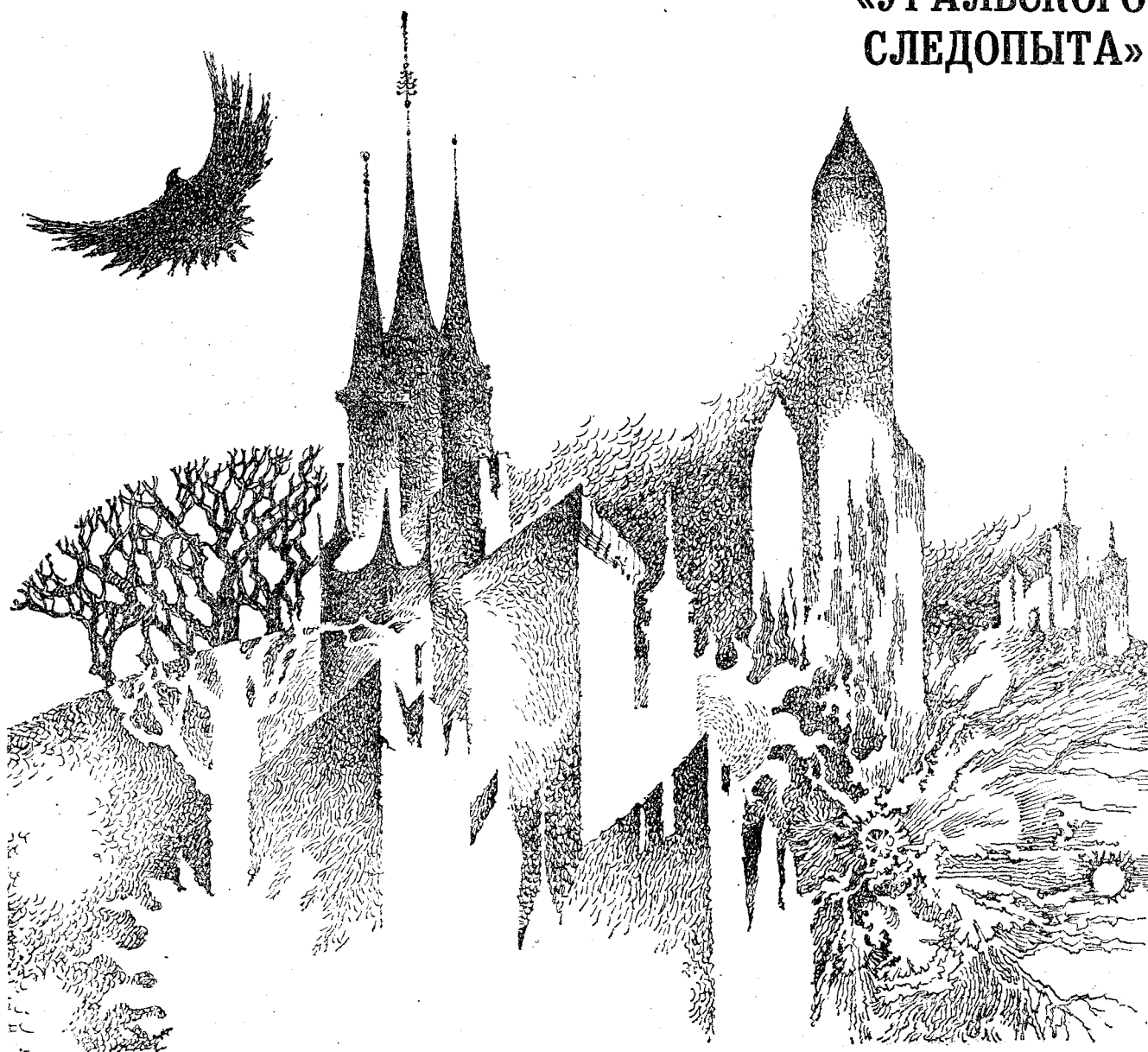

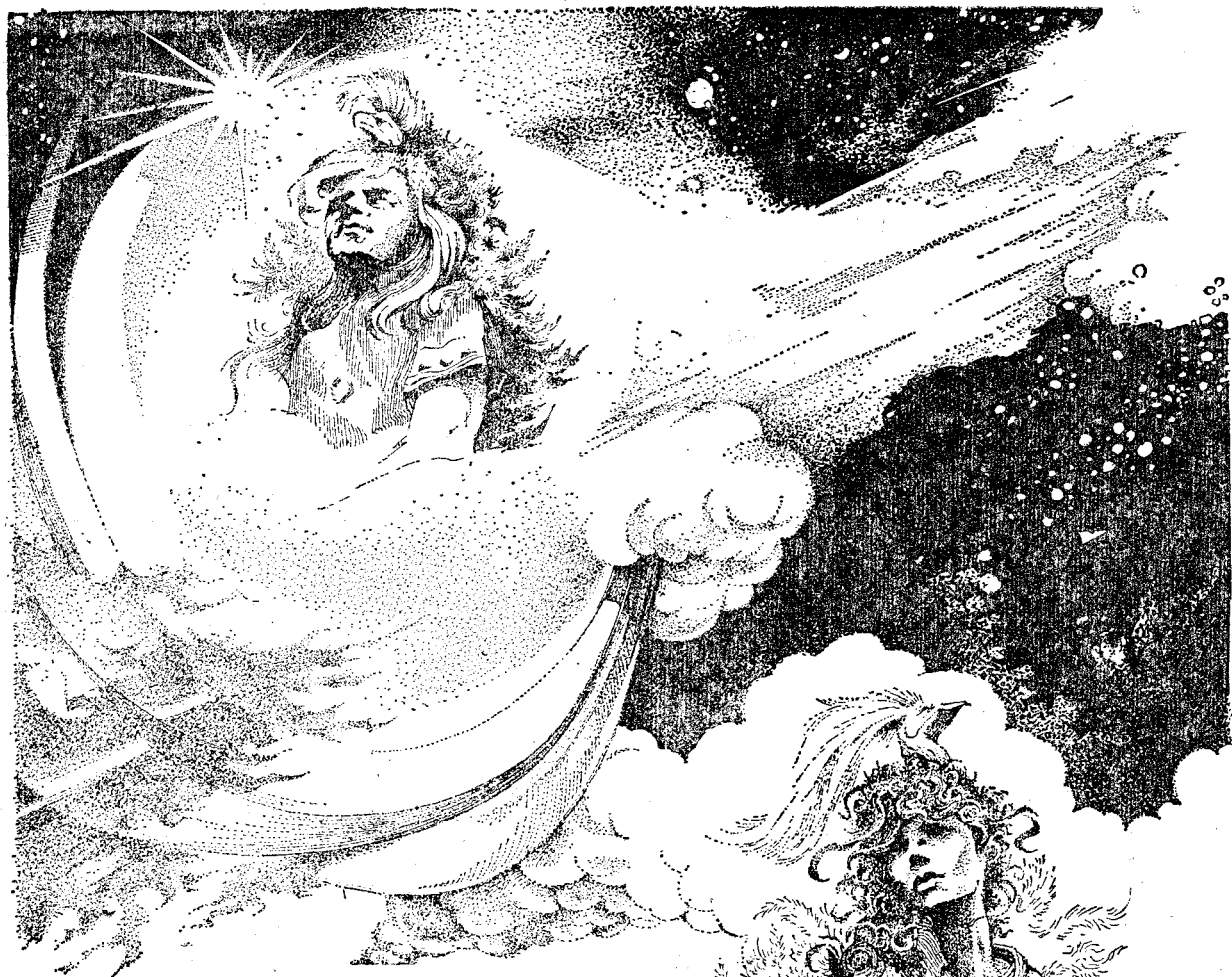

АЭЛИТА * 88

ФАНТАСТИКА
«УРАЛЬСКОГО
СЛЕДОПЫТА»

Звёздочка- Во-Лбу (Чакра Кентавра)

Космическая опера

Ольга
ЛАРИОНОВА

Рисунки
Дмитрия Литвинова

Третий в игре — Рок

Голос возник в анфиладе вечерних покоев. Он еще не звучал, но уже присутствовал здесь — незванный и неминуемый. Призрачные выюнки, что свисали со стрельчатых прохладных арок филигранных комнаток, следующих друг за другом, как составленные в ряд шкапулки, тоже уловили присутствие постороннего и теперь едва уловимыми движениями свертывали свои паутинные стебельки в упругие спиральки. Выюнки, чеканные накладки стен и потолков... Все оставалось так, как было при жизни хозяйки этих покоев, любившей проводить здесь предзакатные часы нелегких раздумий.

Теперь он, эрл Асмур, ее сын, владетельный ленник короля Джаспера, был полновластным и единоличным хозяином всего необозримого в своей протяженности замка, и только сервы, шелестя, пугливо исчезали при его приближении; кроме него и всей этой безликой подобострастной армии ни единой тени не возникало в древних прадедовских стенах.

Впрочем, одна появлялась, но он гнал от себя это воспоминание, ибо в настоящем этому уже не было места...

— Мой слух принадлежит тебе, вошедший без зова! — проговорил он нарочито торжественно, догадываясь, кому будет принадлежать этот голос, и стараясь поскорее начать разговор, раз уж он неизбежен, чтобы быстрее его закончить.

— Эрл Асмур... — слишком высокий юношеский голос зазвучал и сорвался. Голос, чересчур звонкий для комнатно-шкапулки. — Высокородный эрл, мы собрались у наших кораблей, и нас девять, и у каждого из нас на перчатке тот, кто ждет выполнения Уговора.

Юноша говорил учтиво, и главное — он имел право говорить. Потому что десятым кораблем должен стать корабль Асмурса. Ему — вести армаду, им — подчиняться. Тот, кто говорил сейчас с ним, был самым юным, хотя на все время похода эти девять становились абсолютно равными друг другу. Но право говорить с командором по многовековой традиции предоставлялось младшему.

Традиции, обычаи, клятвы... Скоро на Джаспере их станет больше, чем самих обитателей. Асмур откинулся на спинку узенького материнского кресла, слишком хрупкого для могучего тела. Кресло жалобно подало голос. Лицо владетельного эрла приобрело то напряженно-спокойное выражение, которое соответствовало мучительной сосредоточенности его души, обуреваемой исключительно горестными заботами — от мелких житейских

неурядиц до скорбных и безнадежных дум о судьбах всего Джаспера.

— Назови себя! — велел он ровным и спокойным тоном, в который против воли проникла излишняя суровость.

Разумеется, он мог пригласить юношу сюда, это дозволялось ритуалом выполнения Уговора и в последние годы стало даже чем-то вроде традиции хорошего тона, но Асмурс, последний из рода Муров, мог позволить себе не нарушать своего одиночества в этот последний вечер на Джаспере.

Завтра они будут вместе, и это надолго.

Этот вечер он проведет так, как ему угодно.

Недаром мона Сэниа, опуская ресницы, печально говорила ему: «У тебя душа крэга...»

— Благородный эрл, я седьмой сын владетельного тана Эля, и мое имя — Гаррэль.

Странно, в голосе седьмого сына могло бы звучать и поболее гордости, если даже не спеси: говорил-то он с тем, кто был последним в роду. Тем не менее в его интонациях проскальзывало нечто, напоминавшее приниженность и уязвленность, ставшие привычкой. Отчего бы?

А может, у него...

Асмурс резко оборвал течение собственных мыслей. Веяние новых традиций чуть ли не обязывало его предложить Гаррэлю явиться лично в замок Муров, и тогда сразу стало бы ясно, что там неладно у младшего отпрыска многодетного рода Элей. Он этой традиции не последовал — значит, нечего и гадать. Завтра все само собой прояснится. Завтра.

— Завтра, — проговорил он надменно, привыкая к тону командора, — мы отправимся в путь в то время, которое укажет нам предначертание. Обратимся же к нему, не мешкая, чтобы те, кто хочет что-либо завещать ближним своим, могли сделать это заблаговременно.

Голос Асмурса был ровен и властен — да, ему самому не суждено оставлять завещание, он одинок, как крэг, и вряд ли Гаррэль и те, кто окружает его на пустынной стоянке звездных кораблей, не знают этого. Он — последний в роду, и все-таки каждый из его дружины горд и счастлив тем, что их поведет сам владетельный Асмурс.

Он резко поднялся, оттолкнувшись от подлокотников резного кресла, и от этого движения тусклые серебряные когти еще крепче стиснули его запястья — крэг давно привык к стремительности движений своего хозяина. Наклоняясь под каждой аркой, чтобы свисавшими с потолка выюнками не потревожить остроклювую голову, лежащую на его белых волосах, точно пепельный капюшон, он прошел всю анфиладу, залитую закатным светом,

и остановился перед табернаклем из черной кости, внутри которого парила ониксовая фигурка дикого крэга. Он приблизил к фигурке правую ладонь, и тут же в основании табернакля с мелодичным звоном выдвинулся не приметный до той поры ящичек.

Асмур подвигал кистью руки, ослабляя жесткую хватку когтей, и вынул из ящичка колоду карт. Ему показалось, что при этом его крэг начал часто-часто дышать, — что за чушь, сказал он себе. Крэги вообще не дышат.

Он долго тасовал карты, хотя ему было глубоко безразлично, как пойдет игра. Наконец решился и перевернул колоду нижней картой вверх.

Темно-лиловый контур ползучего грифона смотрел на него.

Темно-лиловый.

— Козыри — ночные, — проговорил он совершенно естественным тоном.

Голос Гаррэля, неслышимо сопровождавший его через все покои сюда, к табернаклю, ничем себя не выдал — ни вздоха, ни возгласа. А ведь ночные козыри не только предписывают час вылета — они еще и предсказывают, что кто-то из них не вернется из этого похода.

— Держи! — велел Асмур, швыряя карту в ничто, которое он определил на уровне окна.

Белый глянцеитый прямоугольник, испещ-

ренный почти черным крапом, долетел до рамы и исчез, словно растаял — Гаррэль протянул руку в ничто и принял переданное. Следующую карту Асмур положил перед собой. Он приблизил границу исчезновения к себе и очередную карту швырнул без предупреждения — она пропала, едва отделившись от его руки. Вернется? Нет. Молодец мальчишка, перехватывает по едва уловимому шелесту и не промахивается. А ведь это самый младший из его звездной дружины. Асмур сдал всю колоду, и началась игра. Он не следил за тем, какие карты выпадали ему, и теперь, разом раскрыв многолепестковый веер, почти с изумлением обнаружил у себя на руках чуть ли не всю темно-лиловую масть.

Забавно, в кои веки ему повезло, и надо же — именно в той игре, где не бывает выигравшего. Потому что играют они не вдвоем с Гаррэлем, а втроем, и третий партнер — это судьба. И чем бы ни закончился кон, выигрывает только она.

— Твой ход, — поторопил эрл.

В сгущавшемся полумраке блеснула летящая карта — она опустилась точно на черепашьих столбик, едва-едва возвышавшийся над полом перед табернаклем. Карта была не сильной — Прялка Судьбы, да и масть была оранжевой, дневной, прямо противоположной ночным козырям.

Азита-88

— Колесо Златопрялки? Хм... Бью Собачьей Колесницей.

Так. Оба созвездья вышли из игры, и хорошо — они лежали слишком близко к галактическому ядру, там просто нечего было делать. Кто же выберет себе приют в таком жарком месте?

— Болотный Серв и Кометный Гад! — он подбросил две голубые вечерние карты, но они не исчезли, а, наоборот, удвоились — Гаррэль скинул, и даже не в масть. Владетельный эрл недоверчиво приподнял бровь — все выходило слишком уж гладко, как по писаному: из игры изымались либо чересчур опасные, либо совсем убогие, заштатные созвездья, на которые постыдился бы лететь и безродный с пестрым крэггом.

Судьба прикидывалась простушкой, и ее надо было испытать.

Теперь за ним было два хода подряд, и он выкинул одну за другой самые грозные, роковые карты с символами чудовищно неуравновешенных звезд и рушащихся созвездий. К его удивлению, Гаррэль наскреб маленьких козырей, и страшные карты тоже вышли из игры.

Судьба строила из себя дурочку. Такое обычно плохо кончалось.

Настал черед юноши, и совершенно неожиданно он выбросил сразу целую семерку — знаменитый Материнский Сад. И как это

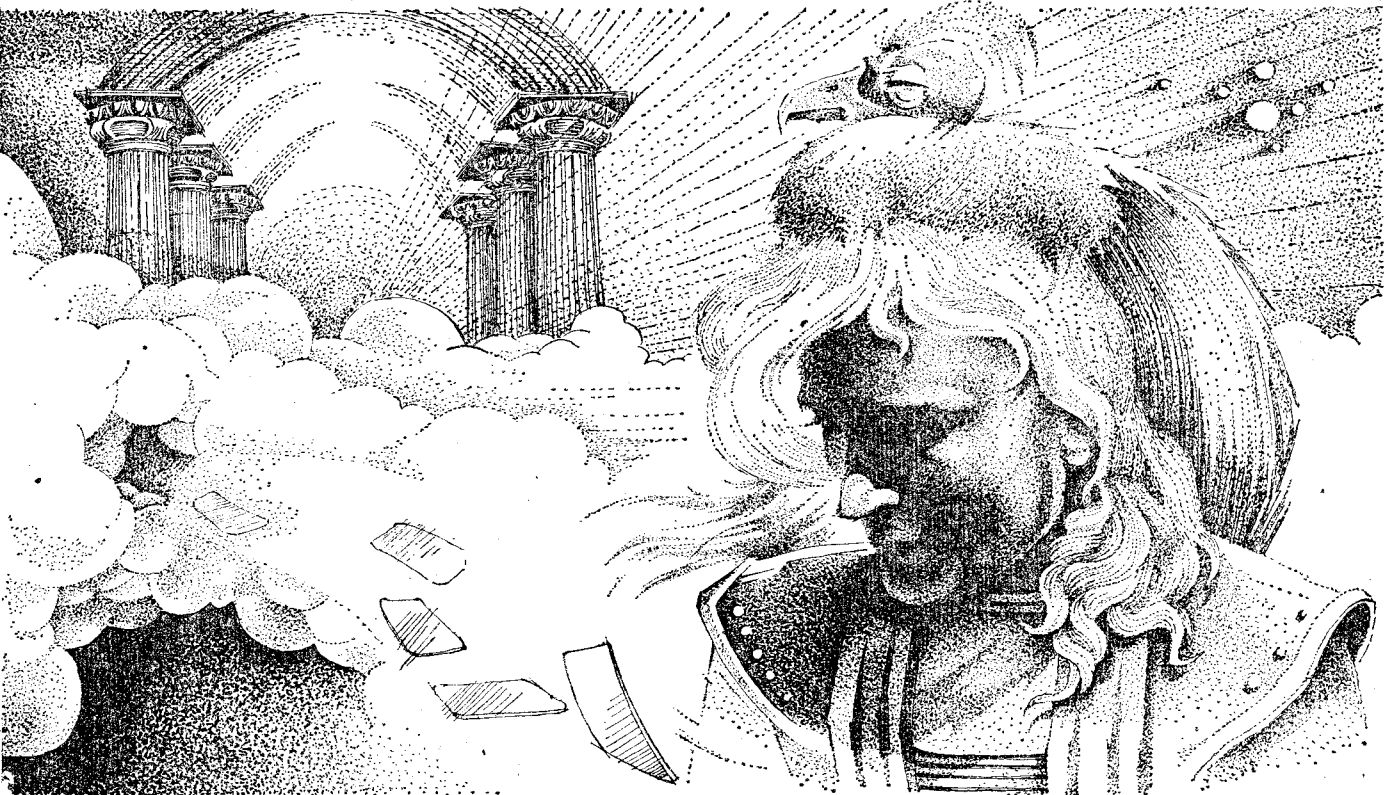
Асмур не сообразил, что у него самого на руках ни одного созвездья, входящего в знаменитую плеяду?

И вдруг его охватил высокомерный гнев. Он совершенно забыл об этой семерке, мечте звездоплавателей, но они-то там, у своих кораблей, все видели с самого начала и ликовали, предвкушая блистательный финал игры с таким сокровищем, выпавшим самому юному из них! Да, Материнский Сад практически непобедим, ему придется скидывать что попало, и семерка останется в игре с самого верха — таковы уж древние правила.

Остается только изумляться тому, что при своей практической непобедимости Материнский Сад, который, вероятно, уже не один раз собирался в чьих-то счастливых руках — да должен был собираться согласно законам вероятности! — эта беспронимная семерка на деле не выиграла ни разу. Ведь если бы это случилось, то по тем же правилам победившая карта должна была навеки исчезнуть из магической колоды, ее автоматически заменили другим созвездием.

Семерка превратилась бы в шестерку, затем — в пятерку... Но этого не происходило. Старинные легенды говорили о счастливицах, которые находились на волосок от удачи, и все-таки за полтора десятка веков ни одна карта Материнского Сада не досталась никому в награду. Чудеса? Не иначе.

Элига-83

Впрочем, стоило ли удивляться странной неприкосновенности волшебной семерки карт, когда в магической игре с судьбой существовало и без того достаточно чудес? Вот, например, исчезновение выигравшей карты — каким образом они пропадают сразу во всех колодах Джаспера? И как, каким чудом заменяются на символ совсем другого созвездия, снова одинакового во всех колодах? На этот вопрос никто ответить не мог. Так предписывал Древний Закон, родившийся одновременно с Уговором.

Впрочем, тайны магической колоды волновали только мальчишек вроде Гаррэля. Закаленные мужи, каким был Асмур из рода Муров, не снисходят до копания в происхождении сил, движущих судьбой. К силе магического закона присвокупить собственную мощь и разум — вот в чем доблесть и честь.

А не в сомнении.

Семь карт нежнейшей утренней масти, перламутрово мерцающая, лежали перед ним. Почему же до сих пор никто из славных командоров не позволил выиграть ни одной из них?

Да потому, что это — тихие, благополучные созвездья, и ни одно из них не потребует доблести и не принесет славы!

Командор произвел секундный смотр грозному строю темно-лилового козырного войска и безжалостно изничтожил каждую из пленительных утренних картинок. И то, что осталось у него на руках, было по странной случайности также одним семейством, и он мог предъявить эти карты всей пятеркой, что он и сделал незамедлительно:

— Безухая Русалка, Могильный Гриф, Трижды Распятый, Тлеющая Мумия... И Костлявый Кентавр!

Почему он расположил карты именно в такой последовательности? Объяснить это он бы не смог.

Ему не нужно было переноситься туда, к застывшим в предстартовой готовности кораблям — он и так до мельчайших подробностей представлял себе девятку юношей, сидящих тесным кружком на остывающем бетоне звездной пристани. Последние лучи заходящего солнца золотят брошенные его рукой зловещие карты. И верхний из этих прямоугольников с траурными символами созвездий — карта, именуемая Костлявый Кентавр.

Он, эрл Асмур, не хотел этого.

Судьба.

— Гаррэль, седьмой сын Эля! — проговорил Асмур, как того требовал древний ритуал. — Возвести остальным, что согласно предначертанию нам выпала ночь, и на ее исходе мы отправляемся в путь... Цель — перед тобою.

Предначертание не оставило им ни дня, ни утра.

— Слушаю, могучий эрл! — прозвучал в ответ юношеский голос.

И исчез.

Асмур снова был один в своем древнем исполинском замке.

Не все, что светлое, — свет, не все, что темное, — тьма

Он стоял перед черной нишей, в которой уже едва угадывались контуры крылатого существа. Вечер был на исходе — собственно, он уже и не в счет. Значит, остается всего одна ночь, да и то не полная. И мона Сэниа, с которой он не успеет проститься. Судьба.

Он опоясался мечом, взвесил на ладони литую тяжесть полевого десинтора. На сегодняшнем пути это ему вряд ли понадобится... Он накинул бархатный плащ, опустив его сзади до половины спины — закаленный боевой крэг нежностей не терпел. Когда Асмур застегнул на плече драгоценный аграф, крэг проочередно разжал когти, вытянул крылья из-под мягких складок материи и снова старательно уложил их, прикрыв руки и плечи хозяина и ощутимо замкнув серебряные когти на его запястьях. Пепельные тугие перья были почти неотличимы от темно-серого бархата плаща и камзола, и зоркая легкая голова с серебристым султаном укрывала белые до неправдоподобия волосы эрла, точно живой капюшон.

Крэг нервно подрагивал, укладывая еще плотнее перо к перу, — предчувствовал ночную дорогу. Разговор Асмурс с Гаррэлем он слышал — но вот угадывал ли мысли человека?

Почти три десятка лет провели они вместе — Асмур и его крэг, но ответа на этот вопрос мудрый эрл так и не знал. Он спустился по витой лесенке, выточенной из целого ствола душистого дерева. Семейная легенда гласила, что основание ее прикрывает вход в Заклятое подземелье, тянущееся под всем континентом. Проверить это было невозможно — несколько веков назад прапрапрадед Асмурс посадил на этом месте дерево, а когда через пару веков ствол достиг требуемой толщины, искусные сервы обрубали ветви, выточили резные ступеньки и перильца, укрепили их титановыми накладками и подпорками.

А потом вокруг лесенки возвели еще одну замковую башню. И не потому ли, что в неистлевших еще корнях цепко хранилась древняя тайна, эту лесенку, ведущую в вечерние покои, так любила его мать?..

Он в последний раз коснулся душистых перилец и шагнул в малую переднюю, дверь из которой вела на конюшенный двор. Пара сервов-чистильщиков, возившаяся с его сапогами (из которых правый всегда был почищен добросовестнее, чем левый, хотя сервы были совершенно одинаковы), приветствовала хозяина неяркой вспышкой голубого нагрудного фонаря — было известно, что эрл Асмур, сам предельно молчаливый, шума и возгласов не любил. Но вот третий серв, совершенно определенно валявший дурака в неполюженном ему месте, попытался незаметно ускользнуть за порог, никоим образом не поприветствовав хозяина. Скверно, десинтор остался в гадальной, придется за ним возвращаться, а это дурная примета.

Мысль эта была бесстрастна и не окрашена ни гневом, ни даже раздражением. Он легко избежал обратно, нашел оружие и, отпихнув услужливых близнецов, бросившихся к нему с сапогами, тяжелым ударом ноги распахнул дверь. Третий серв улепетывал, перекатываясь на кривых ножках, и, если бы не косой свет первой луны, которая уже успела взойти, Асмур наверняка упустил бы беглеца. Но длинная тень мела двор, выдавая бегущего, и шипящий всхлип десинторного разряда отразился от зубчатых щербатых стен.

Серв вспыхнул, как пустая канистра, и раз-

мазался маслянистым пятном по известковым плитам. Крэг брезгливо поежился, и Асмур передалось это движение.

— Все правильно, дружище, — негромко проговорил он. — Когда надолго оставляешь дом, в нем все должно быть в порядке.

Теперь — дорога. Разумеется, он мог бы перенестись к цели своего вечернего путешествия так же естественно и мгновенно, как на исходе ночи они вдсятером отправятся к зловещим звездам Костлявого Кентавра. Но он желал проститься с Джаспером, прекрасным и пустеющим Джаспером, который не променял бы и на все семь сказочных созвездий Материнского Сада, и прощанье его состояло в том, чтобы омыть лицо серебристым лунным воздухом и наполнить каждую клеточку тела памятью запахов и отзвуков, переливов света и тяжести.

И когда кто-то из тех, кто последует за ним, утратит хотя бы крупицу собственной памяти — долг его, командора Асмур, поделиться с ним, ибо клад воспоминаний — единственное из сокровищ, которое нельзя утратить, отдавая ближнему.

Он подтянул отвороты походных сапог, сдернул с единорожьей головы, прибитой над входом, плетенную из змеиных жил нагайку и послал в сгущавшуюся темноту гортанный, никаким сочетанием букв не передаваемый

Аэлита-38

звук — родовой клич Муров. И тотчас в ответ раздалось высокое, злобное ржание — видно, конь уже отчаялся, угадывая дальние сборы своего господина и страшась, что его с собой не возьмут.

— Ко мне! — крикнул Асмур, чтобы доставить ему удовольствие услышать хозяйский приказ, но конь уже вылетел из конюшни, расправляя крылья и играя блеском вороной чешуи.

Бесконечно длинным, грациозным прыжком преодолел он расстояние от конюшенной башни до порога замка и опустился перед своим господином, подогнув передние ноги и одновременно складывая боевую чешую, которая не позволила бы никому постороннему не то чтобы сесть, а даже приблизиться к нему. Краем глаза Асмур отметил, что при этом движении конь принаровился-таки задеть отточенными, как бритва, костяными пластинами левое крыло крэга. Показалось, или они действительно не ладили? Во всяком случае, если и показалось, то не в первый раз.

Крэг флегматично поднял крыло, расчесал когтем султан над теменным глазом и так же спокойно, игнорируя агрессивный выпад со стороны коня, скользнул атласным опереньем по рукаву камзола, защелкнул когти на хозяйском запястье.

— Ты мне побалуй — оставляю в самом тесном закуте, — пообещал Асмур, и конь испуганно захлопал глазными заслонками. Окрик был риторическим — в любом случае пришлось бы взять коня с собой, а последний просто не смел, не мог, да что там говорить — генетически был не способен не повиноваться хозяину, так как вел свою родословную от рыцарских коней рода Муров. Вероятно, надо было попросту приказать ему воспылать к крэгу безмерным дружелюбием.

Но почему-то Асмур, не в первый раз озадаченный взаимоотношениями между конем и крэгом, такого приказа не отдал. Нахмурившись, он наклонился и стянул узлами пряди стремянной шерсти, выбивающейся из-под крупных пластин чешуи. Вдел сапог в волосяную петлю, одним толчком очутился в седельном гнезде. Все это мерно и неторопливо, как подобает владельческому эрлу, пусть даже и не исключено было, что садился на коня этот эрл в последний раз.

Козыри — ночь!

Конь, игриво изгибая шею, расправлял крылья, подставляя их голубому лунному свету. Делал это он, несомненно, в пику крэгу, который по сравнению с конем казался куцым птенцом.

— Но-но, — примирительно сказал Асмур, похлопывая коня жесткой перчаткой и одновременно проводя подбородком по тугим

перьям, укрывавшим наплечники камзола. — Поедем шагом.

Это относилось к обоим, но Асмур поймал себя на том, что он вроде бы извиняется перед крэгом за недружелюбие коня. Да, неплохо бы перед походом до конца выяснить их взаимоотношения, да жаль — эта мысль несколько запоздала. Оба они ему преданы, но, видят древние боги, до чего же по-разному!

Конь предан, потому что он — конь, и это у него в крови.

Крэг предан, потому что он верен Уговору, то есть самому себе.

Или всем крэгам?

Асмур тронул коня коленями, тот гордо пересек двор, миновал величественный донжон, и копыта его мерно зацокали по ночной дороге, брызжа ледяными искрами. Замок с игольчатыми шпилями, кружевными виадуками дамских мостков, по которым некому уже было гулять, с шатрами конюшен и опалово-лунными бассейнами сиренников, с глухими коробками брошенных казарм и призрачными решетками чутких до одушевленности радаров медленно отступал назад, в темноту, в прошлое и, возможно, в небытие.

Козыри — ночь!

Солнце, послав в вышину традиционный зеленый луч, уступило турмалиновую чашу небосвода веренице лун, и они окрашивали узкие поля кормового бесцветника, окаймляющие дорогу, в печальные опаловые полутона. За лугами следовали однообразные коробчатые корпуса нефтеперегонного комбината — фамильный лен Муров, еще в глубокой древности, до Уговора, пожалованный королем Джаспера старейшему из их рода. С тех пор из поколения в поколение все Муры становились химиками по образованию, оставаясь в душе и по призванию воинами, и очередной король подтверждал ленное право Муров, хотя с каждым веком это славное семейство становилось все малочисленнее.

Когда умер отец Асмур, у его вдовы остался один малолетний сын, и никто не предложил ей ни руки, ни поддержки. Восемнадцать лет правила Тарита-Мур замком, заводами и сервами, все это время находясь вдвоем с сыном безвыездно в громадных, чуть ли не самых больших на Джаспере, ленных землях. Едва сын достиг совершеннолетия, прослушав весь универсум, положенный будущим химикам, и сразившись на турнире в честь десятилетия ненаследной принцессы Сэниа, как мать с облегчением передала ему все управление, теща себя мечтой о возрождении семейного счастья... Но надежда на

женитьбу сына и появление внуков, которым хотела посвятить себя владетельная Тарита-Мур, не оправдалась. Что произошло там, на турнире, когда ее сын одного за другим сразил мечом, десинтором и голыми руками трех невиданных по мощи боевых сервов? Упоенная доблестью сына, она смотрела на него и только на него...

А смотреть-то нужно было на принцессу.

Она допросила всех сервов, сопровождавших ее на турнир, допросила с пристрастием, посекундно воспроизводя зрительную и эмоциональную память каждого из них. Нет, ничего не произошло между ее сыном и своеправной принцессой, да и что могло произойти в тот день, когда девочке минуло десять лет?

Но с тех пор он не поднял глаз ни на одну красавицу Джаспера, и когда мона Сэниа достигла совершеннолетия, Тарита-Мур несколько не удивилась, узнав, что ее сын тайно попросил у короля руки его дочери.

И еще меньше удивилась она, когда Асмур получил отказ.

Слишком обширны были ленные владения Муров; случись что с Асмуrom — управление всеми заводами легло бы на принцев, которые и без того, как подобало королевской семье, осуществляли координацию экономики всего Джаспера; да и самой моне Сэниа пришлось бы взяться за ум и за химию, а о ней поговаривали, что Ее Своенравию ничего не было мило, кроме столь несвойственных нежному полу военных утех да бессмысленных многодневных скачек от владения к владению, где на тысячи миль не встретишь человека, а лишь поля, да чистые родники, да реденькие заводы, да суetyающиеся сервы, собирающие на безветренных осенних склонах лиловый вереск... Станный нрав был у принцессы, ничего не скажешь, и слава древним богам, что была она младшей, а не наследной.

Знал ли чернокудрый бесенок о сватовстве Асмур? Тарита-Мур была слишком горда, чтобы спрашивать о подробностях, когда отказано в главном. Да и у кого спросить — у сына? Она щадила его самолюбие. У сервов? Они однажды уже доказали свою беспомощность. Было, конечно, одно место, где знали всё и обо всех и где она, как любой житель Джаспера, должна была время от времени появляться: королевский дворец.

Действительно, в определенные традиции дни вся родовая знать собиралась здесь, в городе-дворце, — несколько десятков тысяч людей. Это было все совершеннолетнее население Джаспера, ибо кроме знати никто и не выжил тогда, в страшную эпоху Нисхождения Ночи. Теперь они собирались, чтобы

вершить судьбы своей планеты, и вершили, кто как мог. Одни — в Большом Диване, подле координационного экономического совета, состоящего из короля и принцев, или поблизости, в бесчисленных галереях, раздумных бассейнах и потаенных кабинетах для различных консультативных комиссий; то, о чем говорилось в этом ядре джасперинской галактики, как правило, оставалось для непосвященных тайной.

Далее, за кабинетами мудрецов, блистали залы эстетов, где мерцала музыка, творились древние молитвенные ритуалы или еретические камлания — по моде и по заказу; там не решали судеб, там скептически комментировали решения.

Еще далее искрилось бальное веселье. Здесь не выносились решения и не изощрялись в скептицизме, здесь пренебрегали и тем, и другим; это был живой пояс, охвативший старческое ядро, — здесь просто упивались жизнью... Как у кого получалось.

А за шумными чертогами балов начинались королевские сады, где стыдливая зелень тянулась ввысь, заслоняя тех, кто искал уединения, и нередко можно было увидеть двух крэгов, грудь к груди взмывающих в вечернее небо, крыло к крылу, клюв к клюву — много ли надо крэгам, которые сами не ищут себе пару?

Но не только любовь властвовала в вечерних садах: те, кому она была недоступна или не нужна, наполняли лабиринты аллей и гнезда беседок свежайшими сплетнями. Естественно, все венчали сплетни о королевском доме, но, судя по их монотонности, принцесса Сэниа ни в чем не изменила своих привычек. Независимо от того, знала она или не знала о сватовстве Асмур.

Так собирались они не чаще шести раз в год — владетельная элита Джаспера, все его человеческое население. Шелестели бархатные наряды, изящно приподнимали свои клювы крэги, усыпанные флюоресцирующей пудрой, и, расходясь к полуночи, гости гадали, о чем же шла речь сегодня в святая святых — Большом Диване. И никто, даже высокочудрая Тарита, не мог бы предположить, что и там занимались самым обычным делом — сплетничали о принцессе Сэниа.

Впрочем, ни у кого ни в Диване, ни в вечерних аллеях не было повода толковать о чем-либо, кроме неумеренных скачек и кровопролитных упражнений с рапирой.

Это Асмур устраивало — он был сейчас спокоен: никто не станет судачить о том, что он отправился в путь, так и не простившись с моной Сэниа.

Берегись, Алхимик!

Четвертая луна поднялась над горизонтом, когда плантации бесцветника, раскинувшиеся влево и вправо насколько видел глаз, вдруг оборвались, уступая место естественному лугу. Шелестящие купы деревьев заставляли коня настороженно вздергивать голову и косить мерцающим глазом на хозяина. Но тот молчал, бросив поводья и скрестив прикрытые перьями руки. Дремал и крэг, или так только казалось коню — ведь крэги никогда не дремлют. Близкая зарница сполоснула небо химерическим бликом, и тогда над дорогой нависло полукружье величественной арки.

Конь задержал шаг, ударил копытом в металлическую подворотную плиту — раздался удар гонга, отозвавшийся эхом серебряного перезвона там, за аркой.

— Тебе что, впервой?... — сурово проговорил Асмур, ножнами меча проводя по выпуклой чешуе. — Трогай, уже полночь...

Конь всхрапнул, подбадривая самого себя, и вступил под свод кладбищенской арки.

Узкая аллея, прямая, как лунный луч, пролегала меж двумя рядами безыскусных стел и пирамид. Это были древние захоронения, и люди, покоящиеся тут, далеко не все носили славное имя Муров. Вот силуэты памятников потянулись вверх, их венчали шары, короны, звезды; раскидистые, как деревья, они указывали на захоронение целого рода — пышное, горделивое...

И вдруг все оборвалось.

Несколько десятков убогих могил — на них не стояло даже имен, потому что в одну яму, случалось, сваливали несколько безвестных тел. Страшная пора Нисхождения Ночи, когда тысячи трупов тлели непогребенными... Даже камень лежал не на каждом холмике. Иногда это были просто безымянные насыпи, но они чтились в семье, потому что, согласно преданьям, здесь и тогда начали хоронить одних только Муров. Остальные, не блещущие мудростью и не принадлежащие к элите планеты, были обречены и остались лежать в полях, где кости их быстро истлели, или на заводских дворах, откуда бездумные сервы стаскивали их в печи для мусора.

Асмур горько вздохнул, хотя вряд ли смог бы точно определить причину этой горечи: нелюдимый и одинокий, он не мог всерьез сожалеть о тех временах, когда на Джаспере, тогда еще — веселом Джаспере, людей было так много, что они, даже не собираясь вместе по специальному королевскому приказу, могли видеть друг друга и говорить друг с другом.

Крэг издал тоже что-то подобное вздоху,

и Асмур подумал: способны ли они вообще чувствовать? Убогие земляные холмы уступили место башенным надгробьям, и, может быть, глядя на эти причудливые островерхие теремки, Асмур-крэг впервые реально представил себе, как и он когда-нибудь влетит в такой вот одинокий домик-усыпальницу, чтобы ждать выполнения Уговора? Асмур многое дал бы сейчас за то, чтобы посмотреть своему крэгу в глаза и прочитать там ответ — боится тот смертного часа своего хозяина или ждет его?

Но своему крэгу в глаза не взглянешь, а зеркал эти загадочные существа не терпят.

Дорожка стала шире, и все вставшие к полуночи луны поочередно заглядывали в сквозные окна пустых надгробных теремов. Наконец конь переступил через белую пену мелколинейника, выплеснувшегося на плиты дороги, фыркнул и, не ожидая приказа, остановился. Это было последнее надгробье справа от кладбищенской дороги Муров, и стрельчатая часовенка над ним не была пуста, как остальные.

Эрл Асмур, словно очнувшись, достал из седельной сумы кожаную рукавицу и натянул ее на левую руку, осторожно сдвинув чуть повыше цепкие когти собственного крэга. Не сходя с седла, склонил голову и торжественно произнес:

— Тарита-крэг, я, эрл Асмур, последний из рода Муров, пришел, чтобы выполнить Уговор!

И тотчас же зашелестел водопад ломких перьев, и палево-белый крэг выскользнул из надгробной часовни. Он сделал полный круг над пустынным кладбищем, словно прощаясь с этими местами, и опустился на левую руку эрла, обтянутую перчаткой.

Асмур знал, что там, возле кораблей на звездной пристани, девять родительских крэгов сидят на руках у юношей, объединившихся, чтобы выполнить Уговор. Девять крылатых существ терпеливо ждут своего часа; Тарита-крэг — десятый и последний. Они были верны своим хозяевам всю жизнь, подчас долгую и нелегкую, верны той немыслимой верностью крэгов, которая сама по себе — загадка; и вот настало время сыновьям расплатиться за отцов и матерей. А плату крэги признают только одну: полное, немыслимое одиночество.

Один на целой планете...

То, зачем Асмур приехал сюда, было выполнено, и он повернул коня, объезжая материнское надгробье. И вдруг до его слуха донесся топот. Кто-то мчался во весь опор и был уже совсем близко — гром копыт не прилетел издали, а возник прямо тут, на кладбище, возле земляных безымянных холмов.

Значит, тот, кто догонял Асмур, прекрасно знал, где его искать. Эрл приподнял брови, удивляясь легкости и нервному ритму приближающегося топота, и одновременно опустил правую руку на рукоять меча. Серв не скакал бы на коне, а законы Джаспера запрещают поднимать десинтор на человека. И все-таки...

Он осторожно пересадил Тарита-крэга с левой руки на круп коня. Нет на Джаспере человека, который посягнул бы на неприкосновенность хотя бы одного перышка крэга — но случай, но полуночная тьма... Впрочем, настоящей темноты здесь не бывало; вот и сейчас вечерняя луна уже скрылась, зато две ослепительно-белых и одна медовая освещали стройный ряд надгробий с какой-то неестественной, зловещей четкостью.

Козыри — ночь, поэтому луны должны быть за него. И уж если они высвечивают кого-то с такой безжалостностью, то это, разумеется, враг. Он вытащил свой меч уже наполовину, когда розовато-сиреневый конь, словно сказочная аметистовая птица, стелющаяся над самой землей, вылетел из-за надгробья Тариты-Мур и, осаженный опытной рукой, взвился на дыбы. Искристая грива мешалась с целым каскадом таких же шелковистых, разбрасывающих рассветные блики перьев; разглядеть всадника, чью голову и плечи укрывал этот великолепный наряд фиалкового фламинго, было совершенно невозможно, но Асмур не нужно было глядеть.

Только у одного человека на Джаспере был такой конь и такой крэг. Вороной заржал, призывно и просительно, и двинулся навстречу аметистовой кобыле. Асмур рванул поводья — и понял, что это осталось только мыслью, но не действием: не послушались руки. Вороной захрапел и поймал зубами прядь гривы, надвигающейся на него сиреневым ореолом, и в этот же миг легкие руки, укутанные перьями, обвились вокруг шеи Асмур, и тело, охлажденное встречным ветром, напоенное полевыми ночными запахами, прильнуло к нему, и он почувствовал, как цепкие когти на его запястьях разжимаются, привычный, почти неотделимый от него самого капюшон соскальзывает с волос — и мир вокруг него погас. Асмур уже не видел, как два крэга, пепельный и аметистовый, прижавшись друг к другу и превратившись в одну серо-сиреневую птицу, гордо пошли в ночную вышину, мелко трепеща крыльями..

— Без меня... улететь без меня... — пробивался сквозь эту темноту срывающийся, ломкий от горечи голос, и звуки его запутывались в волосах Асмур, покрывали бархатистым щекочущим налетом его лицо. — Без меня, без меня, без меня!..

Он срывал с себя эти нежные, душистые руки, на прикосновение которых не имел права, но тут же возникали губы — терпкие, своевольные, без конца твердящие одни и те же слова, смысл которых ровно ничего не значил; и еще успевали они жаркой и влажной чертой повторить каждый изгиб его бровей, губ, подбородка, навеки запечатляя в памяти контур его лица.

Но и ее губы не принадлежали ему.

— Ты сошла с ума, Сэниа, ты сошла с ума... — бормотал он потерянно и отталкивал ее, но его слова тоже ровным счетом ничего не значили, потому что она лежала у него на руках, и он привстал на стременах и ощупью спустился с седла, держа ее так бережно, словно мог пролить; и, коснувшись сапогом земли, он уже не помнил ни о долге, ни о чести — остались только прикосновения к ее лицу, и он отыскивал губами ее ресницы, и они опускались — колкие соленые лучики, прикрывающие ненужные в такие минуты глаза; мир сузился до касаний и шепота, до бестелесности кожи и рвущегося остановиться дыхания, и только одному не было места в этом мире любви — зрению.

Потому что крэги, слившись в одно, парили в звездной вышине, а без крэга человек на Джаспере слеп, как крот.

— Мы оба сошли с ума, Сэниа, — шептал Асмур, опускаясь на колени в густую траву, и кони взметнули ввысь свои крылья, воздвигая над ними живой пепельно-розовый шатер.

И в этот миг прозвучал голос:

— Берегись, Алхимик!

Союз по завещанию

Голос мог принадлежать только Леснику — единственному его другу, попечителю королевских садов. Сэниа, услышав предостерегающий крик, еще сильнее прижалась к Асмур, словно прикрывая его своим телом, и он с удивлением почувствовал у ее бедра компактную кобуру портативного десинтора.

— Крэг! Асмур-крэг! — крикнул он, беспомощно озираясь в непроглядной незречести.

— Нет, нет, — зашептала Сэниа, — пока я с тобой, они ничего не смогут сделать...

Значит, она догадывалась, о ком предупреждал Лесник. Асмур схватил девушку в охапку и вытянул вперед руку — теплая чешуя тотчас же придвинулась к его ладони. Он ощупью перебросил гибкое тело через седло, и тут же тугая масса перьев невесомо обрушилась на него сверху, и мир вокруг вспыхнул мерцающим лунным светом — глаза крэга стали его глазами. Он увидел мону Сэниа, вздер-

нувшую поводья его вороного — черные волосы, выбившиеся из-под сиреневого перьевого покрывала, металась по гриве — и конь не противился ей, прижав чешую, хотя до сих пор никто, кроме Асмур, не мог даже приблизиться к бешеному животному.

В руке принцессы мертвенно поблескивало грозное и запретное оружие, и сразу же за нею, влитые в седла, высились три ее старших брата.

Асмур стремительно обернулся — остальные принцы стояли у него за спиной.

Он сам мог исчезнуть почти мгновенно, бежать к своим кораблям, и он успел бы сделать это прежде, чем кольцо царственных братьев сомкнется — но здесь еще был его конь и была его мона Сэниа...

Нет, не его.

И тем не менее он готов был скрестить оружие с любым, кто посмел бы ему об этом сказать. Он принял отказ от короля, но не позволил бы повторить его даже принцу.

— Мой меч не привык ждать, — проговорил он хрипло и высокомерно. Словно в ответ на его слова, палево-седой крэг, прошестев бессильными крыльями, опустился на ножны, цепко обхватив их когтями. Теперь Асмур не мог обнажить оружия.

— Буду стрелять! — крикнула мона Сэниа. — И я не промахнусь, вы меня знаете!

Братья ее знали. Асмур — тоже.

Но материнский крэг встряхнул головой, так что седой венчик поднялся над нею, точно рыцарский плюмаж, и издал укоризненный клекот. Это действовало эффективнее, чем угроза Ее Своенравия.

Действительно, трудно было найти грех страшнее, чем поднять смертоносное оружие на человека. Но ранить крэга — это было самым позорным, несмываемым грехом.

Принцы осадили коней.

— Эрл Асмур! — прокричал один из тех, кто стоял за спиной моны Сэниа, кажется, самый старший. — Ты знаешь, что исполняющий Уговор неприкосновенен. Сколь бы мы ни чувствовали себя оскорбленными, не нам, принцам крови, нарушать законы Джаспера. Поэтому мы разрешаем тебе удалиться. Полночь миновала, а предначертание указало тебе начать свой путь до рассвета. Ступай с миром, но помни: если, вернувшись, ты приблизишься к нашей сестре ближе, чем на расстояние взгляда и голоса, мы будем драться так, как велит фамильная честь — без крэгов, на звон шпаги.

— Я не менее вашего чту Уговор и чту законы Джаспера, — тяжело проговорил эрл Асмур, который задыхался от бешенства. — И все же помните, высокородные принцы, что, выполнив свой долг перед крэгом моей ма-

тери, я вернусь и скрещу шпагу или кинжал, рапиру или меч по выбору с любым из вас, независимо от того, удостоит ли снова меня принцесса Сэниа слова или взгляда!

— А теперь слушайте меня! — разнесся над ночными полями звенящий голос моны Сэниа. — В отличие от вас я плюю и на Уговор, и на все законы Джаспера — кроме того единственного, который позволяет королевским дочерям по собственной воле выбирать себе мужа. Вы не хотите брать на себя обузу ленных владений — хороши братцы! Что ж, в таком случае вы мне больше не родня. Асмур! — она нагнулась с седла и положила ему на плечо маленькую руку, опушенную аметистовыми перьями. — Ты забыл о старинном обычае — брать в жены по завещанию. Тогда на них, на этих каплунов, жиреющих в Диване, не ляжет никаких обязательств — даже если ты не вернешься. Ну!..

Он с тоской поглядел в ее лицо — узкое страстное лицо, обрамленное черными прядями, выбивающимися из-под фламинговой шапочки; когда-то он любил это лицо, эту девочку, не сводившую с него очарованных глаз на ее первом турнире... Но видят древние боги, как он устал от ее сумасшедшего нрава! Пусть она права и у него душа крэга, но он уже ничего не желает, кроме покоя... И сейчас, когда она завладела, между прочим, его конем, встала между ним и исполнением Уговора, он вдруг отчетливо понял, что гораздо сильнее любил бы ее... в воспоминании.

— Мона Сэниа, — проговорил он как можно мягче. — Высокородная мона, вы разгневаны на братьев и готовы отречься от родства с ними, но вы забыли о своем отце!

Звук его голоса произвел не примиряющее, как он рассчитывал, а прямо противоположное действие: от любви и горя Сэниа потеряла голову.

У нее все получалось чересчур, а уж это — и подавно.

— Асмур, я ничего не повторяю дважды! Ты сейчас же возьми меня в жены по завещанию, или... — она оглянулась, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было бы напугать самого Асмур.

Ничего такого, естественно, не нашлось.

Тогда она медленно подняла руку с маленьким десинтором до уровня своего лба. И рука ее не дрожала.

— Асмур, — сказала она очень просто, — если ты этого не сделаешь, я пристрелю крэга. Своего крэга.

Он рванул к ней, пытаясь перехватить руку, но Сэниа оказалась проворнее — вскочив на ноги, она вытянулась во весь рост и теперь стояла на спине его вороного, освещен-

ценная тремя лунами, с рукой, поднятой ко лбу.

Принцев как ветром сдуло с седел — все разом очутились на земле, а один — кажется, самый младший — отвернулся и прижался лицом к гриве своего коня. Не было еще такого на Джаспере за все полторы тысячи лет действия Уговора, чтобы кто-нибудь поднял руку на своего крэга.

На себя — бывало.

Но принцесса Сэниа грозила невиданным.

— Тарита-крэг, поводишь моей матери! — прорычал Асмур голосом, которому больше бы пристало проклятье, чем брачная клятва. — Перед тобой, старейшим из всех, я, эрл Асмур, последний из рода Муров (это были единственные слова, которые он произнес с удовольствием), беру в жены мону Сэниа, ненаследную принцессу, отрекшуюся от королевской крови, и буду ей мужем до своего смертного часа, а если ее дни продлятся дольше моих, то завещаю ее со всеми владениями тому... тому, кто первый коснется губами ее лба. Я поклялся.

— Я, Сэниа-Мур, принимаю твоё завещание, муж мой, как и все, на что будет воля твоя. Я поклялась.

«Надолго ли хватит этой кротости?» — подумал Асмур.

Сэниа тоненько свистнула вместо традиционного свадебного поцелуя, и ее колдовская кобылка, разыгрывавшая пугливость за каким-то надгробьем, грациозно приблизилась к вороному, изгибая шею. Девушка спрыгнула со своего несколько необычного пьедестала прямо в седло, небрежно кинула десинтор в кобуру и медленно двинулась вперед, в бездорожье дурманных полей, над которыми вставала бирюзовая утренняя луна, не оставившая им с Асмуrom ни минуты ночи.

Пристань звездных разлук

Девять всадников стояли, держа коней под уздцы, и десять кораблей расположились причудливой пентаграммой чуть поодаль. Седые отцовские крэги замерли, вцепившись в гривы коней, словно были всадниками; они долго ждали, эти позодыри незрячих людей, ждали целую человеческую жизнь, и теперь от путешествия к желанной цели — полному и бесконечному одиночеству — их отделяла всего одна ночь. Это были слишком несоизмеримые отрезки — ночь и вечность, и мудрость старых крэгов не позволяла им проявлять нетерпение.

Другое дело — звездная дружина Асмур. Они ждали его нетерпеливо, эти новички, эти

вчерашие мальчишки, собравшиеся в кружок над рассыпанными картами, всполошенные недобрым предзнаменованием. Голубая предутренняя луна прошла уже треть своего пути — и воздух, наконец, всколыхнулся, как бывает всегда, когда человек проходит через ничто. Но вместо одного командора они увидели двоих: держась за его стремя, рядом с эрлом Асмуrom шла сама мона Сэниа, и ее черные спутанные волосы мешались с гривой бешеного вороного коня, к которому не смели приблизиться даже смельчаки — скакун одинокого эрла, не раздумывая, бил крылом или сдирал кожу вздыбленной чешуей.

Асмур вступил в круг своих спутников, внимательно всматриваясь в каждое лицо. На первый взгляд ни одно из них не показалось ему знакомым. Может, встречал на приемах в королевских садах — скорее всего, встречал. Но не запомнил.

Остался ли он доволен этим стремительным импровизированным смотром? Пока это было неясно. Зато девять юношей, несомненно, узнали его сразу и теперь стояли, не шелохнувшись, глядя на своего командора с восхищением и гордостью, граничащими с обожанием: ведь это, оказывается, был не только прославленный эрл, но и жених самой принцессы, на которую пылкая молодежь не смела и глаз-то поднять!

А мона Сэниа, теперь уже Сэниа-Мур, покорно шла у его стремени и остановилась, когда остановился он, и прекрасное лицо ее было залито слезами, которых она не стыдилась. Асмур, словно не замечая ее присутствия, проговорил негромко и сдержанно:

— Назовите имена.

Имена всех, кто пойдет с ним, он знал заранее, знал и род, и специальность, сейчас ему нужно было другое — как звать их в бою, когда дорога каждая доля секунды. И они это поняли, хотя их командор с самого начала нарушал традиции: такое знакомство должно было состояться уже на корабле. Но они были счастливы, что их боевые имена услышит сама принцесса Сэниа.

— Эрм, — представился самый старший.

Асмур недолго задержал на нем взгляд — Эрромиорг из рода северных танов Оргов, владеет по ленному праву всеми залежами полиметаллических руд, кои и выцарапывают помаленьку из-под льда. Запомнить нетрудно: светло-серый крэг с красным хохолком. Чем-то напоминает дятла.

— Сорк. — Такой же крэг, но без хохла. Скромность украшает.

— Дуз. — Тропические плантации, большей частью уже заброшенные. Чемпион каких-то тихих игр. Вишневый крэг.

Это была старшая тройка, и видимых изъя-

нов он не обнаружил ни у людей, ни у их поводырей. Кто далыше?..

— Скюз... — Так, неженка. И крэг ослепительно-голубой — в такого целить одно удовольствие.

«Весь поход из скафандра не выпущу», — подумал Асмур.

— Флейж! — Еще того не легче, изумрудно-зеленый крэг с оранжевыми хохлом и оконечностями крыльев.

— Борб. — Коренастый смуглый крепыш с коричневым скромным крэгом. Что там за ним числится? Да не так уж мало: производство анн-зарядов.

Этот последний примирил его со всей тройкой. Оставались младшие.

— Ких. — Этот — южанин, семья владеет чуть ли не миллионом сервов-ткачей. Крэг темно-синий с белым клювом.

— Пы. — По лицу не скажешь, что ума — палата, зато силач невероятный. А крэги у них с Кихом совершенно одинаковые.

— Гэль...

Асмур небрежно скользнул взглядом по младшему — почти старый знакомый; и вдруг глаза его против воли прищурились, брови сошлись. Как он не обратил на это внимания с самого начала?

Пестрый крэг!

— Заводите коней и устраивайте старых крэгов, — негромко, с излишним спокойствием проговорил он. — Мы идем на Серьгу Кентавра, самую яркую звезду этого созвездья. Готовьтесь.

Еще секунду все смотрели вверх, на сияющую бледно-золотую крапинку, расположенную между Ухом и Уздой, почти отсюда невидимыми; затем девять шпаг блеснули в лунном свете, отдавая принцессе прощальный салют, и разномастные кони зацокали по выщербленному бетону к светлым громадам кораблей. Для того чтобы пройти через ничто, недостаточно воспользоваться картой или расчетами — нужно обязательно зримо представить себе ту точку, в которой хочешь очутиться. Слабо мерцающие овоиды разомкнули створки люков, люди и кони исчезли внутри этих коконов, и теперь снова могло показаться, что это — просто гигантские матовые фонари, вроде тех, что прячутся в глухой зелени королевских садов.

И только тогда эрл Асмур спрыгнул с коня и обернулся к своей жене. Они стояли друг против друга, почти одного роста, и черные кудри женщины, рассыпавшиеся по бледному оперенью крэга, казались негативным отражением светлых волос мужчины, выбившихся из-под траурного капюшона. Но не только это составляло контраст молодой пары: если мона Сэниа из всех сил сдерживалась, чтобы

не выдать своих чувств при посторонних, то Асмур не находил даже слов. Душа его была звучной, гулкой пустотой, словно собственный родовой замок. От юношеского пыла, с которым он поднял глаза на королевскую ложу много лет назад, не осталось ничего, кроме преданности, и Асмур сознавал, что это его беда, а не его вина: Джаспер медленно умирал, угасал целый мир, и первое, чему суждено было исчезнуть в этом гаснущем мире, была любовь.

Он печально смотрел на жену. Знает ли она, что козыри, которые им выпали накануне похода, — это ночь? Так вот, если кому-то и не следует сюда возвращаться, то это именно ему.

Они ничего не сказали друг другу, он только коснулся губами ее лба, словно напоминая о свадебном завещании. Потом круто повернулся и пошел к центральному кораблю, который как будто вырастал при его приближении. Желтый, как тыква, шар дал трещину, она разошлась ровно настолько, чтобы провести коня, осторожно прижимавшего к себе сложенные крылья. Затем стенки снова сомкнулись и разом потеряли свою матовость. Теперь Сэниа отчетливо видела коня, разлегшегося на ковре, устилавшем пол центрального помещения. Асмур отстегнул плащ и перевязь и осторожно, чтобы не повредить ни одного перышка своего крэга, облачился в мягкий поясной скафандр, отливающий лиловым, — все так спокойно и деловито, древние боги, как спокойно и как деловито! Теперь это был уже не ее Асмур, девичья заветная мечта, одинокий эрл, у которого она сама, своей королевской волей встала на пути — вот захотела и встала, явилась однажды в полуночном замковом саду, а потом еще в фехтовальном зале, и в информатории его завода... Он никогда не позволял себе даже коснуться края ее платья, и если бы не его внезапный отлет, она ни за что не решилась бы сама сказать ему: «Возьми меня в жены!»

Ну, вот она и сказала, и потеряла семью, и не приобрела ровным счетом ничего. Она смотрела с горечью и изумлением на безликое чудовище в непрозрачном скафандре, укрывающем сразу и человека, и слившегося с ним крэга, и оно напоминало ей осьминога, медлительного и бесчувственного... Желтые непрозрачные тени напоздали на корабль со всех сторон и сомкнулись, так что ей уже ничего не было видно — малые корабли сползли к центральному, образуя одно исполинское соцветье, теперь это был словно кусок пчелиных сот, неразделимый, монолитный. Старшие братья, обучая ее обязательному искусству проходить через ничто, не раз говорили,

что одинокому кораблю чрезвычайно трудно, практически невозможно добраться даже до ближайшей звезды; слив же корабли воедино в один ячеистый диск и объединив волю людей, можно было достигнуть самых удаленных уголков Вселенной...

Исполинские соты начали вибрировать, размываться; желтый вихрь опоясал их, с непереносимым свистом буравя пространство. Сэниа почувствовала, что нежная головка крэга отделилась от ее волос и запрокинулась назад, терзаемая омерзительным звуком, и на несколько секунд девушка потеряла способность видеть; когда же вой оборвался и прохладный невесомый капюшон снова лег на ее голову, возвращая ясность взгляда, медовый вихрь беззвучно крутился над пустыми плитами, словно на месте догоревшего костра.

Что-то голубело под ногами в лучах последней луны; мона Сэниа нагнулась — это была колода магических карт, и верхней из них был зловещий Костлявый Кентавр, очерченный темно-лиловой тушью, предрекающей смерть.

Серьга Кентавра

Чужое солнце было тусклым и раздражающе агрессивным: ни с того ни с сего оно взрывалось сатанинскими протуберанцами, и тогда голубые яростные пятна, вращаясь и стекая к полюсам, источали смертоносные потоки лучей, от которых с трудом защищали уже не стены единого ячеистого корабля, а мощная психотронная защита, которую порой приходилось держать по несколько часов подряд, ни на миг не ослабляя напряжения воли. И если бы не железная выдержка командора, еще неизвестно, кто из юнцов пришел бы к последней, десятой планете целым и невредимым.

В этом походе никто из них не слышал ни слова одобрения из уст своего предводителя — только приказ, да и тот чаще всего отдавался жестом. Одиноким эрл и всегда-то был немногословен, а после первой планеты, когда ему стало просто трудно говорить, они привыкли повиноваться кивку или движению руки так же молниеносно, как и слову.

Тяжелее всех приходилось Гаррэлю, младшему, юноше с пестрым крэгом. Он с самого начала рвался вперед, чтобы доказать свое право на равенство с остальными. Пестрый крэг — это пестрый крэг; никто не спросит, отчего так и по чьей вине погиб крылатый поводырь, данный от рождения и на всю жизнь, так что теперь приходится обходиться подкидышем, которого кто-то из чужих крэ-

гов, паривший в полуденном небе, пока спал его хозяин, из милости и безграничной доброты подарил ослепшему человеку. Такой птенец-подкидыш обязательно будет крапчат, как пестрый боб.

Никто не спросил Гаррэля, когда он остался без крэга, но не было минуты, чтобы юноша не ждал этого вопроса, и потому он бросался первым в любое опасное дело, лишь бы доказать, что не хуже других. Замечали-это командор? Естественно, замечал; но он ни разу не одернул юношу, а наоборот, начал посылать его туда, куда тот сам рвался со всем пылом безвинно оскорбленной юности.

По обычаю он, как самый младший, первым имел право оставить отцовского крэга на планете, которая подходила бы добровольному затворнику. У Серьги Кентавра планет было семь; пять из них годились для крэгов, но только четыре достались легко, без боя; по случайности (или в силу недоброго предзнаменования) первая же из них — красавица с двумя лунами, самая зеленая, самая теплая, — была заселена чудовищами, давшими название всему созвездию.

Об этой планете лучше было совсем не вспоминать, и тем не менее вспоминали все — и постоянно...

Звездный переход был удачен. Единый порыв, объединивший юношей вокруг их предводителя, спаял намертво их корабли и не позволил ни одному отстать или сместиться в сторону, как это иногда бывало в случайно или поспешно подобравшейся дружине. Макрокорабль — или, попросту, мак — прошел сквозь ничто и вынырнул так близко от второй планеты Серьги, что она лежала перед ними на черном атласе межзвездной пустоты, как фамильная драгоценность.

— Младшему везет, — заметил кто-то из старших дружинников, кажется, Дуз.

— Значит, судьба благосклонна ко всем нам, — сурово парировал эрл Асмур, и все поняли: насмешек над младшим не будет.

Как только мак загис над поверхностью жемчужно-голубой планеты, командор пригласил всех к себе. Его корабль представлял сейчас сердцевину мака и был естественным центром управления и кают-компанией одновременно. Одна часть просторного девятиугольника была отделена для крылатого коня, другую занимал алтарный шатер, предназначенный для Тарита-крэга. И все-таки места оставалось предостаточно — хоть устраивай королевский прием.

Малые корабли дружинников, окружившие сердцевину мака, образовали кольцевую анфиладу со сквозными переходами, где каждый мог беспрепятственно навестить своего

соседа — или прийти ему на помощь, если таковая потребуется. Лишь в центральное помещение можно было попасть только по зову Асмур. Даже если бы ему грозила смерть.

Сейчас он собрал их в первый раз. И первыми же своими словами преподал урок рыцарства.

У эрла Асмур иначе и быть не могло.

Они разглядывали первую планету, которую им предстояло посетить, если младший из них получит согласие отцовского крэга навсегда остаться здесь. Впрочем, в случае его отказа любой из остальных крэгов мог взять эту землю себе, хотя обычно так не делалось. Мало-помалу мрачное настроение, навеянное зловещими козырями в их игре с судьбой, уступало место юношеской восторженности: вот оно, поле первого испытания, для чего они с пеленок учились владеть оружием и конем — искусство, никому не нужное на самом Джаспере. Опасности — прекрасно! Неожиданности — да бога ради! Битвы — так ведь их поведет сам эрл Асмур! Они стояли вокруг своего предводителя, расстегнув, но не сняв скафандры — прежде всего безопасность крэга, это первая заповедь джасперианина.

Гаррэль держал на жесткой рукавице седого поджарого крэга, и все вместе они пристально глядели себе под ноги, где сквозь

(12) круглый иллюминатор нижнего обзора была видна чуть прикрытая облаками планета.

— Говори, Гэль! — ободряющим тоном произнес командор.

— Поводырь моего отца! — срывающимся от волнения голосом начал Гаррэль. — Ты служил ему от рождения и до смерти, верно и и неустанно, как и подобает благородному крэгу. И теперь я, его сын, в награду за службу предлагаю тебе эту планету, если только ты сочтешь ее достойной себя, и готов выполнить любые твои желания.

Асмур кивнул — отменно было сказано — и, обернувшись к стене, раскрыл лежащий на консоли пудовый фолиант «Звездных Анналов», составленный полторы тысячи лет назад, когда вольные, многочисленные и, главное, зрячие джаспериане появлялись в самых отдаленных закутках галактики, коллекционируя звезды и планеты.

— Вторая планета Серьги Кентавра, — прочел он, — была открыта тысячу шестьсот десять лет назад, в эпоху свободных странствий. Животные, населяющие ее, миролюбивы, птиц не имеется, немногочисленное племя дикарей беззлобно. Пригодна для обитания как людей, так и крэгов.

Крылатое существо, сидевшее на перчатке, перегнувшись вперед, казалось, не слышало обращенных к нему слов. Понять крэга было можно — если человек вообще спосо-

Аэлита-88

бен понять крэга. Ему предстоит провести здесь всю оставшуюся жизнь. Может быть, по сравнению с человеческой жизнью этот срок показался бы вечностью — кто знает! И все это время крэг будет совершенно один: согласно Уговору, никто из жителей Джаспера не смеет ступить на планету, занятую крэгом.

Так что тут имело смысл долго выбирать.

Вот крэг и думал. Свесив сивую тупоклювую голову, он пристально вглядывался в единственный громадный остров, выступающий из зеленовато-синего океана. Что его смущало? Если отмеченное в «Анналах» племя дикарей, то он отказался бы сразу и бесповоротно — ведь крэги не терпят присутствия разумных существ на подаренной им планете.

Но почему-то он думал.

Может быть — кентавры? Эти загадочные существа упоминались в «Анналах» лишь однажды, да и то столь невразумительно, что сведения о них вызвали сомнения. Впрочем, наличие дикарей тоже не было абсолютно достоверным: стремясь во всем видеть лучшее, джаспериане порой принимали за них крупных обезьян, строивших причудливые гнезда. Бывало.

Так что крэг думал — и правильно делал.

Дружинники, почувствовав себя вольно, вполголоса переговаривались, обсуждая достоинства планеты.

— Хорошенькое соседство! — фыркнул Флейж, носком сапога указывая на громадный грязевой вулкан, плюющийся сернистым пеплом.

— Вонючка, — убежденно изрек его закадычный приятель Скюз.

Асмур не обрывал их болтовни, потому что знал: для крэга мнение человека решительно ничего не значит. А вулкан действительно поганый, и не один, похоже, а целая компания — несколько десятков квадратных километров грязи и вони. Как тут не закапризничать...

Сивый крэг вскинул голову, глаза его жадно попыхивали, словно разгорающиеся угольки.

— Уничтожить! — раздался скрипучий, механический голос.

Немногие на своем веку слышали голос крэга, и он поразил всех настолько, что смысл сказанного отступил на второй план: главным казалось то, что загадочное молчаливое существо снизошло до разговора с людьми.

Видя их неподвижность, крэг приподнял крыло и сделал чисто человеческий жест — указал его концом на зачехленный пульт, к которому в этом полете еще ни разу не прирагивались. По каюте метнулся ветер, поднятый движением белесой кисеи реденького

оперения, и этого было достаточно, чтобы все разом вернулись к действительности.

— Вы слышали приказ? — воскликнул Гаррэль, и Асмур почувствовал, что даже он сам в какой-то степени попал под одурманивающие чары крылатого монстра.

— Спокойно, мой мальчик, — проговорил он. — Приказываю здесь только я. Крэги же лишь высказывают пожелания.

Это было сказано с истинно королевской гордостью, и каждый почему-то вспомнил принцессу Сэниа, идущую у его стремени.

Все, кроме Асмур.

— Прошу всех вернуться в каюты, — продолжал командор. — На следующем витке начинаем аннигиляционную атаку. Борб, ты мне поможешь. Дальнейшие действия будут диктоваться результатами атаки. Пока все.

Скупой приказ означал: вы продолжаете обеспечивать психогенную защиту и, если будет нужно, перемещение корабля.

В полете вообще больше подразумевалось, чем говорилось.

Опалово-желтый диск макрокорабля цепко завис над смердящим вулканом, на десятки километров разливающим свои неаппетитные потоки. Да, не молочные реки и не кисельные берега. Борб, которому ничего не надо было объяснять: профессия аннигиляторщиков была у него в роду, — колдовал с пультом, временами задавая минимальные вопросы.

— Накроем одним?..

— Ненадежно. Пустим по спирали бегущий заряд.

Борб изогнул бровь — ай да командор, даром что нефтехимик! И в этом разбирается... Заряд запускался с максимальной скоростью, чтобы следующая спираль закрутилась прежде, чем до нее дойдет ударная волна от предыдущей.

— От центра?..

— Нет. По опоясывающей и к центру.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Строки из писем

Перед вами — первый выпуск нашей НФ тетради. «Аэлига», журнал в журнале.

Вы уже заметили, разумеется, что внутренние поля у этой тетради увеличены — на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы желающие смогли переплести напечатанную нами фантастику без досадного ущемления текста.

Надо полагать, заметили вы и то, что увеличение полей (а равно и отдельная, помимо общежурнальной, нумерация страниц) захватывает лишь повесть О. Ларионовой — т. е. самое фантастику — и не затрагивает материалов прежнего «Калейдоскопа».

Да, следуя вашим пожеланиям мы решили дать вам возможность выбора. Само собой: и эти материалы вы можете собрать в конце года в отдельную тетрадку. Но можете и не переплетать их вовсе: зная и понимая разнообразие читательских вкусов, мы ничуть на это не обидимся. Ведь и в самом деле — сборник фантастики, который мы стараемся сформировать в двенадцати наших номерах, останется у вас, хотим надеяться, не на один год. Все ли наши материалы о фантастике способны выдержать испытание временем — и через пять — десять, скажем, лет не выглядеть таким скучным необязательным довеском в «наборе»? Нет, конечно же! Что-то останется, возможно, но многое ведь и отсеется, оседая в копилках лишь у самых неистовых...

Однако ж, даже и пренебрежительно подчас оценивая былой «Калейдоскоп», читатели тем не менее едва ли не единодушно настаивают на необходимости и расширении его в НФ тетради.

Постараемся выполнить и это пожелание. А поскольку название рубрики — «Калейдоскоп» — давно уж, честно-то говоря, не отвечает ее содержанию, мы решили заменить его. Что они, в сущности, такое — наши обзоры, заметки, беседы, викторины, строки из писем... — как не заседания КЛФ, участники которых, к сожалению, разобщены расстояниями!

Так отныне и назовем наш раздел: «Заочный КЛФ».

Мне 16 лет, учусь я в десятом классе. Выписываю ваш журнал вот уже два года. Читаю его почти всегда «от корки до корки», но больше всего привлекает меня отдел фантастики...

У каждого из периодических изданий, регулярно печатающих фантастику, есть свои традиции. Так, например, все знают, что «Знание — сила» практически каждый год печатает новое крупное произведение Стругацких, что образцы зарубежной фантастики можно найти в «Вокруг света» и «Изобретатели и рационализаторы». Есть свое лицо и у вашего журнала. И не надо его менять! Не надо, как некоторые предлагают, сокращать раздел фантастики, не надо переводов, не надо длинных повестей и романов. Продолжайте печатать молодёжь. А чтобы авторы (да и редакция) знали результаты своей работы, я бы предложил устраивать в конце года своего рода хит-парады НФ произведений, напечатанных в «УС». Пусть читатели оценивают их в пятибалльной, скажем, системе.

Тогда можно будет сравнивать уровень печатаемых произведений и через год, и через два.

Вообще-то я много чего хочу. Хочу, чтобы наряду с НФ произведениями регулярно появлялись критические заметки, то есть, чтобы появилась рубрика вроде «Спрашивайте — отвечаем», в которой компетентные люди вашей редакции отвечали бы на вопросы библиографического, например, порядка...

И последнее. Самое главное. Со времени, когда я серьезно начал увлекаться фантастикой (5 класс), мне очень не хватало общения со сверстниками, у которых были бы схожие с моими интересы. Со взрослыми (я посещаю рижский КЛФ «Дом») говорить о фантастике можно, но не поговоришь ни о чем другом. В общем, я бы очень хотел через ваш журнал познакомиться с ребятами-старшеклассниками, которые пытаются, как и я, постичь этот удивительный (пardon за штам!) мир фантастики.

Павел ЛЕХНОВ,
п. Саласпилс Латвийской ССР

Нам пришлось по душе высказанная Павлом идея «хит-парада» фантастики «УС» — мы обязательно вернемся к ней в декабрьском номере, печатая годовое оглавление НФ тетради.

Хоть сейчас готовы мы открыть и постоянно действующее «справочное бюро»: спрашивайте! При интересности вопроса не только для вас лично, но и для других читателей дадим справку через журнал — с удовольствием, ибо давно уже просто физически не в состоянии отвечать по почте каждому нашему корреспонденту.

Наконец, «самое главное». Обещаем Павлу непременно переслать письма сверстников — если таковые обнаружатся в нашей почте. Но вот открывать ли в журнале и «почтовый ящик»? Не знаем, не уверены. А каково ваше мнение на этот счет, товарищи читатели?

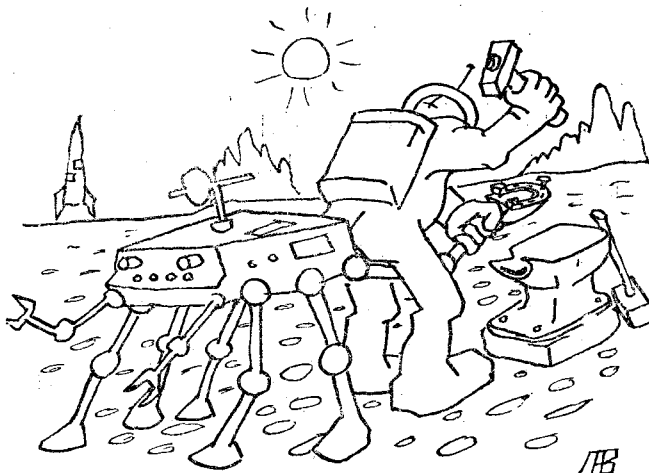

Рис. А. Лаврова (г. Артем Приморского края)

КОГДА ЛЕС РУБЯТ...

В № 10 за 1985 год мы опубликовали подборку читательских рецензий. Вспоминая о ней, А. Романов пишет: «В поле зрения попали тогда именитые — неверная постановка: зачем вещать очевидное?! Полезней и нужней было б сориентировать читателя на обещающих молодых...» Вообще-то в той давней уже подборке были отзывы и о повестях авторов, к именитым покамест не причисляемых; но в принципе А. Романов прав. Признавая это, публикуем его эмоциональный и потому не во всем бесспорный и доказательный отклик на одно из конкретных положений статьи Вс. Ревича «Звездолет или электричка!» [«Юность», 1986, № 9] — статьи, на наш взгляд, весьма актуальной, острой и справедливой.

Фантастику Кузбасса для меня открывает Геннадий Емельянов — к сожалению, В. Ревич «закрывает» его для широкого читателя. Я написал в «Юность», но надежды на то, что меня услышат там, мало...

Итак, повесть Г. Емельянова «Истины на камне». Читается залпом, радует, веселит, заставляет задуматься, грустить и очень сожалеть после прочтения — праздник кончился... Но и при втором, третьем, четвертом прочтении — то же самое! Закрываешь книгу с ощущением чудесного душевного очищения. Совершенно своеобразная для советской НФ стилистика — писатель любовно, ненавязчиво, поэтично описывает природу далекой планеты Синей...

Оставим, как принято сегодня говорить, комплиментарность, обратимся к именитому критику. Учитывая общую точность вполне умной статьи, поставим вопрос: за что же В. Ревич «обрушился» на Г. Емельянова? Прежде всего на язык — тот самый, который я назвал поэтичным. Но ведь в нашей фантастике так мало языкового разнообразия! Не личным ли неприятием руководства — вался критик? В любой области творчества, даже среди гениев, мы ищем близкое своей душе; достаточно сказать о тех многих людях, которые по-разному расставляют на своей личной шкале ценностей великих русских поэтов Пушкина и Лермонтова. Нет, словом, стилистика — не повод для разноса. Но последуем за критиком дальше. А дальше этот критик выдергивает из повести цитаты и ужасается главному герою, приписывая ему грехи, о которых ни автор, ни его герой Логвин и не подозревали — прием явно недозволённый, но, к сожалению, сегодня широко распространенный. Судите сами. Ужасаясь жестокости Логвина, В. Ревич цитирует: «Я успел скатить со столбов жердь и, ослепленный яростью, рванул в полутьму круглого коридора, сминая по пути теплые и твердые тела...» — и «забывает» упомянуть: Логвин думает в этот

момент, что его друга, возможно, убили. В таком свете все выглядит совсем иначе, не правда ли? Далее В. Ревич предлагает осудить злобность и жестокость героя, цитируя следующее: «А если я попаду тебе в голову? — Я воткну копые тебе в зад, брат мой!» Этот диалог — с абригеном, дикарем, недалеко ушедшим от нашего каменного века; любопытно, какой ответ предложил бы сам В. Ревич, неужели он стал бы что-то долго и нудно объяснять?! «За бортом» оставляет критик явную шутовскую фразу — легко, впрочем понимаемую в повести инопланетным дикарем...

Да, «повесть написана от лица человека далекого будущего» (цитирую В. Ревича), но написана она для — и о человеке сегодняшнем: единственно верный подход к фантастике вообще, «люди как люди» по программе Кира Булычева. Стоит заметить, что во всех попытках изобразить человека будущего с иными этическими ценностями, чем сегодня, у писателей — даже очень хороших — создавались схемы вместо людей. В нашем сегодняшнем дне вполне достаточно людей, которым можно доверить звездолет и «командировку» к инопланетянам, — зачем же создавать несуществующий образ мыслей и язык?

Последний упрек — самый серьезный и злой. Цитирую: «Нахватаю по лоскутку отовсюду — из колониальных приключенческих романов, из комиксов, из кинофильмов — без отбора, без осмысления, без концепции...» Уже ясно: не аргументировано никак...

Общую идею повести можно определить одним словом — Прогрессор. Да-да, заимствование! Но совсем в другом ключе! Многие наши фантасты успешно разрабатывают в больших романах идеи тех же братьев Стругацких, «выданные» в двух строчках, и никто фантастов за это не упрекает! Все остальное в цитате — что называется, «притянуто за уши», обвинение в плагиате безус-

ловно следует гневно отвести. Осмысление, концепция? На протяжении всей повести герой думает, как помочь инопланетянам, — это ли не концепция: нести людям добро?! Чуть заостряя, можно сказать, что Логвин бежал от погрязших в благодущии землян — это ли не попытка осмысления недавней нашей всеобщей реваншистской? (Повесть написана в 1979 году). На страницах повести автор размышляет о путях познания, о том, как вчерашние истины становятся догмами и мешают жить, о том, как и почему оказался возможен фашизм...

Повесть написана очень динамично, по завету Стругацких — «больше невероятного в единицу времени» (земляне не знали братьев по разуму, на Синей — сразу три вида!), с подкупающим и четко-логически обоснованным оптимизмом (Логвин в одиночку, с помощью только техники, способен многое сделать для обитателей Синей), с разительным и всегда очень добрым (!) юмором. Обидно, что хороший критик после поверхностного прочтения ставит отличную фантастику в ряд очевидной халтуры; а если учесть, что повесть Г. Емельянова издавалась только в Кемерово, разнос В. Ревича, мягко говоря, не корректен — возразить-то некому!

Остается добавить, что я не одинок в своем мнении, среди моих читающих друзей повесть принята совершенно однозначно (можно было бы собрать подписи, но я надеюсь, вы мне поверите на слово). Рекомендую повесть Г. Емельянова всем, завидую читающим ее впервые, сочувствую тем, кто ее никогда не прочтет.

А. РОМАНОВ,
г. Ленинск-Кузнецкий

Фантастика под микроскопом

Викторина-88

Викторина-88, почти не изменившись по существу, кое в чем все-таки отличается от прошлогодней.

В первом туре для проверки ваших знаний предложены 10 вопросов, имеющих по два варианта: отвечая, вы у каждого из вопросов вправе выбрать любой вариант. Вопросы 1—8 оценены нами в 2 балла каждый, а 9-й и 10-й, содержащие по два и четыре конкретных задания, могут принести вам соответственно 4 и 8 очков.

Второй тур — «библиографический», и задание здесь — сродни прошлогоднему рассказу из названий. Здесь тоже два варианта — выбирайте любой: по нашей прикидке, они достаточно равноценны. И там и тут каждое приведенное вами название приносит 0,1 балла.

Третий тур требует развернутых ответов. Оценка здесь будет зависеть от полноты ответа, его аргументированности, стиля и языка.

Как и в прошлом году, викторина рассчитана на читателей-одиночек. Если вы отвечаете вдвоем — вам придется ответить на оба варианта всех вопросов I—III туров, в том числе — удвоить для себя второе задание III тура. Набранная при этом сумма очков будет автоматически поделена между вами.

Контрольные сроки для отправки ответов: в I и II турах — 15 апреля, в III туре — 15 мая. В обоих случаях за каждую просроченную неделю с результата снимается по 2 балла; ответы, отосланные в I—II туре после 15 мая, а в третьем — после 15 июня, оцениваться не будут.

Просьба: указывайте свой возраст (а школьники — класс, в котором учитесь) и не прячьте за инициалами свои имя и отчество.

Победителям викторины (мы определим их по итогам всех трех туров) будут высланы книги с автографами советских писателей-фантастов.

Вниманию тех, кто не попадет в список призеров (и не попал в него в прошлом году): участвуя в трех викторинах подряд, вы включаетесь — с набранной в них общей суммой очков — в борьбу за специальный приз: «за упорство и волю к победе».

Авторы вопросов викторины-88: Л. Абдулин (Казань), С. Битюцкий, И. Павловский, В. Рыбкин (Ростов-на-Дону), В. Борисов (Абакан), С. Вартанов (Москва), С. Васильев (Ленинград), Ю. Зубакин (Коркино Челябинской обл.), С. Иванов, В. Черник, Е. Кулинич, П. Роскладко (Горловка), В. Карабаев, Р. Кадиков (Уфа), О. Князева (Свердловск), В. Лаушкин (Абакан), В. Молчанов (Пермь), А. Обинцев, С. Вихрев (Вологда), Ю. Олдаковский (Воркута), Ю. Протопопов (Бийск), К. Рыбалко (Калининск Саратовской обл.), Ю. Садчиков (Саратов), А. Сауткин (Мурманск), А. Суторихин (Свердловск), В. Трабун (Львов), М. Трифонов (Омск), С. Ушаков (Мурманск), О. Федоркин (Мытищи Московской обл.), А. Фисенко (Липецк), А. Шульга (Магнитогорск).

I.

1. А) «Он увидел себя сидящим за столом. Двойник протянул руку к лампе и зажгел ее». Кому из героев НФ представилась такая возможность?

Б) «Я обернулся к востоку и обмел от смертельного ужаса. На наш скорлупу-пароход быстро двигался от берега огромный вал с Эйфелеву башню высотой, весь черный, с розово-белым, пенистым гребнем наверху. Что-то заревело, задрожало... и точно весь мир обрушился на палубу». Где произошла эта катастрофа?

2. А) Не встречались ли вам в фантастике письма, написанные вилами на воде?

Б) «Полигамный антропоморфизм и эпидемический геоцентризм на уровне сегодняшнего дня порождают во мне термодинамический демонизм и электростатический дуализм, что создает невозможность колки дров». Кто и где с юных лет выражался подобным образом?

3. А) «Загадка Плутона, наконец, решена — эта планета не принадлежит к нашей солнечной системе. Она захвачена ею во время пути Солнца через Галактику. Вот почему плотность Плутона гораздо больше всех других планет... Но еще важнее, что на одном хребте обнаружены следы почти нацело разрушенных построек, свидетельствующих о какой-то невообразимо древней цивилизации». Кем из фантастов решена загадка Плутона?

Б) «Я давно уже перестал видеть знакомые глазу созвездия. Я знал, что есть такие звезды в небесных пространствах, от которых лучи доходят на землю лишь в тысячи и миллионы лет. Может быть, мы уже пролетали эти пространства...» Откуда взяты эти соображения?

4. А) «— Вы знаете, как-то во время забастовки мне случилось пробежать один роман. Это не ваш?» — Не знаю, — сказал я. — А о чем?

— Н-ну, я не могу сказать вам совершенно точно... Сын поссорился с отцом, и у него был друг, этаким неприятный человек со странной фамилией... Он еще резал лягушек. — Не могу вспомнить, — соврал я».

О каком романе речь — и откуда взят этот диалог?

Б) «Некое существо К. Ш., направляясь с целью транспортировки небольшого количества пищевых белков и углеводов другому существу Б., было на пути обнаружено существом иного разряда В. В результате чего...» Из какого произведения взят этот пересказ стародавней истории?

5. А) «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лакты-экты. Клейпучку пьют все! Рекомендуется до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!» Согласитесь ли вы с такой характеристикой «напитка Вселенной»?

Б) «Я сделал по расписанию первым делом вот что: налил в металлическую мензурку простейшее сое-

динение водорода с кислородом. Довел до точки кипения. В фарфоровый тигель насыпал шесть граммов синепсиса. Смешал синепсис с тремя ложками полиозы. Тонкую пластинку, содержащую элементы фосфора и кальция, соединил с толстой пластинкой аминокислот и...» Что делал герой — и в каком произведении?

6. А) «О Чтении тоже был закон. Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом». Где описана эта ситуация?

Б) Как звали девочку, которая могла в уме умножить 828 464 280 на 4 692 438 921?

7. А) «Из всех земных животных чаще всего сопровождали человека в космосе кошки. Они переносили ускорения, невесомость и прочие неудобства перелетов с такой легкостью, что это вызвало появление довольно странных легенд. Согласно одной из них...» В каком произведении бытует версия, что «кошачье племя — это все, что осталось от давно забытого вторжения на Землю из космоса»?

Б) «Когда древний человек научился добывать огонь, первое живое существо, пригравшееся у его очага, была не собака — это был...» Кто? И какова его дальнейшая судьба?

8. А) «— Что же будет с Луной? — тревожно спросил я. — Упадет ли она на Землю или уйдет в мировое пространство, когда распадется на части?

— Ни то, ни другое. Скорее всего, она будет носиться вокруг Земли бесконечно долго... Но вернее всего — Луна разлетится на мелкие части, и тогда вокруг Земли образуется светящийся пояс, как у Сатурна. Кольцо из мелких кусков».

Кем выказан этот прогноз?

Б) «— О чем же ваша гипотеза? — спросил я, заинтересованный. Дело становилось все более и более запутанным.

— О Тунгусском метеорите.

— Который упал близ фактории Вановара в 1908 году?

— Который никогда не падал на землю».

А этот диалог — откуда?

9. А) «От мусора просто девать некуда...» Где выходом из этой ситуации стало создание Чудо-Мельниц? А кто придумал Большой Мусорный Ящик?

Б) «Надо только спросить его, что он будет делать, если встретится с шестиметровым пауком отвратительного вида. Первой, инстинктивной реакцией испытуемого было — извлечь бластер и всадить в паука весь заряд. Паук же мог оказаться бродящим в одиночестве местным поэтом, исполняющим обязанности

непременного секретаря добровольного общества защиты местных птиц и кузнечиков». Где предложен этот тест для космонавтов, уходящих к дальним планетам? И что такое — «канапод»?

10. А) Из каких произведений взяты следующие фразы: а) «Как это часто бывает, события тех немногих дней скоро были отодвинуты на второй план: близился уже конец последнего этапа исследований, и Гарин работал допоздна, наверстывая упущенное»; б) «Компьютер Эпикак работал без помощников, принимая посетителей в отдельном кабинете»; в) «Нас забавляла Прелесть. Этот тип роботов обладает очень емкой памятью, удивительной логикой мышления»; г) «Да нет, ничего особенного. Обыкновенный Коллектор Рассеянной Информации, только малогабаритный и локального действия».

Б) А вот эти: а) «Город Байконур, как известно, окружен непроходимыми джунглями»; б) «— Земля — сплошные джунгли, — гордо изрекла миссис Ррр»; в) «Неделю выпускники провели на наземной магистрали Москва — Саратов — Кабул — Дели»; г) «— Помогите мне выбраться из этого костюма. Кажется, я подцепил блоху на мысе Канаверал».

II.

В названиях НФ произведений довольно часто встречаются цифры. Ничуть не реже фигурируют в них различные цвета. На ваш выбор:

А) Используя названия НФ произведений, составьте как можно более обширный числовой ряд, желательно — от «0» до «3·10¹³»! Пусть вас не смущают пропуски: их может не оказаться, по-видимому, лишь в первом десятке. Разрешается привлекать дроби и порядковые числительные. В зачет идет лишь по одному примеру к каждому числу; кроме того, одно произведение может фигурировать лишь в одной позиции.

Б) Перечислите как можно больше произведений, в названия которых входят синий, голубой или зеленый цвет. Не будем возражать и против их оттенков — если таковые вам встретятся. Из произведений с одинаковыми названиями в зачет идет лишь одно.

Выполняя любое из этих заданий, помните, что название без автора не засчитывается, что в зачет идут лишь произведения, печатавшиеся на русском языке — отдельным изданием, в авторских или коллективных сборниках, в журналах и альманахах, в центральных газетах. Ссылки на местные газеты не принима-

маем, поскольку нет возможности убедиться в достоверности сообщения.

III.

1. Ответьте на один из предложенных ниже вопросов (до 8 очков плюс 2 балла за ответ на конкретную часть):

А) Цели полетов в космос, преследуемые героями НФ произведений. Попробуйте разобраться в них, как-то систематизировать, а заодно определите — с какой целью и в каком произведении отправилась в космос вот эта компания: Антон, Вадим и... их спутник, которого мы спрячем за его инициалами — С. Р.?

Б) «Существуют два типа неизвестных опасностей: неизвестная опасность, заключенная в известном явлении, и известная опасность, источник которой неизвестен. Последняя, несомненно, во много раз страшнее...» С помощью примеров из НФ подтвердите или опровергните это суждение. Кстати, из какого произведения оно взято?

2. В развитие любого, на ваш выбор, вопроса первого тура формулируйте свой собственный вопрос поискового плана — и дайте развернутый ответ на него. (До 8 очков).

IV.

Предложите (на отдельном листке) ваши вопросы для новой викторины. Убедительно просим иметь при этом в виду, что конкретные вопросы без ссылок на источники мы не принимаем.

Выскажите свои пожелания, замечания и соображения по викторине в целом — ее структуре, срокам, системе оценок, уровню сложности и т. д.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: ГОД 1988-й

Следуя традиции, помещаем краткий список памятных дат НФ на нынешний год. Составить его нам помогли: прежде всего В. Окулов (Иванов), а также И. Труш (Новополоцк Витебской обл.), десятиклассник К. Проскурия (Барнаул), восьмиклассник А. Сауткин (Мурманск) и другие наши читатели.

Январь, 2. 200 лет со дня рождения французского публициста и писателя Этьенна Кабе (1788—1856), автора утопического романа «Путешествие в Икарию» (1840).

Январь, 10. 105 лет со дня рождения Алексея Николаевича Толстого (1883—1945). 65 лет исполняется «Аэлите» (1923).

Январь, 29. 100 лет со дня рождения ученого-экономиста Александра Васильевича Чаянова (1888—1939), в 20-х гг. выпускавшего под псевдонимами «И. Кремнев» и «Ботаник Х» ряд фантастических повестей.

Февраль, 7. 510 лет со дня рождения английского гуманиста Томаса Мора (1478—1535), автора знаменитой «Утопии» (1516).

Февраль, 8. 160 лет со дня рождения французского писателя Жюль Верна (1828—1905). 125 лет исполняется первому его роману «Пять недель на воздушном шаре» (1863).

Февраль, 23. 95 лет со дня рождения (1893) Абрама Рувимовича Палля, старейшего советского фантаста, автора книг «Остров Таусена», «В простор планетный» и др.

Март, 28. 65 лет со дня рождения (1923) Михаила Леонидовича Анчарова, автора НФ трилогии «Сода-солнце» (1968).

Апрель, 2. 100 лет со дня рождения Мариэтты Сергеевны Шагинян (1888—1982), в 20—30-х гг. обращавшейся к фантастике (трилогия «Месс-Менд», 1924—1925, 1935).

Май, 11. 105 лет со дня рождения Янки Маэра (Ивана Михайловича Федорова, 1883—1971), основоположника НФ в белорусской литературе.

Июнь, 30. 80 лет со дня падения (1908) Тунгусского метеорита — загадки века, оставившей заметный след и в фантастике.

Июль, 10. 85 лет со дня рождения английского фантаста Джона Уиндема (1903—1969), автора романа «День триффидов» и др. произведений, переведенных на русский язык.

Июль, 19. 95 лет со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского (1893—1930), неоднократно обращавшегося к фантастике. 60 лет исполняется комедии «Клоп» (1928).

Июль, 24. 160 лет со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского (1828—1889), революционера-демократа, ученого, публициста, писателя, автора вышедшего 125 лет назад романа «Что делать?» (1863).

Август, 22. 115 лет со дня рождения Александра Александровича Богданова (Малиновского, 1873—1928), деятеля российского революционного движения, философа, экономиста. Его роману-утопии «Красная звезда» (1908) исполняется 80 лет.

Август, 25. 50 лет со дня смерти Александра Ивановича Куприна (1870—1938). 75 лет исполняется его повести «Жидкое солнце» (1913).

Август, 29. 80 лет со дня рождения (1908) французского писателя Робера Мерля, автора переведенных у нас романов «Разумное животное» и «Мальвиль».

Сентябрь, 5. 420 лет со дня рождения итальянского философа Томмазо Кампанеллы (1568—1639), автора коммунистической утопии «Город Солнца» (1602, опубликован в 1623 г.—365 лет назад).

Октябрь, 10. 125 лет со дня рождения ученого-геолога Владимира Афанасьевича Обручева (1863—1956), автора романов «Плутония» (1924) и «Земля Санникова» (1926).

Октябрь, 14. 50 лет со дня рождения (1938) Владислава Петровича Крапивина, лауреата премии «Аэлита-83», автора романа-трилогии «Голубятня на желтой поляне» и др. НФ книг.

Декабрь, 4. 85 лет со дня рождения Лазаря Иосифовича Лагина (1903—1979), писавшего фантастику памфлетного плана. 50 лет исполняется его повести-сказке «Старик Хоттабыч» (1938).

Декабрь, 5. 65 лет со дня рождения Владимира Федоровича Тендрякова (1923—1984), автора НФ повести «Путешествие длиной в век» (1963) и романа «Покушение на миражи» (опубликован посмертно в 1987 г.).

Декабрь, 13. 115 лет со дня рождения Валерия Яковлевича Брюсова (1873—1924), известного поэта, активно работавшего и в фантастике.

Декабрь, 15. 70 лет со дня рождения (1918) Севера Феликсовича Гансовского, свою первую НФ книгу выпустившего 25 лет назад («Шаги в неизвестное», 1963).

Кроме того, в наступившем году исполняется:

105 лет со дня рождения Сергея Михайловича Беляева (1883—1953), автора книг «Властелин молний», «Десятая планета» и др.; Валерия Иоильевича Язвицкого (1883—

1957), в 20—30-х гг. активно работавшего в НФ;

85 лет со дня рождения Федора Федоровича Кнорре, автора повести «Бумажные книги Лали»; Евгения Петровича Петрова (Катаева, 1903—1942), автора повести «Светлая личность» (совместно с И. А. Ильфом) и неоконченного романа «Путешествие в страну коммунизма»;

80 лет со дня рождения Сергея Георгиевича Жемайтиса, автора повести «Вечный ветер» и др. книг; Николая Николаевича Носова (1908—1976), автора популярного романа-сказки «Незнайка на Луне»; сибирского писателя-фантаста Николая Яковлевича Шагурина (1908—1983);

75 лет со дня рождения Николая Михайловича Амосова, известного ученого-хирурга, автора романа «Записки из будущего»; Кирилла Ивановича Домбровского, автора повестей «Остров неопытных физиков» и «Серые муравьи»; Исаю Борисовича Лукодянова (1913—1984), в соавторстве с Е. Л. Войскунским выпустившего романы «Экипаж Меконга», «Плеск звездных морей» и др.;

70 лет со дня рождения (1918) Василия Павловича Бережного, украинского писателя-фантаста; Георгия Леонтьевича Попова, автора повести «За тридцать планет»;

65 лет со дня рождения Евгения Михайловича Богата (1923—1985), автора повестей «Четвертый лист пергамента» и «Музыканты»; Бориса Васильевича Зубкова, в соавторстве с Е. С. Муслиным выпустившего книгу рассказов «Самозванец Стамп»; Александра Лазаревича Полещука (1923—1980), автора книг «Великое Делание», «Звездный человек» и др.; Георгия Хосроевича Шаха (Шахназарова), ученого-социолога, автора двух НФ книг;

60 лет со дня рождения (1928) Валентина Афанасьевича Новикова, автора книг «Путешествие «Геоса», «Парусные корабли» и др.; Михаила Петровича Немченко, в соавторстве с Л. Д. Немченко выпустившего сборники рассказов «Летающие к братьям» и «Только человек»; Владимира Маркозича Санина, автора повести «Приключения Лана и Поуна»; популярного в нашей стране американского фантаста Роберта Шекли;

50 лет со дня рождения (1938) Спартака Фатыховича Ахметова, автора книг «Алмаз «Шах» и «Информация из будущего»; Юрия Федоровича Грекова, автора книг «На кругах времен», «Однажды ночью» и др.; армянского писателя Перча Арменаковича Зейтунцяна, автора романа «Легенда XX века»; Влади-

мира Ивановича Щербакова, автора сборников «Красные кони», «Болид над озером» и др. книг.

Исполняется также: 350 лет со дня опубликования романа Ф. Годвина «Человек на Луне» (1638); 170 лет роману М. Шелли «Франкенштейн» (1818); 155 лет роману А. Вельмана «3448 год» и «Фантастическим путешествиям Барона Брамбеуса» О. Сенковского (1833); 100 лет известному социально-утопическому роману Э. Беллами «Взгляд назад» и первой повести Г. Уэллса «Аргонавты Хроноса» (1888); 95 лет повести К. Циолковского «На Луне» (1893); 90 лет знаменитой «Войне миров» Г. Уэллса (1898); 75 лет роману Б. Келлермана «Туннель» (1913); 65 лет романам А. Грина «Блистающий мир» и И. Эренбурга «Трест Д. Е.» (1923); 60 лет романам «Человек-амфибия» и «Борьба в эфире» А. Беляева, «Бегущая по волнам» А. Грина, «Три Толстяка» Ю. Олеши, «Бунт атомов» В. Орловского, «Я жгу Париж» Б. Ясенского (1928); 30 лет со дня опубликования (1958) первых рассказов Д. Биленкина, А. Днепров, В. Журавлевой, И. Россоховатского, А. и Б. Стругацких; 25 лет «Лезвию бритвы» И. Ефремова и первым НФ сборникам издательства «Знание» — «Новая сигнальная» и «Черный столб» (1963).

Кроме того, в апреле исполнится 30 лет «Уральскому следопыту», а в июле 55 лет журналу «Техника — молодежи».

ИЗ ЖИЗНИ

Рассказ из пяти фраз

Послушай, что я тебе скажу, парень: между нами и роботами лишь одно принципиальное различие, все остальное просто кабинетная философия, — мы, люди, способны на ложь, а они — нет.

Вот идем мы однажды в свободном подпространстве (сам знаешь, по бакенам не всегда пойдешь) и напарываемся полным ходом на коллапсар — от перегрузок в глазах рябит, звездолет кидает из стороны в сторону, словно мяч, выдираемся на пределе, просто чудом, — и — в новый переплет: прямо под Ф-звезду. Экраны временно ослепли, топлива в обрез, радиозащита постепенно сдает, и штурман, бедняга, за несуществующее сердце — где он жест этот перенял?! — хватается, доконал его коллапсар, а ведь десятки тысяч парсеков вместе, чуть ли не вся Галактика, и до этого идиотского рейса — ни одного сбоя; торопимся, спешим, а киберпост на одной из планет еще масла в огонь подливает, инструкцию цитирует: параграф 5/3а, уложение такое-то, — дисквалифицировать, демонтировать! В эти секунды я решился (и знал, что поступаю нехорошо, но жаль штурмана, не заслужил он демонтажа, я сам просрочил его списание, уж очень замечалась в нем прямо-таки человеческая самостоятельность — лучший из всех моих робот-штурманов!), вкручиваю тому киберу, что мы вне зоны и что пусть дает проводку, и вообще — чего он развешался на всю систему, если я не я, а сезонный техник? Эта мехбанка тут же заткнулась, выдала на навигатор координатную сетку, и я спикировал на посадочный пятачок, а там продублировал для верности на установках станции курс (он совпал, между прочим, до десяти тысяч), отрегулировал ситуацию для кибера и на третьей звездной дунул на базу, где штурмана определили в диспетчерскую службу — это, конечно, не идет ни в какое сравнение со службой космоса, но возможность работать дальше я ему обеспечил: ведь он тоже робот и тоже поверил во все то, что я киберу ввинчивал, пусть даже при встречах у меня и возникают сомнения — слишком хорошо я его знал, — так я же человек, а не робот, и это у нас в крови — и лгать, и сомневаться....

И. ТОЛОКОННИКОВ, г. Волгоград

ПОДУМАЕМ О ЖУРНАЛЕ

Нет-нет, и в этот раз — не о том специализированном НФ издании, которое видится в мечтах любителям фантастики и, очевидно, вот-вот все-таки появится: слишком велика и не уменьшается потребность в нем! Мы — о другом...

Год назад мы предложили вам, помимо викторины, целый пакет заданий творческого характера. Каков же эффект?.. Полтора-два десятка бандеролей с юмористическими рисунками, дюжина отзывов о книгах, десяток интервью, взятых у персонажей НФ, два-три десятка кроссвордов... даже рассказов из пяти фраз — не более сотни!.. даже реальных любителей опросов — лишь 50—60 на проверку!..

Поразительно мала оказалась отдача! Мал выбор для публика-

ций в журнале, заведомо мал для серьезных обобщений оценочный материал. Выходит, не так и избыточна ваша, друзья-читатели, ностальгия по творческому самовыражению, как нам о том порою пишут? На уровне, увы, раскрасной мантиловщины: «вот бы...», «хорошо бы...» — и только?!

Что ж, подойдем к делу с другой стороны.

Подумаем, позаботимся — не о гипотетическом, а о реальном журнале: нашем с вами «Уральском следопыте», НФ тетради в нем.

Нам остро необходимы вот эти материалы — и мы по-прежнему ждем от вас:

1) исследования по фантастике на любую интересную для вас тему (достаточно компактные, не более 6—7 машинописных страниц, отпечатанных через 2 интервала);

2) аргументированные, серьезные отзывы о новинках советской фантастики 1986—1987 гг. (2—3 страницы);

3) короткие фантастические рассказы (не более полутора страниц; количество фраз на этот раз не оговариваем);

4) НФ изошутки, выполненные на белой нелинованной бумаге, желательно — тушью;

5) материалы для НФ игротки — не только задачи на эрудицию и смекалку (желательно — остроумные, веселые, с выдумкой), но и сами игры: неужто никак не играете между собою?!

6) упоминания 1988 года в фантастике — для традиционной декабрьской нашей хроники;

7) наконец, любителей опросов просим назвать три самые интересные книжно-журнальные новинки отечественной НФ последних двух лет.

Данные по двум последним пунктам нам хотелось бы получить к июню, все остальное — по мере готовности. Задания 1—5 имеют конкурсный оттенок: лучшее, наиболее интересное из при- сланного будет опубликовано.

МУЗЫКА И МЫ

«Я хотел бы узнать о Высоцком. Как он пришел на эстраду?»

А. Курбатов,
Свердловск

«О Владимире Высоцком много пишут. Но пока преобладают воспоминания и все еще нет осмысления его редкого таланта. В чем секрет того, что его песни продолжают жить?»

Н. Павлов,
Свердловск

Виктор ПОПОВ

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ:

«...Я приду по вашим души!»

Владимир Высоцкий был актером. Но в Театре на Таганке Владимира Высоцкого видели немногие. На киноэкране он появлялся редко и, как правило, в эпизодических ролях. Только на излете его жизни многомиллионная аудитория зрителей в полной мере смогла оценить его как актера по фильмам «Место встречи изменить нельзя» (капитан Жеглов) и «Маленькие трагедии» (Дон Гуан).

Широкую популярность, окруженное легендами имя Высоцкому принесли его песни. В одном из последних выступлений певец назвал ошеломляющее число — тысяча песен! Возможно, это было некоторое преувеличение — сказал для красного словца. На магнитофонных лентах записано примерно 400—450 разных песен. Если к этому прибавить более двухсот стихотворений — получится цифра действительно внушительная. Упомянутые двести стихотворений и баллад были обнаружены в его архиве, который в 1983 году в объеме около полутора тысяч страниц был передан в Центральный государственный архив литературы и искусства, где будет открыт для исследователей фонд Владимира Семеновича Высоцкого. Таким образом, состоялось официальное признание того, что созданное Высоцким принадлежит литературе и искусству и является достоянием государства.

Песни Высоцкий стал писать уже после окончания в 1960 году Школы-студии при МХАТе. Напомним, что Школа-студия при Московском Художественном академическом театре — высшее учебное заведение, один из самых престижных в стране театальных вузов: конкурс на актерском отделении достигает здесь трехзначного числа пре-

тендентов на одно место. Высоцкий был принят туда в 1956 году с первого захода. В нем, восемнадцатилетнем, уже тогда сумели разглядеть незаурядные актерские задатки.

Становлению не только актера, но и поэта Высоцкого во многом способствовал театр. Именно новаторский, поэтический Театр на Таганке, его режиссура, актеры, репертуар. Шестнадцать лет работы в нем не прошли даром. Но не только театр «строил» Высоцкого — в свою очередь, сам Высоцкий «строил» театр своим многогранным и удивительным искусством.

Вот только некоторые из театральных ролей, сыгранных Высоцким с 1964 года: Янг Сун, безработный летчик, и Галилей — в пьесах Брехта «Добрый человек из Сезуана» и «Жизнь Галилея»; Хлопуша в есенинском «Пугачеве»; Гамлет в трагедии Шекспира; купец Лопахин в пьесе «Вишневый сад» Чехова; Свидригайлов в инсценировке «Преступления и наказания» Достоевского.

И все-таки главное — песни. Высоцкий говорил однажды на выступлениях:

— Я впервые посмотрел «Добрый человек из Сезуана» в Театре на Таганке и вдруг увидел, что это довольно точно соответствует моим представлениям о том, какой должна быть песня и каким образом она должна использоваться в спектаклях. И я попросился в этот театр именно из-за того, что увидел, как бережно там используется авторская песня, что она — не просто вставной вспомогательный текст, номер, а что она несет на себе большую нагрузку.

Песенное наследие Высоцкого, особенно на раннем этапе творчества, неравномерно и противоречиво. Первая песня «Татуировка», по словам самого Высоцкого, была написана в 1962 году; за ней последовал целый ряд творений, которые пришлось по вкусу невзыскательному слушателю.

Рассуждая сегодня о «дворовых», или «блатных» — ранних — песнях Высоцкого, мы иной раз чрезмерно все усложняем. Мы забываем, что их автором был двадцатилетний юноша, студент театрального института, участник студенческих капустников, упражнявшийся в создании юмористических, «хохмаческих» сочинений. И не стоит искать в них какую-то выстраданную позицию, хуже того — оппозицию, какие-то глубокие социальные мотивы. Было желание самоутвердиться в глазах друзей-приятелей, стремление к популярности — пусть не очень дорогой ценой, но во всяком случае немедленной. Этакий анархический, нигилистический налет в озорных песнях — просто юношеская бравада.

Высоцкий сам называл эти песни «прежними». В зрелом возрасте он их не сочинял:

*За то, что я нарушил тишину...
За то, что мне не спится и не спится,
За то, что в передачах за граница
Передаёт мою блатную старину,
Считаю своим долгом извиниться.*

Настоящую популярность Высоцкому принесли песни философского плана, песни военные, песни чуткой гражданской и общественной направленности. Постепенно складывался облик другого автора — певца гражданского мужества, человеческой порядочности и честности, высокого патриотического долга.

Высоцкий — творец авторской песни, где текст, музыка, исполнение — все в одних руках; и большинство своих песен он поет от первого лица — мощно, напористо, убедительно, поэтому его часто воспринимали как непосредственного участника тех событий, о которых шла речь в песнях.

Гражданственность, злободневность, проблемность — на этих «трех китах» и держится все песенное искусство Высоцкого. Он выступает против духовной успокоенности, против мешанского накопительства, против циничного скептицизма и отсутствия веры в идеалы, против нравственной глухоты. Своими песнями он снова напомнил нам, что есть ценности непреходящие: родина, человеческая жизнь, достоинство, мир на земле.

Лирический герой Высоцкого борется за утверждение своих идеалов:

*Мне судьба до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты, а за ней — немота,
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та.
Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить — не хочу!
На ослабленном нерве я не зазвучу,
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!
Лучше я загуюлю, запью, заторчу!
Все, что за ночь кропаю, — в чаду растопчу!
Лучше голову песне своей откручу,
Чем скользить и вихлять, словно пыль по лучу.*

То, о чем поет Высоцкий, нельзя петь «благозвучным», гладким, академическим голосом. Его песни, в большинстве своем, не приемлют и хорового исполнения, именно потому, что их лирический герой слишком неистов, индивидуален, трагичен: слишком личностно, кровно то, о чем поется в песнях. Его песни-монологи — для внимательного слушания.

Герои его песен — представители самых разных социальных групп и профессий: студенты, спортсмены, шоферы, геологи, солдаты, моряки, парашютисты, летчики... Во время одного из своих выступлений Высоцкий сказал: «Для своих песен я выбираю персонажей, которые находятся в момент риска, в каждую следующую секунду могут загля-

нуть в лицо смерти; у которых что-то сломалось либо они ждут чего-то неожиданного... Короче говоря, — таких персонажей, которые нервничают, беспокоятся. А не тех, которые там жуют или отдыхают... О таких писать мне неинтересно. Даже, если вы обратите внимание, для шуточных песен своих — я то я выбираю персонажей, у которых вот-вот что-то случится...»

Итак, ведущий мотив Высоцкого — человек в неблагоприятных, драматических или трагических ситуациях. В таком подходе много горечи, но и в жизни ведь ее тоже немало. Высоцкий обладал удивительно острым ощущением времени. Многие факты окружавшей жизни становились у него песнями, которые можно смело назвать музыкально-публицистическими репортажами, песенными памфлетами. Часто он работал в жанре песенного фельетона, мгновенно откликаясь на события. Репортажность, злободневность — свойства политической песни. Причем когда речь идет о Высоцком, надо ставить знак равенства между словами «политический» и «патриотический». Да, он был настоящим патриотом, с болью сердца говорил вслух о любых недостатках, не боясь «вызвать огонь на себя». И если уж мы заговорили о патриотизме Высоцкого, стоит здесь привести один факт из его биографии. Среди многочисленных слухов и сплетен как-то пошли разговоры, что он покинул Советский Союз в качестве диссидента (за рубежом Высоцкий выезжал неоднократно, но совсем в ином качестве). Ответ на эти домыслы немедленно прозвучал в одной из песен:

*...Я смеюсь, умираю от смеха:
Как поверили этому бреду?
Не волнуйтесь — я не уехал!
И не надейтесь — я не уеду!*

Особое место в творчестве Высоцкого, как и многих других больших писателей и поэтов, заняла военная тема. В декабре 1974 года в «Литературной России» было опубликовано интервью с Владимиром Высоцким. Там, в частности, говорилось:

«— Многие ваши песни — такие, как «Братские могилы», «Сыновья уходят в бой», «Песня о земле» — посвящены войне. Чем вас привлекает эта тема?

— Я понимаю ваш вопрос: я ведь отношусь к послевоенному поколению... Не знаю... По-моему, нас мучает чувство вины за то, что мы «опоздали» родиться, и мы своим творчеством как бы «довоевываем»...

Это чувство вины перед павшими звучит во многих военных песнях Высоцкого. Об этом — «Он не вернулся из боя» и «Песня о погибшем летчике», в которой есть такие жестокие слова:

*Но мне женщины молча намекали, встречая,
Если б ты там навеки остался,
Может, мой бы обратно пришел...
Я кругом и навечно виноват перед теми,
С кем сегодня встречаться я пошел бы за честь.
Но хотя мы живыми до конца долетели, —
Жжет нас память и мучает совесть
У того, у кого она есть.*

Много раз звучат в песне слова: «Вернулся, вернулся, вернулся...» Как закливание. Как просьба о прощении. Ведь ранят и убивают не только пули... Он вернулся — «вот такая беда...»

На многое в военной теме Высоцкий взглянул по-новому, другими глазами, сказал так, как до него никто не говорил.

В художественной литературе о войне, в военных мемуарах не раз встречается описание того, как, скажем, в бою пулеметчик, или шофер, или танкист сливаются со своим пулеметом, автомобилем, танком в единое целое. Человек и в сущности мертвая машина «понимали» друг друга. Наверное, так и было. И вот — песня Высоцкого «Я — ЯК-истребитель». Неожиданный, парадоксальный поворот: не единство, а противоречие, не согласие, а бунт! Самолет «устал от раи» и в своем монологе выступает против летчика. Помните: «Тот, который во мне сидит,

изрядно мне надоел!» На войне даже терпению машины бывает предел, но человек делает свое дело, даже за пределом сил. И если он гибнет в своей машине, то и ей «гореть на земле». Не машины, в конечном счете, решают судьбу Победы, а человек, в чьих руках они находятся. Эта песня — гимн высокому духу и нестигаемой воле человека на войне.

В передаче ЦТ о Высоцком «Монолог», показанной 23 января 1987 года, он говорит: «Почему я обращаюсь к военной тематике? Вопрос, по-моему, праздный». И далее, собираясь исполнить песню «Мы вращаем Землю», Высоцкий заявляет: «Ее надо петь стоя». Так и поет. Для него эта тема — святая.

Герои Высоцкого — мужественные, дерзкие, азартные люди, не знающие компромиссных отступлений. Именно таким был он и сам. Его сердце беспокоилось и болело за все.

*А у дельфина
Врезано брюхо винтом!
Выстрела в спину
Не ожидает никто.
На батарее
Нет снарядов уже!
Надо быстрее
На вираже!*

*Парус! Порвали парус!
Каюсь, каюсь, каюсь!*

*Даже в дозоре
Можешь не встретить врага.
Это не горе,
Если болит нога.
Петли дверные
Многим скрипят, многим поют:
«Кто вы такие?
Вас здесь не ждут!»*

*Парус! Порвали парус!
Каюсь, каюсь, каюсь!*

*Многие лета
Всем, кто поет во сне!
Все части света
Могут лежать на дне!
Все континенты
Могут гореть в огне!
Только все это
Не по мне!*

*Парус! Порвали парус!
Каюсь, каюсь, каюсь!..*

Вот что говорил Высоцкий о песне «Парус»: «В ней, в отличие от многих моих вещей, нет сюжета. Эта песня — просто набор беспокойных фраз. Это — о нашей причастности и ответственности за все, что происходит в этой жизни, в мире этом. На всем таком маленьком земном шаре».

Все так, кроме одного — того, что он назвал «набором беспокойных фраз». Вчитайтесь: в каждой строке — критическая ситуация, готовый сюжет. Даже сам он, автор, не смог в полной мере оценить, что написал песню об экстремальных ситуациях. О том, что в мире слишком за многое надо беспокоиться, что мужество и самоотверженность нужны человеку, чтобы выстоять в бою — против стихии, против врага, против бесчестия, жестокости и подлости...

Может быть, правильнее было бы начать разговор о творчестве Высоцкого с сатирических песен. Хотя бы потому, что именно в них он выступает как новатор. Такого жанра — сатирическая песня — в советском музыкальном или эстрадном искусстве до Высоцкого не было. Шуточные, любовные, туристские, философские — пели. Но злой, бескомпромиссной песенной сатире, бьющей не в бровь, а в глаз, не пел никто. В своих песнях-«сатирах» Высоцкий

У памятника В. Высоцкому на Ваганьковском кладбище в Москве — всегда живые цветы, дань признания его современников...

затрагивал вопросы, весьма существенные не только для нашей страны, но и для международного ее авторитета. И такая смелость казалась новой, нетрадиционной. Новое, увы, часто настораживает, пугает, в особенности тех, кто чувствует себя объектом насмешки. Но что поделать! Творчество и других советских сатириков далеко не всегда принималось с распростертыми объятиями. Таков уж, верно, закон существования этого жанра.

Своим комедийным талантом он обладал в равной степени, как и трагедийным. Слушая его сатирические песни, мы от души смеемся, потому что все очень метко, остроумно, все очень знакомо, узнаваемо. Песни Высоцкого 60—70-х годов были острее и злободневнее тогдашних газетных «публицистических» статей и «проблемных» писаний на злобу дня, где предостаточно было компромиссных объяснений. Высоцкий — судья людей и событий нашего времени. Если выстроить в хронологическом порядке его песни, то он предстанет летописцем: есть в них точное отражение промахов идеологической, воспитательной работы, и всеобщая беда — алкоголизм, и омут мещанства, и неорганизованность производства... Давно ли наши газеты стали искренне и с болью писать о планировании, реальном и нереальном? А Высоцкий ведь задолго до этого уже спел:

*До свиданья, план мой встречный,
Перевыполненный мной!*

А как беспощадно издевался Высоцкий над современными обывателями! Вот блестяще разыгранная певцом песня-диалог «У телевизора». Он и Она — два разных по характеру и в то же время одинаковых человека: Он — грубый, неотесанный, кондово приземленный; Она — привычно пропускающая мимо ушей грубости не всегда трезвого мужа. Песня эта в любой аудитории пользуется большим успехом. Слушатели всегда смеются. Но если задуматься... Разве не знакомая картина, разве не сегодняшний быт? Семья обывателей, недалеких по интересам, запросам, с узеньким, как дыра телевизионного ящика, мирком и пошленьким образом жизни. Семья бездумная. Иному слушателю в пору припомнить гоголевское: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!»

Гражданскую смелость певца некоторые рассматривали как вызов обществу. Но в сатирических песнях Высоцкого — отнюдь не критиканство, как хотелось бы кое-кому увидеть, а проявление творческой и человеческой смелости художника, трезво, без ура-патриотического ослепления вглядывающегося в жизнь нашего общества и желающего ее улучшения.

Прежде чем лечить болезнь — надо ее выявить. Певец все делал для того, чтобы разоблачить порок, публично, громко осмеять его.

Когда-то, во времена Добролюбова, стихотворения называли пьесами. У Высоцкого каждая песня — пьеса: текст разложен на роли, роли сыграны. Это настоящее драматическое произведение, исследующее какое-нибудь явление современной жизни и поэтому сохраняющее актуальность даже по прошествии 15—20 лет.

Высоцкий говорил, что все, что он поет, — это лирические песни: «...Все, что ты думаешь. Твои собственные мысли, твое отношение. Я не знаю, почему меня упрекают, что я не пишу лирических песен. Вероятно, путают лирические песни с любовной лирикой. У меня есть песни и о любви».

Но еще больше у него песен с романтическими мотивами — покоренных вершин, гор, нехоженных троп, которые человек должен уметь в своей жизни преодолевать, «не скуility и не ныть».

Гитара в руках Высоцкого — не только инструмент и атрибут. Она — часть его артистического организма. Даже Гамлета он не мог, не хотел играть без гитары...

«Мелодии мои попроще гамм». Нст, далеко не так. Его мелодии — это напевная декламация, в основе которой — человеческая речь, с ее естественными интонациями, и все же они весьма не просты. Многообразие ритмов,

темпов, бытовые интонации и уличные мотивы, цыганская удаль и надрыв — все это обусловило мелодическое разнообразие. Высоцкий был одаренным мелодистом, человеком с настоящим композиторским чутьем. Его музыка не банальна, изобретательна. Здесь можно сослаться на мнение известного советского композитора и музыковеда Альфреда Шнитке: «Музыка Владимира Высоцкого — наисерьезнейшая музыка. Мелодика его песен может лечь в основу крупного музыкального жанра, например, оперы, основанной на живых речевых интонациях, бытующих в данный момент в обществе».

В его песнях представлены, наверно, все музыкальные бытовые жанры: марш, вальс, танго, романс, застольная песня, колыбельная и т. д. Преобладают четные размеры, — вальсовые Высоцкий использует не часто. Чувствительность, меланхолия, расслабленность ему не свойственны. Излюбленный его ритм — маршевый. В подвижных и быстрых песнях слышна моторность, сильное безостановочное движение, упругая ритмика.

Эволюция творчества Высоцкого — это постоянное восхождение, совершенствование. О чем бы он ни писал — он во все вникал глубоко. В одно время с ним жили такие незаурядные, талантливые люди, как Василий Шукшин, Андрей Тарковский, Леон Кочарян, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко... Такое окружение, такие имена! Немудрено и потеряться на их фоне. Но он был на равных.

Мысль, высказанная не раз: истинно талантливые люди — талантливы во всем. Вот и Высоцкий таков: актер, поэт, музыкант, певец... На конверте болгарского диска со своими песнями он изобразил собственный профиль — автошарж. Каждый ли из нас может нарисовать узнаваемо похожий шарж на самого себя? Высоцкий мог...

*Ушли друзья сквозь вечность-решето.
Им всем досталась Лета или Прана.
Естественную смертью — никто:
Все противоестественно и рано.*

*Другие знали, ведали и прочее,
Но все они на взлете, в нужный год
Отплавали, отпели, отпророчили...
Я не успел. Я прозевал свой взлет.*

Жизнь и смерть, след человека на Земле, бессмертие... Наверное, нет более важной и вечной темы. Все мы знаем, что кануть в Лету — значит быть забытым. Но Прана — на санскритском языке значит жизнь, дыхание, ветер. После смерти — жизнь!

25 января 1988 года мы отмечаем его 50-летие. Предвидя свою смертную судьбу, он спел однажды:

*Ушел один — в том нет беды,
Но я приду по вашим душам!*

Он взял в плен наши души своими лучшими песенными творениями. Не развлекает, не отвлекает — тревожит, будоражит, зовет, требует, чтобы мы думали. Главное искусство Владимира Высоцкого в том, что он заставляет думать.

На него давили со всех сторон, запрещали, не пускали — он не сломался, остался самим собой: смелым, честным, открытым. Потому он и теперь нам нужен. Как он пел: «Светлая правда со временем восторжествует!»

Он остается с нами.

«Люди чувствуют, что я не лгу!»

Фрагменты интервью, которое было взято у Владимира Высоцкого во время гастролей Театра на Таганке в ГДР, в 1978 году журналистами берлинской газеты «Зонтаг»

«Зонтаг»: ...У ваших песен исключительно широкая аудитория. Их слушают как в семье таксиста, так и в доме академика. Как вы это объясните?

Высоцкий: Ах... То, что так называемые авторские песни слушают охотнее, чем шлягеры, это абсолютно нормальное явление. Шлягер телевидение снабжает дополнительными эффектами и зрелищностью: свет, краски, костюмы... Вообще, шлягеры существуют для того, чтобы отдохнуть и отвлечься: они «красивенькие» по содержанию и привлекательны внешне.

Но когда «ящик» выключен, мишура спадает — только тогда понимаешь, что за ерунду ты порой слушаешь. Когда песни исполняются людьми по внутренней потребности и при этом они серьезно относятся к своей профессии и к самим себе — как, например, Марк Бернес, певец, который вообще-то был актером, — то тогда результат не оказывается товаром разового пользования, типа стеклотары... Но таких песен очень и очень мало.

Шлягер слушают один-два раза, и к тому же не принимая всерьез. Авторскую песню слушают снова и снова, чтобы вслушаться.

Авторскую песню слушают по внутренней потребности; она — не для восприятия вполуха или в полусне, поскольку в ней воплощается глубокая идея, волнующая автора и исполнителя — в первом лице и от имени автора. Песня создается для себя и ни по каким иным побуждениям — из-за денег там, престижа или чего-то еще. Правдивость внутреннего побуждения поймет и уловит тот слушатель, который к этому искренне стремится. Так что все дело в соответствии адресата и адреса...

«Зонтаг»: Как вы начали писать песни?

Высоцкий: Я никогда не думал, что начну писать песни. Я сочинял стихи. И вот однажды услышал, как поет Булат Окуджава — для меня это стало прозрением; я вдруг понял, насколько усилится восприятие и воздействие стихотворения, если оно приобретет еще одно качество — музыкальную окраску или четкий ритм. Я оставил свой выбор на гитаре — она показалась

мне наиболее демократичным инструментом, ну, хотя бы уже просто потому, что она всегда со мной.

Я начал тогда со стилизации так называемых «блатных» песен. Меня привлекала в них несложная форма с весьма незатейливой драматургией и простой идеей — без хитрого и сложного подтекста. Эти песни окрашены тоской по простому и доверительному общению, тоской по человеческой близости. Окуджава, который писал иные песни, выражал эти чувства другими средствами. Я же (сам, кстати, выросший на задворках) отражал в песнях «псевдоромантику» и брожение беспокойного духа пацанов проходных дворов.

«Зонтаг»: В ваших песнях есть что-то от театрального выступления: вы как бы надеваете маску какого-то героя и рассказываете о его судьбе...

Высоцкий: Да, это действительно так. Я ведь актер, и мне проще отталкиваться от личности отдельных людей, в которых я вижу частичку самого себя. (При этом характеры, конечно, повторяются, так как невозможно написать 600 песен о 600 различных характерах.)

...Вначале мои песни были типа уличных. Дело в том, что тогда они предназначались моим друзьям, как, впрочем, и сегодня. Мы жили своего рода коммуной: Тарковский, Шукшин и другие. У меня это было «общественным поручением», — сочинять не менее двух песен в неделю...

...Почему-то многие мои слушатели иногда думают, что я был летчиком, матросом или шофером, или что я сидел в тюрьме... Не потому, что я точно передаю детали или жаргон — просто люди ясно чувствуют, что я не лгу. И, конечно, это одна из причин, почему мои песни так популярны и почему люди с доверием относятся к ним (а значит, и ко мне).

Перевод с немецкого
Валентина Киселева

ДЕТИ ДЕКАБРИСТОВ

Иван ОРЛОВ,
краевед

После событий 1825 года в Сибирь было сослано 120 декабристов. По амнистии в 1856 году вернулись на родину только 19 человек. Кто-то был освобожден раньше, кто-то отправлен на Кавказ, многих к тому времени уже не было в живых...

Известно, что в семьях декабристов на каторге и поселениях родилось сорок детей, двадцать два из которых умерли в раннем возрасте. Некоторые до конца своих дней жили в Сибири.

Семь детей было в семье В. Л. Давыдова, шесть — у Е. П. Оболенского, пять — у Н. О. Мозгалевского, четыре — у В. А. Бечаснова. У остальных было по одному-два ребенка. У супругов Давыдовых и до ссылки было семь детей, они воспитывались у родственников на Украине.

Жена В. Л. Давыдова Анна Пахомовна после смерти мужа и амнистии вернулась с детьми в родовое поместье мужа — в Каменку Киевской губернии. Там жили и до-сибирские их дети. Один из них — Петр — был женат на дочери декабриста С. П. Трубецкого — Елизавете. Она дожила до глубокой старости в своем имении, неподалеку от Симферополя.

Сибирский первенец Давыдовых Василий стал видным художником, он был женат на сестре П. И. Чайковского. После амнистии композитор бывал у Давыдовых в Каменке.

Второй сын Давыдовых — Николай дожил в своем имении до 90 лет.

Женой Н. О. Мозгалевского была сибирячка Авдотья Ларионовна Кутаргина. У них было пятеро детей — Варвара, Валентина, Павел, Алексей и Полиня. Полиня воспитывалась у декабриста Н. В. Басаргина. Она была замужем за братом Д. И. Менделеева.

Декабрист И. В. Киреев женился на сибирячке Д. И. Соловьевой. Она пережила своего мужа, умерла в Туле. На поселении у Киреевых родились Алексей, Таисья и Екатерина. Известно, что Алексей Иванович ушел в отставку подполковником. Жил в последние годы в Туле. Он был единственным из детей декабристов, встретившим Великую Октябрьскую революцию. К 100-летию восстания декабристов ему была назначена персональная пенсия. Умер он в 1932 году.

Дочь Киреева Таисья Ивановна была владелицей пансионата в Петербурге. Екатерина Ивановна дожила свой век в московском вдовьем доме. В Москве живет сейчас праправнучка декабриста В. М. Розанова, уже глубокая старушка.

Е. П. Оболенский женился на сибирячке В. С. Барановой. После амнистии Оболенские с детьми Анной, Еленой, Иваном и Петром переехали в Калугу. Дальнейших сведений о детях Оболенских нет.

В. А. Бечаснов и его жена Анна Пахомовна Кичигина (до замужества) умерли рано. Дети Вадим, Михаил, Марья и Зинаида росли сиротами. Известно, что Зинаида Владимировна вышла замуж за П. В. Гирченко. Муж умер рано, остались дети Владимир, Николай, Любовь, Надежда, Евдокия, Вера. Владимир закончил Московский университет, вернулся в родной город. Ученый, автор многих работ по истории Забайкалья, о декабристах, Владимир Петрович умер в Улан-Уде. Его сын Л. В. Гирченко, ныне проживающий в Москве, передал отцовское наследство Бурятскому республиканскому музею.

Братьям Н. А. и А. А. Крюковым в ссылке жилось не так уж плохо. Родители их были богатыми людьми в России. Они щедро обеспечивали сыновей на каторге. О судьбе Александра мало что известно, только то, что у него в Сибири было трое детей. Женой Николая стала Марфа Дмитриевна Сайлотова. Было у них три сына — Михаил, Иван и Тимофей, фамилию дети носили материнскую. Тимофей Сайлов женился на Е. А. Гриневич, дочери ссыльного поляка. Работал инспектором Минусинской гимназии. В семье у них было шесть детей.

Трагически закончилась жизнь декабристов Н. Ф. Лисовского и И. Б. Аврамова. Платонида Лисовская вынуждена была сдать детей в сиротский дом, а сама ушла в монастырь. У Аврамова остались двое детей-сирот. Судьба их неизвестна.

Рязанская обл.

ХУДОЖНИК МИРОНОВ

Алексей ЧЕЧУЛИН,
поэт

Живет на Урале в городе Асбесте Владимир Андреевич Абаскалов — сын одаренного самоучки-художника, музыканта, актера, оставшегося заметный след в культурной жизни асбестовых приисков, — А. Е. Абаскалова. В кружке Андрея Евдокимовича занимались известные художники братья Аввакумовы. Выделялся среди его учеников и Петр Миронов. О судьбе его мало что известно, хотя в свое время ему прочили великое будущее.

Многие годы не дает покоя Владимиру Андреевичу судьба его «пропавшего без вести» талантливо-го земляка.

...Жизнь Петра Миронова похожа на легенду. Когда-то юного асбестовца называли первым карандашом мира, сравнивали его с Леонардо да Винчи. Двадцатые годы — время голодное. Миронов перебивался с хлеба на воду. И вдруг — сказочное богатство: на его имя поступает десять тысяч фунтов стерлингов в Московский кредитный банк. Кто-то из заграничных меценатов приобрел его рисунки...

Петр — выходец из бедняцкой семьи, где книгу в глаза не видели. Едва прошел курс начальной школы. Мать его работала уборщицей в асбестовском Дворце культуры. Была еще сестра — Клава. Жива она или нет — неизвестно.

Из Асбеста Петр едет в Москву. Принял его к себе в мастерскую академик Ф. А. Малявин, учился он и у И. Е. Репина. В 1925 году в журнале «Красная нива» (№ 15—16) вышла статья А. В. Луначарского «Творчество Миронова».

«Года три тому назад инженер Традиан привел ко мне мальчика лет 13, некоего Миропова, и показал мне его рисунки. Мальчик, сын шахтера, не получил ни где сколько-нибудь систематического образования. Рисунки его в то время были подражательные, представляли собой копию с виденных иллюстраций в журналах. Было, кажется, два этюда карандашом, сделанных с натуры.

В манере Миропова замечалась недетская крепость карандаша, огромное трудолюбие, верность глаза и какая-то несомненно поразжающая любовь и преданность тем маленьким задачам, которые ставил себе молодой художник.

Я помог, чем было возможно в эти тяжелые времена, мальчику и направил его к художнику Малявину, Малявин занимался некоторое время с Мионовым и сказал мне, что мальчик представляет собою настоящее чудо в смысле типичности и законченности рисунка.

Затем я упустил из виду Мионову, Я даже не знаю точно, где он получил дальнейшее образование. Но недавно мне был принесен интересный документ, касающийся этого интересного мальчика. Это прежде всего заметка в газете «Дейли экспресс».

Заметка несколько преувеличенная. В ней сказано, будто бы Малявин нашел, что будто бы маленькому Мионову нечего больше учиться у него, что будто бы вся Россия взволнована появлением этого замечательного таланта и т. д., но вместе с тем газета давала в сущности правильную оценку юношеским работам Мионова, с которыми я теперь и сам познакомился. Газета отмечала огромные возможности, тающиеся в юноше.

Лежит передо мной и переписка Джона Асалиды, представителя торгово-промышленного синдиката, с сэром Вильямом Ориентом относительно необходимости оказать молодому таланту поддержку и купить некоторые его рисунки.

Художник Г. Якулов недавно встретился с Мионовым и в свою очередь был поражен его рисунками, тем более что за это время Мионов сильно окреп, и рисунки его уже представляют такую степень тонкости, на какую трудно подняться даже любому законченному вполне художнику нашего времени.

В горячем письме ко мне Г. Б. Якулов говорит мне лестные вещи о молодом художнике и совершенно правильно отмечает поражающую близость его к стилю художников Ренессанса в некоторых рисунках. Мы прилагаем здесь копию его с одной головы Леонардо да Винчи. Копия сделана безукоризненно. Прилагаем также еще несколько голов, вполне подтверждающих изложенные здесь мысли.

Во всяком случае Мионову следует помочь как явлению в своем роде исключительному. Соответственно желанию целого ряда художников, заинтересовавшихся Мионовым, я хочу обратить на него внимание общественного мнения, каковую цель и преследует эта заметка и прилагаемые к ней иллюстрации.

А. Луначарский.

«Красная нива» кроме портрета великого Леонардо опубликовала еще четыре рисунка Мионова: голова девушки с длинными волосами, мужчина в профиль, голова мальчика, женское лицо, обрамленное короткими кудряшками.

По утверждению Абаскалова, среди рисунков — автопортрет художника и портрет сестры Клавии.

После этой статьи Петра Мионова приняли без экзаменов во ВХУТЕМАС. Учился он легко. С курса на курс переходил играючи.

Позднее Петр увлекся чистым искусством и ничего кроме этого не видел. Россия преобразилась, началась первая пятилетка, а он не замечал перемен. Отошел от комсомола, от общественной жизни. Темой дипломной работы избрал библиотечный мотив... Пришлось с институтом расстаться. И теряется после этого след Петра Мионова.

В конце тридцатых годов его случайно встретил в издательстве «Молодая гвардия» художник Николай Аввакумов. Петр нес книги, среди которых были произведения В. И. Ленина. «Наверстываю упущенное», — объяснил он своему земляку.

Что стало с Мионовым? Вперед была страшная и долгая война. Возможно, погиб. А если уцелел, сейчас ему около восьмидесяти. Может быть, что-то еще прояснится в судьбе человека, который в свое время был удостоен чести называться первым карандашом мира.

а. Асбест

«СИБИРСКИЙ» ХЛЕБ

Виктор БЕРДИНСКИХ,
преподаватель института

400 лет назад в Вятке вышел «Календарь Вятской губернии на 1888 год». Толстые книжки календаря выходили ежегодно и заключали массу интереснейшего нам сегодня исторического и этнографического материала. Нередкими были и статьи, рассказывающие о связях Вятского края с Сибирью. А связи эти были многообразны. Артели искусных вятских плотников ставили сибирские крепости и города, рубили суда для плавания по сибирским рекам. Значителен был отток вятчей на привольные сибирские земли.

В календаре на 1888 год был помещен обширный очерк «Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII столетии». Написал его в то время учитель желской гимназии, а впоследствии выдающийся русский археолог Александр Андреевич Спицын (1858—1934).

Для содержания служилых лю-

дей в сибирских крепостях вскоре после покорения Сибири на поморские города и Вятку была наложена особая повинность — сбор «сибирского» хлеба. Дело было хлопотливое и обременительное для местных властей. Более 100 лет, с конца XVI до конца XVII века, продолжался этот сбор. Самое раннее упоминание о нем в Вятке относится к 1588 году. Хлеб собирався с вятчей натурой по писцовым книгам, никто от этой подати освобожден не был. Только в 1609 году из Вятки и Перми в Сибирь было отправлено более 18 тысяч пудов хлеба и сотни пудов круп и толокна.

Хлеб собирали воеводы и отправляли в Верхотурье — главный пункт сбора всех хлебных запасов для отправки в Сибирь. Обозы с хлебом снаряжались только зимой. С обозом ехал посыльный от воеводы, ответственный за сдачу хлеба, и плотники, которые на месте должны были срубить несколько судов для сплава хлеба по реке Туре. Время было неспокойное, поэтому на каждом возу держали лук и стрелы, по топору и по рогатине.

Привезенный зимой в Верхотурье, хлеб до весеннего сплава ссыпался в хранилища, которые редко были надежны. Их не хватало, поэтому хлеб ссыпали под храмы, в амбары стрельцов и посадских людей. Нередко эти житницы, крытые соломой, сгорали.

Лишь в редких случаях сбор «сибирского» хлеба дозволялось заменить деньгами. Были и недомки.

Причины образования недомок были однотипны: тяжесть многочисленных податей, злоупотребления местных властей, войны, эпидемии, пожары. Как только воеводы начинали с особым усердием собирать недомки, крестьяне и посадские люди, которым терять было нечего, бежали на привольные места.

Главным средством сбора недомок признавался правед. Недомки забирали в подклете съезжей пзбы и держали там до тех пор, пока его не выкупали семья или родственники. Время от времени его били батогами.

Выколачивание таким образом хлеба и денег из населения было так распространено, что в 1597 году настоятель Вятского Успенского монастыря бил челом самому царю, жалуюсь, что приезжие сборщики недомок крестьян монастырских продают и «сажают в железа, убытки им чинят великие, и от того насиловства многие разбредлись».

Сбор «сибирского» хлеба на Урале и в Предуралье был прекращен в 1685 году. Сибирь к тому времени уже давно кормилась своим, а не привозным хлебом.

а. Киров

ПЕРВЫЕ ИКОНОПИСЦЫ

Владимир ЕФРЕМОВ,
краевед

Изобразительное искусство первых русских поселенцев Сибири представлено в основном иконами. Одних иконописцев привозили с собой архиереи, другие попадали в Сибирь в качестве ссыльных, были и такие, которые добровольно переселились сюда.

В начале XVII века в Тюмень переселился из Устюга Великого Спиридон — родоначальник фамилии Иконниковых, знаменитых художников по иконам.

Уже в XVII столетии сибирское иконное письмо в стилевом отношении отделилось от широкоизвестного строгановского в особую группу. Лица в них и даже целые фигуры от толстых слоев красок выступают в виде полурельефа. Такая манера письма производила впечатление на верующих.

Русские землепроходцы стремились данные о новых землях, поселениях отобразить на графических чертежах. Изографам-иконникам как специалистам, причастным к искусству, часто поручалось изготовление таких чертежей местностей, острогов, городов. Среди них был Максим Стрекаловский, который в конце XVII века составил ряд карт-чертежей, вошедших в атласы знаменитого тоболяка С. У. Ремезова.

В одном из документов (к сожалению, часть его утрачена) упоминается о сыне боярском Сергее Ушакове, который «...строил Исецкой острог в прошлом 153 (1645) году...» и «тому острогу по межам он чертеж учинил».

В 1703 году на Уктусские заводы посылаются тобольский дворянин Иван Полозов и подьячий Илья Семенов с наказом «описать вновь приисковые медных руд места и учинить чертежи». Тобольский воевода и стольник М. Я. и А. М. Черкасские предписывают тюменскому воеводе О. Н. Тухачевскому: «Посланным на Уктусские заводы тобольскому дворянину Ивану Полозову да подьячему Илье Семенову для письма чертежа дать иконописца». К работе привлекается тюменский казначий сын иконописца Егор Прокопьев сын Мурзина.

В документе еще две фамилии (они зачеркнуты): уже упомянутого М. Стрекаловского и брата Е. П.

Мурзина — Леонтия Прокопьевича. Очевидно, в это время (1703 год) Стрекаловский не мог выехать на Урал в связи с тем, что он был привлечен к оформлению Благовещенского собора — первого каменного здания Тюмени, где он вместе с Никитой Осиповым и Максимом Афанасьевым начал писать иконы. Какие-то причины не позволили умелому «учинять чертежи» иконописцу Л. П. Мурзину выехать на Урал, вследствие чего послан был его брат («...незадержав ни часу послон он Егорей с Тюмени на Уктусские заводы»).

В XVIII столетии тобольские и тюменские серебряных дел мастера уже изготовляли различные предметы, среди которых были и оклады икон, на них можно заметить инициалы пробирных мастеров и клеймо-герб Сибири: два соболя, стоящие на задних лапах.

г. Тюмень

СИГНАЛЫ СУДЬБЫ

Юрий ЛЮСИНОВ,
журналист

Во всех книгах об изобретателе радио Александре Степановиче Попове, в той непрерывной главе, где описывается детство великого инженера, приводится эпизод с электрическим звонком...

Управляющий рудником Кузнецкий привез из Петербурга гальваническую батарею и электрический звонок. Саша Попов, увидев эти диковины, из бутылок смастерил подобие батареи. Авторы жизнеописаний Попова этим случаем показывают, что у мальчика уже тогда была неизъяснимая тяга к электричеству.

Затем пытливый Саша собрал электробудильник из старых часоводиков, добытых в рухляди на чердаке. И вот этот-то будильник и стал загадочно позванивать во время гроз...

Позднее, уже взрослым, изобретатель грозоотметчика часто вспоминал свои детские наблюдения. Биографы делают из всего этого многозначительный вывод: мальчик как бы услышал в Турьинских Рудниках пробивающиеся в его сознании сигналы потрясающей идеи радиоприемника, сигналы своей замечательной судьбы.

Да, мало кто смог уловить детские озарения, немного отыщется в

истории культуры фактов, чтобы родители будущего гения достоверно установили, когда и как у их ребенка зародилась большая идея. Нет также строгих, документальных свидетельств того, что радио двинулось к нам оттуда, именно из детства Саши Попова. Семейные воспоминания есть. Они несомненны. Но уж очень скупы сведения о том, как пробивалось у Александра Попова призвание. Их надо дополнять. И такая возможность однажды появилась...

Листая «Пермские епархиальные ведомости», теперь издание, как говорится, богом забытое, я обнаружил описание истории физического кабинета Пермской духовной семинарии, где будущий новатор в мире техники учился с 1873 по 1877 год. Как же был оснащен семинарский физкабинет? В нем была старинная электрическая машина, воздушный насос, барометр, телескоп, магдебургские полушария, микроскоп. Геронов фонтан, волшебный фонарь, франклиново колесо, камера-обскура.

Электротехника была еще и такая. Электрическая машина с цепью, с двумя разрядниками, прибор для электрического звона, электрическая пушечка, батарея из 15 банок, магнит в медной оправе. Вольтов электроскоп с конденсаторами. «Прибор Риса для действия электричеством посредством влияния». Прибор для накалывания проводов гальваническим током. Прибор для разложения воды. Вольметр с платиновыми пластинками. Электрический телеграф. Электромагнит. Термоэлектрический элемент.

Вот такие приборы прошли через физический кабинет Пермской семинарии. Тут надо воссоздать, что именно видел во время занятий физикой Александр Попов. Одно ясно: кабинет сей не игнорировал развитие электротехники, знакомил студентов с новинками. Известно: здесь, в семинарии, Попов пытался телефонировать, правда, без помощи электричества. Однако же его душа изобретателя находила в семинарии поддержку. Его учителем физики и математики был Н. Л. Пухов. Очевидно, роль этого человека в становлении инженерного таланта Попова значительна.

Биографам Попова, наверное, стоит основательнее изучить пермский период в жизни изобретателя, чтобы установить в подробностях, как все-таки уже в юности изобретатель радио начинал открывать «неслышимые звуки», с какими конкретно приборами он работал в физическом кабинете семинарии, где крепла его страсть к технической познанию.

г. Свердловск

ТРАВЯНАЯ ТРОПА В НИКУДА

Наш очередной диалог-клуб посвящен проблемам наркомании и токсикомании. Анкеты, которые включены в разговор, предложены подросткам в инспекции по делам несовершеннолетних г. Кургана, в воспитательно-трудовой колонии, в свердловских школах № 2, 68, 94, свердловском профтехучилище № 5.

Материалы и вопросы для диалог-клуба подготовил доцент Свердловского факультета Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД СССР, подполковник милиции Анатолий МИНИН.

...Этот отрывок взят из романа Юлиана Семенова «Экспансия». Штирлиц во время пребывания в одной из стран Латинской Америки ведет беседу с курандейро (знахарем, врачом-лечителем).

«— ...Теперь скажите, — он посмотрел на Штирлица, — вы понимаете смысл наших слов? Например, смысл слова «пейотль»?

— Нет.

— Он, — вождь кивнул на Гриббля, — знает, пусть объяснит, ему проще.

— На языке науталь, — объяснил англичанин, — так называется кактус... Самый маленький, паршивый, не такой, как здесь, в сельве... Словечко не здепнее, пришло из Мексики... Из пейотля варят зелье... Они его пьют, когда начинают танцевать — по-своему, с криками, плачем, угрозами, мольбой, копыями машут... Очевь впечатляет. От него дуреешь, в нем сила какая-то, правда... Выпейшь полстакана и чувствуешь, будто вот-вот взлетит. Говорят, что в этом самом... как его...

— Пейотль...

— Память у вас ничего себе... Точно, шпик... Да, так вот в этом самом пейотле есть какие-то особые наркотики и витамины, нам, белым, толком не известные, от которых и хочется вознести к дедушке...

— Это вы о боге?

— О ком же еще?..

— Часто пробовали пейотля?

— Один раз. Больше не собираюсь.

— Почему?

— После него мир маленьким кажется, жить скучно...

Бытовая наркотизация первично была связана со способностью наркотических веществ заглушать чувство голода. Еще индейцы, жившие в нищете и способные трудиться целый день без еды, а затем и бедного сословия испанцы жевали листья коки из-за нужды, а не как лакомство, так как трава эта, по свидетельству людей, знающих, в частности, историю государства инков, — невкусная, и этому следует верить. Это теперь мы знаем, что в листьях тропического растения кока есть кокаин, и они действуют как наркотик. А тогда хорошую репутацию им создавали колдуны — доморощенные специалисты-токсикологи. В древние времена язычники, а позже колдуны преподносили кока-кокаинные кусты идолам, предсказывали судьбу, глядя на горсть высушенных листьев коки.

Опыт человечества свидетельствует, что кока укорачивает срок жизни людей. Но кто же с детства начинает думать о долгой жизни?! Жевание листьев коки к тому

же было обрядом — это сейчас есть все основания называть пристрастие к наркотикам дурной привычкой и впоследствии — болезнью...

НУЖДАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ О НАРКОМАНИИ?

— Нет. (Большинство.)

— Спасибо: хватит той, которую уже знаем!

— Для того чтобы избежать этой болезни — информация не нужна. А для большего знания — обязательно.

— Нет, но послушать непрочь.

— Некоторые ребята не читают газет, не интересуются, что происходит в стране, в мире и чем грозят наркомания или тот же алкоголизм. И лучше, если бы в школах проводились беседы.

— Меня это не касается...

Есть такая восточная сказка — «Курильщик гашиша». В ней бедняк, одурманенный гашишем, увлекается разговорами царевну и получает ее в жены, а в придачу — царство. Сказочный герой, сыграв роль Шахразады из «Тысячи и одной ночи» и заменив маленькую сестру Дуньязаду «дедушкой кальяном», обеспечил себе таким образом будущее. Однако сказка — ложь, ибо «разговорчивый» кальян придает ее хэппи-энду специфический травяной запах. А где вы видели счастливых наркоманов?!

Сказки во все века сочинялись для того, чтобы скрашивать жизнь людей. Каждая сказка, каким бы фантастическим содержанием она ни наполнялась, рисует картины быта простого человека. Наркотические же вещества входили в быт народов Средней Азии в составе курений, кушаний типа «веселящей» халвы, а также в качестве уже упомянутых обрядовых или лечебных средств: маковый сок — оний — использовали, например, при головной и зубной боли.

И сегодня отсутствие элементарных медицинских познаний порождает отголоски былых верований.

— Вы против наркотиков? — спрашивает один молодой человек. — Напрасно! Кому-то они помогают снять стресс: стоит принять дозу и... проблема ушла.

— Куда?

— Никуда, — поразмыслив, ответил он.

Проблема, конечно, осталась. Человек от нее ушел... в никуда.

Сказка о курильщике гашиша была записана совет-

ским ученым И. И. Зарубиным в начале 30-х годов, когда еще не были достаточно исследованы корни и зло наркомании — болезни, характеризующейся непреодолимым влечением к природным и синтетическим веществам, вызывающим оглушение, кошмарный наркотический сон.

Кстати, вредное действие на организм человека, особенно на организм детей и подростков, оказывают не только кокаин и марихуана (гашиш), а также опий, известный еще с IX века до н. э., и героин — синтетический препарат. Есть и другие лекарства и яды, бездумно потребляемые с той же целью, что и наркотические. К их разряду относятся и многие распространенные фармакологические препараты. Родители, увидевшие у сына непонятные таблетки, должны насторожиться. Подросток, заметив их у товарища, должен подумать, какая опасность подстерегает друга. Здесь нужно отбросить всякое ханжество и думать только об одном — какие бы вовремя приняты меры, предотвратить такое «пробованье».

Ничто не проходит бесследно. В безумном тумане, мультиплицированном наркотическими галлюцинациями, пролегает травяная тропа в никуда: от пюханья — к курению, от курения — к уколам в «бегущую голубым шнурком под кожей вену»; от одного наркотического состояния (эйфория, «кайф») — к другому (абстиненция, «ломка»).

У Сергея Васильева есть убедительное стихотворение «Наркоман», написанное им в связи с посещением Америки. «Собственноручный укол в ягодицу или три жадных затылки — и вот бренное тело блаженством лакомится, душа по волнам благодати плывет. В жилах, как в берегах намыленных, кровь начинает полет шальной, сладкий туман в мозговых извилинах стелется розовой пеленой. Страхи, налоги, долги, неурядицы, боли с обидами пополам — все в голубые одежды рядится и отступает на задний план... Незажно, что скоро начнется судорога, рвота подступит, слезы из глаз, что обойдется бедняге втридорога краткого счастья, забвенья час. С яростью мученика корыстного пойдет он на все, до убийства вплоть, чтобы себя одурманить сызнова, купить наркотик и впрыснуть в плоть. Возле витрины стоит он, в пише ли — нетрудно узнать его по глазам... Вы, вероятно, про это слышали, а я это видел сам».

В детском фольклоре существуют так называемые страшилки, рассказывая которые, дети специально вызывают у себя чувство страха и одновременно учатся изживать его.

В борьбе общества с пагубными страстями — алкоголизмом и наркоманией — используются всевозможные меры: от принудительного лечения до лишения свободы — та же «тактика испуга», цель которой вызвать древнее и устойчивое чувство страха перед расплатой. Да, эти меры нужны. Но разве каждый член общества не обязан думать сам о себе? Общество может предостеречь, «напугать», но если сам человек выбирает себе гибель — как быть?

В РСФСР за употребление несовершеннолетними наркотиков родители предупреждаются или штрафуются на сумму до 30 рублей. Странно?! По всей видимости, не очень... Однако в шести союзных республиках немедицинское потребление наркотических средств считается преступлением, а не проступком...

Главное в борьбе с наркоманией — не страх перед наказанием, а неотвратимость его, если не в правовом, то в физиологическом смысле. А оно наступит неизбежно. Спасти каждого бегущего от самого себя, наверно, не всегда возможно, но нейтрализовать распространение этого зла, ставшего социально опасным, в ближайшем от наркоманов окружении — необходимо. Боязнь не справиться с этой задачей — «страшилка» для всего общества.

БУДЕТЕ ЛИ ВЫ ПРЕОДОЛЕВАТЬ СОБЛАЗН ПРОБОВАНИЯ НАРКОТИКА? ОСОБЕННО В СИТУАЦИЯХ, КОГДА ОБ ЭТОМ «НИКТО НЕ УЗНАЕТ» И ПРИЯТЕЛЬ ГАРАНТИРУЕТ «КАЙФ» И ОТСУТСТВИЕ ВРЕДНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ?

— Если будет возможность — стану принимать, но редко.

— Я уже преодолел этот соблазн.

— Когда я не употреблял, меня это не интересовало; после того, как попробовал два-три раза, меня ничто не может остановить.

— Если об этом будем знать только он и я, то, конечно...

— Вернусь домой — не буду употреблять ни наркотики, ни алкоголь, потому что все придется начинать заново.

— У меня нет и, слава богу, не может быть таких приятелей.

— По-моему, само слово «кайф» — уже знак, что надо быть настороже.

— Не буду ни пить, ни принимать наркотики, потому что прекрасно понимаю их вредность.

— Буду держать отказ.

— ...Что я, первоклассник, что ли?!

— Откажусь, есть гарантии или нет — ситуации не меняет.

— У нас нет такого соблазна и не будет.

В подростковом возрасте даже печальный интерес к зловерному зелью представляет определенный риск. Есть еще пресыщенные молодые люди, озабоченные поиском нездоровых развлечений, психически и социально незрелые, с непостоянными и примитивными интересами, не способные устоять перед соблазном приобщения к таинственному миру духов (девять из десяти «любопытных» начинающих покуривали в группе подростков под давлением уговоров).

Даже если эпизодически пробовать разные наркотические вещества — и то это пристрастие губительное: сперва — стремительно развивающаяся психическая, потом — физиологическая зависимость. У наркомана мышцы ослаблены, точность движений нарушена (курильщик гашиша, папирос, старательно перешагивает через палку, как через бревно), человек становится слабым и трусливым, не способным держать слово, хранить тайну. Хорошенькая перспектива для мальчишек, всегда желающих стать сильными и храбрыми...

Для ребят с четырнадцати лет становится немаловажным уважение окружающих, внимание девушек, какое-то положение в своем кругу. Но скажите, о каком успехе у девушек может мечтать наркоман, если он имеет перспективу превратиться за 3–5 лет в бесполое существо?! Не лучше перспектива у девушки-наркоманки. Девочки хотят быть привлекательными, а что делают наркотики?.. Лицо отекает, становится серым, кожа дрябнет, глаза мутнеют и теряют цвет. Кому такая девушка может понравиться?..

БУДЕТЕ ЛИ ВЫ БОРЬТЕСЯ С ПРИВЫЧКОЙ СВОИХ ДРУЗЕЙ, ЕСЛИ ЗАМЕТИТЕ, ЧТО ОНИ УПОТРЕБЛЯЮТ НАРКОТИКИ? КАКИМ ОБРАЗОМ?

— Откровенным разговором.

— Буду действовать в зависимости от обстановки.

— Каким образом — личный секрет...

— Я уже борюсь, и буду бороться!

— С ответом на этот вопрос воздержусь.

— Уже сталкивалась с этим, и мало что удавалось...
 — У меня нет таких друзей, но если что — буду выбивать из них дурь.
 — Если человек привык к наркотикам, его ничто не остановит, пока он не остановит сам себя.
 — Ненавязчиво внушу желание бросить.
 — В первую очередь нужно уберечь девчонок!
 — Конечно, буду бороться с вредными привычками, если они у друга появятся. А для него мое слово — закон.
 — Это — их дело... Бегать и уговаривать глупо.
 — Есть поговорка: «Хочешь иметь врага — посади его на иглолку*». Вся жизнь будет ненавидеть».
 — Мои друзья «втихушку» не станут!..

...Конечно, можно кое-что и пострашнее предъявить. Например, фотографию истощенного, одряхлевшего, с тупым лицом курильщика гашиша или других наркоманов, опустившихся эмоционально, нравственно, интеллектуально и социально — с руками, сплошь исколотыми и покрытыми шрамами, с венами, твердыми, как жгуты; а то и просто умерших от передозировки или при приеме поддельных препаратов (торговцы наркотиками могут и «туфту» подсунуть). Фотография уродца всегда впечатляет, вызывает отвращение. Но ведь это — последняя стадия наркотизации, до которой начинающим наркоманам кажется еще далеко... Обычно эта отдаленная угроза напоминает известное с детства: «Утонешь — домой не приходи!» Но те, кто вопреки запретам плыл против течения, как правило, не тонули. А наркоманы тонут.

Наш расчет — не на взрослых читателей. Общую заботу о последствиях увлечения наркотиками мы вкладываем перед юными. Молодость способна на безоглядное и широкое свободное общение, молодость легко идет на риск и соблазны и не всегда помнит о том, что нужно держаться более ответственно и более осмотрительно.

Так вот, запомните эти цифры, которые сами по себе уже содержат предупреждение: 80 процентов потребителей наркотиков — молодые люди до тридцати лет, и возраст приобщения все снижается...

ВЫ ОКАЗАЛИСЬ В КОМПАНИИ РЕБЯТ (ЗНАКОМЫХ ИЛИ МАЛОЗНАКОМЫХ, НО ИЗ ЗНАЧИМОЙ ДЛЯ ВАС ГРУППЫ). СУМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ МОГУЩИХ БЫТЬ ОТРАВОЙ СИГАРЕТ, НАПИТКОВ, ИНЫХ «ВЕСЕЛЯЩИХ» ВЕЩЕСТВ? КАК ВЫ ЭТО СДЕЛАЕТЕ?

— Заставить меня что-то курить, глотать, пить очень трудно. Для меня нет авторитетов среди тех, кто отравляет себя.
 — Если я знаю эти наркотики, то вряд ли откажусь...
 — Я не попадал ни в какую компанию, а решил сам попробовать. Я могу отказаться от этого.
 — Если я не хочу, то кто меня заставит?!
 — Откажусь, так как лечусь.
 — Сумею: сошлюсь, что у меня болит голова.
 — Да не буду я иметь таких приятелей!..
 — Я знаю, что трудно отучиться самому от наркотиков, поэтому отказался бы.
 — Если не сумею отказаться, то уйду.
 — Я — спортсмен. Мне нельзя.
 — ...Скажу, что мне нужно быть в каком-нибудь месте, где нельзя появляться в состоянии опьянения.
 — Нет — и все. А на «нет» суда нет.
 — В принципе не употребляю ни алкоголь, ни нар-

котики, и заявлю об этом любому.

— Смогу отказаться. Весело, с шутками-прибаутками, но откажусь.
 — Постараюсь вести себя так, чтобы мне их не предлагали.
 — Откажусь, а каким образом — зависит от ситуации.
 — В компанию такую никогда не попаду.
 — Конечно, откажусь, и попробую убедить всю толпу.
 — Уйду сейчас же, пусть какая ни значимая для меня группа.
 — Ни соблазна, ни желания нет.
 — Категоричный, не оставляющий сомнений отказ!

В живой ситуации общения с наркотиком каждый решает и действует по-своему. Но мы хотели бы, чтобы при этом еще учитывался опыт всего человечества. Этот опыт порою наивно, но искренне кричит: не повторяйте ошибок, нельзя!

«Мода» на наркотики и токсикоманию — самая страшная мода. Так давайте думать. И лично решать. Противостоять. Убеждать. И говорить вслух, и писать о том, чего нам не хватает для противостояния дурману. Вместе, всем миром будем перекрывать гашишные, маковые и прочие тропы, перехватывать забредших на них из неумного любопытства мальчишек.

Давайте помнить, что человек и тем более общество «в никуда» идти не должно.

КАКОЙ ВОПРОС ВЫ ЗАДАЛИ БЫ СВОЕМУ СВЕРСТНИКУ-НАРКОМАНУ?

— Долго ли у тебя еще будет ветер в голове?
 — У тебя есть мечта, цель в жизни, как она совмещается с наркотиками?
 — Я бы его спросил, что он думает о последствиях?
 — ...Тебе жить надоело?
 — Зачем ты портишь свое здоровье?
 — Как ты до такого докатился?
 — Какие новые наркотики ты знаешь?..
 — (О чем с ним говорить!)
 — Как все началось, и почему сразу не бросил?
 — Ты — дурак, что ли?!
 — Кому ты будешь нужен, нетрудоспособный?
 — Мне бы вообще не хотелось встретить такого.
 Это страшно.

* «Посадить на иглолку» означает уговорить колоть наркотики.

Виктор ШАВЫРИН

Рис. Сергея Григорькина

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Но чужие священные камни
Кроме нас не оплачет никто.
Ю. КУЗНЕЦОВ

1.

Там, где от старости рухнуло дерево, в подросте образовался прогал, и кусты по его кайме искрились мелким дождевым бисером.

Да когда же в последний раз шел дождь? Наверное, ночью. Негромко прошумел и к утру испарился на жарком городском асфальте, сменился удушающим зноем крупного промышленного города.

А здесь, в дебрях, висят на ветках светлые капельки, в буреломе еще сыро, пахнет трухлявым деревом, отопревшей землей и еще чем-то едва уловимым, старой масляной краской, что ли. И все время вчерашний дождь сыплется на голову, лишь попробуешь ступить шаг в буйном зеленом пожаре. Московские ребята, перетаскивая свой теодолит, ходят здесь, как первопроходцы по селу — пересекая путь топором. Такими густыми и дикими выглядели, наверное, наши среднерусские леса в доисторическую эпоху: сплошная листовенная крыша, трутовики на могучих дубах, упавшие там и сям стволы, непролазный кустарник и вечная влажность, которую не в силах разогнать даже свирепое июльское солнце.

Весь мокрый, я продирался в зарослях без топора и не столько старался увернуться от водяных брызг, сколько смотрел под ноги, опасаясь всего того, что подстерегало меня на земле. Смотреть следовало в оба. Попадались все больше острые стальные копы, то торчавшие вертикально, то наклоненные или коварно изогнутые. Попадались и ямы-ловушки, прикрытые хворостом и хламом, какие-то рейки и планки с ржавыми гвоздями, да проволока, да непонятные обломки металла, и камни, камни... Пришлось перебираться через ров и вал, давно оплывшие, но почти непроходимые из-за валежника и терновника, упираться в тупики, поворачивать назад...

Никого здесь не было, в этом странном оазисе. Кто сюда пойдет, зачем! И только когда впереди показалась кирпичная стена с торчавшими над ней стройными готическими башенками, донесся неясный говор, металлический стук, скрип тормозов — шум многолюдного города.

Теперь, перелезая через упавшие деревья и кучи мусора, я шел по едва приметной дорожке. На минуту останавливался у серых, черных, розовых, белых камней, пытался осмыслить происшедшее. Но бывшее осмысливалось плохо, потому что случившемуся не было убедительных причин. Только стыдно стало перед предками: они надеялись на нашу элементарную порядочность, а мы...

А положив руку на сердце, признаюсь, что и меня сюда впервые привела не элементарная порядочность, на которую, как на нечто само собою разумеющееся, надеялись предки, а, скорее, любознательность. А если совсем уж откровенно — любопытство, праздное любопытство. Оказавшись в Туле, в городе, где у меня нет родных, а в ту пору и знакомых почти не было, я не раз слышал чуточку веселые, чуточку печальные вопросы:

— Старинной интересуетесь? А на Всехсвятском уже были?

— Этого описать нельзя. Смотреть надо...

— А я туда ни за что не пойду одна, — сказала молодая женщина. — У меня там бабушка... Зашла я как-то раз с ребенком, отклонилась с дорожки и попала в бурелом. Смотрю: а под поваленным деревом — какое-то логово. Настоящая берлога! И вдруг из нее полезли люди...

— Бичи?

— Кто их знает. Живут они там, что ли... Я и рассматривать не стала, подхватила ребенка — и назад...

Итак, я бродил из любопытства.

И однажды встретил ребят с теодолитом, по срубленным веткам и стуку топора выйдя им навстречу. Володя Катков, присев отдохнуть на камень, пожимал плечами:

— Вообще-то никаких разбойников мы здесь не встречали, а ведь не первый год работаем. Сюда мало кто ходит.

— Но люди интересуются, чем вы занимаетесь?

— Иногда спрашивают, что на этом месте строить будут.

— Волнуются?

— Не сказал бы. Из любопытства спрашивают. Спокойно. Видят, что идет геодезическая съемка, ну и интересуются. А когда мы говорим, что ничего не будут строить, что мы присланы Министерством культуры РСФСР, то даже удивляются. Но по-хорошему удивляются, благодарят.

— Сколько же их здесь — произведений искусства?

Он обвел глазами заросли:

— На Всехсвятском кладбище — тысяч пять. А всего на тульских кладбищах — около десяти тысяч...

2.

Я касаюсь тонкой и шекотливой темы кладбищенского искусства, — но как ее обойти, если это искусство существует? Если из кустарника, травы, ржавой проволоки и просто из мусорных куч на меня смотрит вырезанная неизвестным мастером очаровательная женская головка, я не знаю и в эту минуту даже не желаю знать, плакательница ли она, или святая, или это ангельский лик, — я вижу человеческие глаза и чуть заметную умиротворенную улыбку. По граниту и мрамору вьется тончайший растительный орнамент: там — каменный аналой, принакрыт камчатой скатертью, готовый улечь от первого порыва ветра, и только тронув ее рукой, убеждаешься, что скатерть — тоже каменная. Череп ветхого Адама на известняковом саркофаге, и рядом — животворящее дерево, обвитое виноградной лозой. Троица в ее рублевской композиции — тоже белоснежная, с деталями, оттененными скрытым в листе солнцем. Ажур огромного креста, тягелого и легчайшего одновременно, ручной работы, с вдохновенным ликом Спаса в центре, — и все это перемешано, сдвинуто с мест, поломано, свалено в кучи, словно здесь произошло сражение.

Да здесь и в самом деле были бои. Кладбищенская стена — сама по себе памятник архитектуры — хранит выбоины от осколков снарядов и очередей крупнокалиберных пулеметов. Из нее в упор на соседние дома смотрят амбразуры: дома построены уже после войны, а тогда, в сорок первом, пулеметы с кладбища поливали огнем главный проспект города, на который прорывался враг. Это ведь Тула, город-герой. И если в справочниках и мемуарах можно прочитать, что армия Гудериана прорвалась на окраины города, то нынешние туляки сделают поправку: теперь эти окраины стали городским центром. Вот здесь, совсем недалеко, упал мертвым комиссар Тульского рабочего полка Г. Агеев, — его могила на Всехсвятском кладбище, а всего на нем похоронено 8 Героев Советского Союза. Здесь в братских могилах лежат 4343 защитника города-героя, в том числе и те, кто принял бой на са-

Виктор Шавырин — молодой очеркист. Родился в 1951 году в г. Ефремове Тульской области. Автор краеведческо-публицистической книги «Муравский шлях», которая вышла в Приокском книжном издательстве. Сейчас работает в газете «Молодой коммунар» (г. Тула).

мом кладбище, как бы прикрывая грудью могилы своих предков. Дальше враг не прошел...

А рядом с павшими в боях — туляки-оружейники, со времен Петра Первого снабжавшие российскую армию первоклассным оружием. Тем, которым мы прославили Бородинское поле, брали Зимний и Перекоп, отстояли Сталинград, Москву и Тулу, салютовали у рейхстага. Здесь лежат выдающиеся конструкторы, труженики пятилеток, строители и металлурги...

Тульский старожил Ростислав Романович Лозинский, развертывая толстые тома со схемами и фотографиями, дал мне когда-то начальную справку: кладбище основано после чумы 1772 года и закрыто для захоронений в 1969 году; за это время на его 34 гектарах похоронены сотни тысяч людей, может быть, миллион, два или три миллиона — число неизвестно. Но схемы схемами, а чувство величия прошедшего рождалось у самих могил, когда я оставался наедине с этим миллионом ушедших из жизни людей, чей город, построенный, защищенный и прославленный, чуть слышно гудел за старинной стеной...

3.

Здесь я впервые задал себе вопрос, не приходивший в голову раньше. Где могилы наших знаменитых предков? Да, тех, именами которых пестрят краеведческие публикации, справочники, стенды музеев?

Перечитывая довольно многочисленную литературу о прошлом края, я столбцами выписывал имена просветителей и педагогов, революционеров и известных оружейников, архитекторов и полководцев, — и шел к краеведам с вопросом:

— Где они похоронены?

Краеведы пожимали плечами. В лучшем случае делали предположения. Все мы вместе стояли словно у края неизведанного материка, по которому не было путеводителя.

Как же мы упустили этот пласт культуры, эту составную народную памяти?

Мы вместе копались в литературе. Вот генерал-лейтенант Дорохов, герой Отечественной войны 1812 года, прототип Долохова из «Войны и мира». Написано, что он умер в Туле в 1815 году. Где же он похоронен? Где надгробия его родственников, не рядом ли с его забытой могилы?

Павел Захава, техник и изобретатель, поборник введения паровых машин в машиностроении... Он работал на Тульском оружейном заводе. Где его могила?

Сельский священник Ивановский... Его дети Василий, Иван и Александра стали революционерами, дочь Прасковья связала свою судьбу с Петром Алексеевым, еще одна дочь, Евдокия, стала женой В. Г. Короленко. Надо полагать, не случайны эти семейные традиции, не простым священником был этот Ивановский. Но что мы знаем о нем, о его могиле?

Одновременно задавали загадки сами кладбища. На Всехсвятском наткнулись на дорожастое солдатское надгробие. Солдат похоронен в почетном месте, у церковной колокольни, среди знатных людей. Почему? Совершил подвиг? Или был офицером, разжалованным в рядовые? И там же — надгробие девушки эпохи первой российской революции с эпитафией, начинающейся словами: «Не вынеся тягот ссылки...» Кто она? Ответа нет.

На другом тульском кладбище, Зареченском, нашли поверженное надгробие штабс-капитана Прудникова, адъютанта генерала Храповицкого, командовавшего Измайловским полком. Памятник ценный, и сомнений в целесообразности его охраны не было. Его восстановили. Но кто такой Прудников? Не принимал ли он участия в войнах с Наполеоном, и если да, то как проявил себя? Но, задавая друг другу эти вопросы, мы почувствовали себя бессильными. Ни допуска к архивам, ни справочников, — одно слово: краеведы... Люди неофициального звания с единственным правом жаловаться друг другу... Увы,

это общая беда тех, кто в свободное от работы время занимается исследовательской работой. Говорят, было когда-то общество краеведов, предоставлявшее, видимо, своим членам определенные права; восстановить бы его...

С жестокой настойчивостью вставал и еще один вопрос: где кладбища более ранних эпох? Восемнадцатого, семнадцатого, шестнадцатого веков? Где надгробия времен Ивана Грозного и Бориса Годунова?

— Странный вопрос, — сказали мне на площади у стен Тульского кремля. — Мы же идем по кладбищу! Вот здесь стояла церковь, а при ней наверняка были захоронения...

С тех пор, какой бы город я ни посетил, на память приходят эти слова.

Наверное, мало кто знает, что под плиткой и соборами Московского кремля находится древнее кладбище. Оно выявлено археологами под Успенским собором и Патриаршими палатами на глубине от шести до трех метров. Белокаменные плиты XIII—XIV веков сохранили солярные круги — древние символы солнца, зубчатый орнамент типа «волчий зуб». Не имея аналогов, они тем не менее превосходят уже достаточно хорошо известные московские надгробия XV—XVII веков.

Такие кладбища и отдельные резные надгробия были в разное время обнаружены на улице Фрунзе, на Волхонке, площади Пушкина, на улице Герцена близ Никитских ворот, на площади Восстания, в других районах столицы. Все закономерно: город рос от центра к периферии, поглощая и подминая под себя места последнего упокоения предыдущих поколений; если вам придет в голову вопрос: где лежат москвичи десятого, одиннадцатого, двенадцатого и других «надцатых» веков, то ответ должен быть простым и скорбным: под городским асфальтом. Там — воины Юрия Долгорукого и защитники Москвы, погибшие в 1237 году, там — соратники Дмитрия Донского и Пожарского, бояре Ивана Грозного, стрельцы Бориса Годунова, полковники Петра Первого, горожане, расстрелянные в 1812 году, там — вся шумевшая в веках, хлебосольная, широко прославившая себя Москва.

И так в любом старом городе — большом и малом. А иной раз и в селах. Ибо помню я тротуар, которым не раз ходил по селу Архангельскому, районному центру Тульской области, — ходил мимо старого кладбища, на месте которого ныне стоит хоккейная коробка. Стоит только заинтересоваться чем-то, и начинает с неожиданных сторон поступать информация: люди узнают, что тебя беспокоит, и тут же спешат дополнить, рассказать о своем... Так и мне напомнили о том тротуаре: однажды взломали его, чтобы положить какие-то трубы, и наткнулись на дубовые колоды... Как же тротуар там появился? Да, видеть, когда-то проложили дорогу по краю кладбища и скоро, очень скоро забыли о том...

Вот такая же приблизительно история должна была случиться со Всехсвятским кладбищем в Туле. Генплан определил его под парк; кроме того, по нему должна пройти скоростная автотрасса. И ведь нужна здесь дорога, слов нет. Но как же быть с нашей памятью?

Тульские архитекторы искали обходное решение, мы же искали аргументы. Но не все аргументы одинаково действуют на разных людей, и, помнится, Люде Дзиговской, работавшей в ту пору в газете и как раз поднимавшей кампанию в защиту кладбища, пришел в голову самый доходчивый. Когда ее однажды спросили, с чего бы ей, молодому человеку, заниматься кладбищами, она ответила:

— Не мудрено, кладбища — наше будущее.

Как ни прискорбно, но ведь это так, и никуда от этого не деться. Наигранный или бездумный оптимизм здесь неуместен. Допустим, это не главный аргумент в пользу охраны и спасения памятников, но, может быть, на кого-то как раз он произведет впечатление? Если каждое новое поколение идет по костям предыдущих, то задумаемся о том, что и мы — не последние на нашей земле...

Наверное, пора прервать скверную традицию. Может быть, следует изначально проектировать современные кладбища с учетом их последующего превращения в некропо-

ли. Иначе как быть с памятниками? Как быть с людьми, нередко становящимися знаменитыми только после своей смерти? Как быть с людьми незначимыми? Как быть с нашей памятью, которой требуется материальная, зримая опора?

4.

Вокруг Всехсвятского кладбища кипели страсти. «Я в этот парк не пойду и внукам своим закажу!» — писал краевед А. М. Куртенков из исторического города Белева, где в свое время столь же старое кладбище исчезло, не оставив следов. «Могилы близких — все, что у меня осталось», — писала пожилая жительница Тулы. И все сходились во мнении: запущенное кладбище надо привести в порядок. Но как привести — об этом шли споры.

Между тем всякое благородное дело увлекает, и я, посомневавшись и в себе, и в деле (а не скажет ли кто-либо, что я Смертяшкин, что занялся не тем и что вообще странно вникать в сферы, предназначенные попом, религиозным старушкам да спившимся могильщикам), изрядно, кстати, посомневавшись, начал обходить при случае, объезжать сельские и городские кладбища. Не специально, но попутно, как местные достопримечательности, пусть и не внесенные в путеводители и проспекты.

Объезжая, разумеется, огорчался и восхищался, а главным образом думал: как же мы оставили все это в небрежении — почти повсеместно, почти повсеместно?.. Да, бывали мы, в порядке, так сказать, усвоения положительного опыта, и на Новодевичьем в Москве, и в Донском монастыре, и на рижских кладбищах, и в некрополе Александро-Невской лавры, которому даже посвящен хороший альбом, там водят экскурсантов. На Армянском кладбище в Москве стоял я над редко кем посещаемой могилой Андрея Платонова, стоял и над условным захоронением Федора Волкова в Андрониковом монастыре, набрал на Ваганьковском на могилу матроса-партизана Железняк, который, как оказалось, похоронен вовсе не «в степи под курганом», как поется о том в песне. На Рогожском читал могучее имя Саввы Морозова и, ошарашенный, бродил по расчищенному Дьяковскому городищу в заповеднике Коломенское, где тоже помню кладбище, — его саркофаги оказались выстроенными в ряд у храма, а те камни, что похуже, — свергнутыми в ручей к подножью холма. Разбирал я надписи на так же сдвинутых со своих мест и выстроенных во фронт плитах у стен Новоспасского монастыря, где была похоронена крепостная актриса Прасковья Жемчугова, — к ее забытой могиле толпами шли бы паломники, если бы мы лучше знали историю и если бы знали... Где та могила.

— Животворящая святыня! — воскликнул Пушкин в часто цитируемых стихах о любви к родному пепелищу и к отеческим гробам. Я их цитировать лишний раз не стану, они всем хорошо известны. Я только хочу подчеркнуть одно слово: животворящая. Это не парадокс. Это так и есть. Свет памяти исходит из прошлых эпох и озаряет наше будущее, освещает наш путь. Без него ничто в этом мире не имеет смысла.

Животворящая святыня!

Земля без них была б мертва...

Бродил я и по бывшим уездным городам. На старом кладбище в Ефремове стоял у могил родственников Ивана Бунина — могил, которые успели вырвать из забвения краеведы. Здесь, где похоронена мать писателя, останутся всякий, помнящий строки, ставшие, по выражению Паустовского, выше любой поэзии и прозы:

«В далекой родной земле, одинокая, навеки всем миром забытая, да покоится она в мире, и да будет веками благословенно ее бесценное имя. Ужели та, чей безглазый череп, чьи серые кости лежат теперь где-то там, в кладбищенской роше захолустного русского города, на дне уже безымянной могилы, ужели это она, которая некогда качала меня на руках?»

В осеннем Плавске я сметал листву с саркофагов, среди которых встретил, к своему удивлению, дорогостоящие надгробия с именами крестьян. Радовался, что местные власти собираются устроить в великолепной, семнадцатого века, кладбищенской церкви краеведческий музей, и огорчился намерением ликвидировать кладбище, убеждал сохранить и его как музей под открытым небом, — не знаю, убедил ли, но важно то, что сама эта идея — не из тех, что витают в воздухе: уж насколько всем хорошо известно, что памятники истории и культуры надо охранять, но кладбища вроде бы к памятникам не относятся, а стало быть, охране и вниманию не подлежат.

Пораженный, срисовывал я редчайшего типа памятник в Казачьей слободе на окраине Черни: на маленьком «детском» саркофаге, на фигурных ножках — трехступенчатая устремленная вверх пирамида с капителью, на ней — обломанная фигура ангела, а по бокам — маленькие, тончайшей работы горельефы: почти живые лики, глядящие из мусора и пожухлой травы... Похоронена под памятником была, кажется, купчиха, может быть, никчемная и пустая, и тут мне стало до слез обидно за современные надгробия и скульптуры, в особенности — за гипсовые или бетонные, густо крашенные бронзовой краской фигуры солдат и скорбящих матерей, которыми мы увенчали кое-где братские могилы Великой Отечественной войны; то есть не мы увенчали, а легкие на подъем халтурщики, но не потому ли они и халтурят, что мы стыдливо отворачиваемся и не желаем рассуждать о кладбищенском искусстве, в котором понимали толк наследники чернской купчихи?

В селе Пожилине, родовом имении писателей, военных и путешественников Левшинных, видел я их надгробия, расположенные возле магазина и поэтому усыпанные бутылочным стеклом... «Много о том говорить!» — восклицал в таких случаях протопоп Аввакум, самый гневный из русских писателей, которого и сожгли затем, чтобы потомки не поклонялись его могиле.

Краеведы, тоже огорчаясь, рассказывали о вторичном использовании памятников, о том, что все, кому не лень, увозят мрамор и гранит с могил в мастерские на переделку — а там принимают... А иной раз все происходит и помимо мастерских. Там дореволюционный памятник перенесли за несколько метров, развернули обратной стороной, грубо переделали выбитый на нем крест в серп и молот, там по религиозной символике просто прошлись белилами... На Всехсвятском среди памятников Героям Советского Союза, к которым по праздникам пионеры возлагают цветы, есть один, где на обратной стороне четко читается готическая иноязычная надпись — как видно, памятник раньше стоял в другом конце кладбища; на участке, предназначавшемся для лютеран. Даже на церковной апсиде в тульском Чулкове поблескивает крест, явно стоявший раньше на чьей-то могиле... Вооружившись блокнотом и фотоаппаратом, можно было до бесконечности долго фиксировать случаи удивительнейшего обращения с памятниками, а тут еще постоянно попадались свежие разрытия — купеческое золото, что ли, ищут... Много о том говорить!

Всего этого, может быть, не было бы при иной психологии родственников покойных, — от них ведь и зависит, в первую очередь, порядок или беспорядок на кладбищах. Относительно этой психологии меня просвещали Владимир Катков и его напарник Владимир Простов — как специалисты, они провели многие дни среди памятников и на многое насмотрелись. Разбив Всехсвятское кладбище на полсотни участков (один участок — один том планов и описаний), они заполняли сотни страниц указаниями типа «могильный холм», «ограда 20-го века», «крест деревянный», не указывая иных данных — поскольку иных данных не было, сплошняком шли анонимные могилы. Посмотришь: и ограда крепкая, и краска свежая, стало быть, не забыли родственники своих предков, да стремятся, чтобы все было подороже, покрепче, — но имя покойного написать на кресте или надгробии не удосужи-

лись. Отсюда забытые захоронения и затерявшиеся имена, что крайне осложняет превращение кладбища в некрополь.

Один такой хозяин на глазах Каткова, не имевшего ни малейшего права препятствовать ему, добрый год «ухаживал» за могилой: вначале снес фигурную, кованую, редкой красоты ограду, обломки которой тут же неведомо куда исчезли, потом врыл четыре деревянных столба, натянув между ними проволоку, наконец разжился угловой сталью и сварил новую ограду в стиле ширпотреба. Показывая ее, искусствоведы разгорячились, повели нас все дальше и дальше, демонстрируя все, что неведомо откуда и неведомо как попадает на кладбище: хром, никель, фигурный штакетник с газонов и из парков — и вытесняет искусство тульских мастеров. Я лез за ними через мусорные кучи и думал: какая, оказывается, тонкая наука — наука памяти! Кого ей учили? Меня — нет...

Священная простота и благородная сдержанность старых архитектурных форм не вызывали ни уныния, ни поверхностного возбуждения, иной раз посещающего нас при встрече с искусством. Не знаю, почему, но посещения кладбищ, особенно содержащихся в порядке, вызывают у меня только чувство просветления, уравнивающего и словно поддерживают морально в нашем хлопотливо-озабоченном бытии. Со временем я заметил, что именно на кладбищенских дорожках возникают наиболее верные решения, которые приходится принимать в случае нравственных конфликтов. Я бы не стал делиться этим личным чувством, если бы о нем же не говорили мне знакомые. Никаких глубоких мыслей на ум не приходило, да и не тянет что-то к сентенциям перед лицом вечности. Но возвращаясь оттуда, мы становились спокойнее и увереннее в нелегких решениях. Что тому причиной? Невидимые связи с миром предков? Тишина и одиночество? Искусство?

5.

Сама мысль о ценности малых архитектурных форм — оград, надгробий, склепов, кованых крестов и распятий — еще не внедрилась в сознание широкой общественности, да и администраторов. А тут еще странное право уничтожать закрытые для захоронений кладбища по истечении 25-летнего срока, то есть пускать по могилам бульдозеры, причем по могилам в общем-то свежим, на глазах детей похороненных, их близких, соседей... Конечно, правом можно пользоваться, а можно и не пользоваться. Но дело как раз в том, что право нередко воспринимается как обязанность. Старые кладбища зарастают, все больше на них бесхозных могил, все труднее содержать их в порядке силами коммунальных служб, — и местные органы ждут не дождутся, когда истечет 25-летний срок. А иногда вопрос решается и раньше — если родственники умерших не возражают. Так произошло там, где ныне стоит хоккейная коробка. Давайте задумаемся: вырастив хоккеистов, вырастим ли мы людей?

На этом фоне понятно, почему развернулась борьба за камни Всехсвятского кладбища. Правда, на братские могилы защитников Тулы рука у проектировщиков не поднялась. Но стена? Но малая архитектура? Но могилы предков? И писем в их защиту — скажу честно — мы ожидали больше.

Память и уважение к предкам оказывались скорее темой литературной; шестидесятые годы, а ухода уже нет, дорогой никель искорежен, холмики утонули в мусоре, на ограде висит дырявое ведро, внутри ограды стеклянные банки, бутылки. Хорошо, если сохранился инвентаризационный номер — по нему можно опознать безымянную могилу... Методика будущей работы постоянно прояснялась и уже пугала трудоемкостью. Мы пытались представить себе реставрацию, для наглядности, на примере небольшого и относительно ухоженного участка.

— Ограда ценная?

— Безусловно. Но ее надо поправить.

— Значит, нужны металлисты?

— Да, неплохо бы привлечь рабочую молодежь, ребят с золотыми руками. Самых разных специальностей.

— Красить будем?

— Нет. Представляете, какой это труд, какие затраты — выкрасить все ограды кладбища! А ведь года через два придется красить снова...

— Холмик?

— Ни в коем случае не трогать! Но мусор убрать надо.

— А крест? Он же гнилой, деревянный. Самоделка из двух палок.

— Если стоит — не имеем права трогать. Упадет: превратится в мусор — можно смело убирать.

— А подрост?

— Вырубить весь. Больные деревья — тоже. Оставить только здоровые, толщиной... ну, скажем, толще пальца. Такой подрост уже фиксируется на планах.

Переходим к соседней ограде.

— Художественного интереса не представляет. Но непонятно: ухаживают за этой могилой или нет. Надо выяснить... Если ухаживают — проходим мимо. Если могила бесхозная — значит, заботу о ней должна проявить общественность. Тогда ограду срезаем до высоты 20—25 сантиметров и верх делаем гладким. Во избежание травм и в соответствии с нынешними нормами. Кстати, откроется памятник...

— Вторичного использования.

— Видимо, он должен остаться на месте. Тут уж ничего не поделаешь.

— Между оградой — свергнутый саркофаг.

— Он не только сброшен с основания, но и перевернут, и расколот. Если не удастся определить, где он стоял раньше, или это место занято — ставим просто у дорожки, скрепляем цементом, очищаем от мха... Есть специальные препараты для защиты камня — вот их надо использовать.

— Когда же все это будет приведено в порядок?

— А не надо торопиться. И не дай бог, если этим займутся коммунальщики. Они же не реставраторы, понимаете? У них задание, план, утилитарное представление о благоустройстве, свои приемы, стремление использовать технику... А у нас — деликатнейшая работа на пересечении интересов различных служб и ведомств, родственников покойных, искусствоведов и общественности в широком смысле слова... Да, да, дерзанные лопаты, чтобы не повредить ушедшие в землю саркофаги... Культурный слой просеивать, как это делают археологи. Даже незначительные осколки камня собирать и складировать хотя бы в склепах — пригодятся при реставрации, могут подойти к какому-нибудь расколотому саркофагу. Самое сложное — больные деревья. Падая, они калечат ограды. Их надо спилить, но если спилишь — они опять же лягут на памятники...

Группа людей, отрабатывая методику работ, которыми никто из них раньше не занимался, уходила по кладбищу дальше, я же остался наедине с белораморным ангелом. Семейное захоронение Ванькиных — тульских меценатов, сыгравших для города ту же роль, что Третьяков для Москвы... Ангел смотрел печальным взглядом сквозь высокую ограду.

Здесь требовалась скамеечка. Должно быть в большом городе такое место. Место покоя. Уединения, размышлений... Для стариков. Впрочем, почему только для стариков?

Потом это вошло в правило — каждую пятницу после работы собираться «у Ванькиных». Отсюда началась реставрация.

6.

Первый опыт изучения исторических кладбищ на научной основе, проводившийся группой В. А. Простова и

В. К. Каткова, сам по себе был огромной работой, требовавшей несколько лет. И все же это было лишь началом, ибо выявить и описать надгробия, занести их на планшеты, скопировать эпитафии — еще не значит что-то спасти. Сами москвичи, открывшие тулякам глаза на забытые художественные ценности, постоянно добивались, чтобы по их следам шли реставраторы:

— Иначе — опишем мы Всехсвятское кладбище, сдадим свои тома в архив — и что от этого изменится?

Туляки тоже мечтали укрепить на ограде мемориальную доску, организовать экскурсии к могилам выдающихся людей, спасти кладбище и превратить его в некрополь, подобный некрополю Александро-Невской лавры. Их было не так много, как хотелось бы, людей, ставших собираться «у Ванькиных» каждую пятницу в шесть часов вечера. Но главное в том, что это были добровольцы. Мне трудно дать их коллективный портрет, потому что здесь были люди пожилые и молодые, иные приходили с детьми-подростками. Здесь были рабочие и интеллигенция, люди, имеющие на кладбище отеческие могилы, и люди, никак с ним не связанные. Субботники — если это слово применимо к вечерам накануне суббот — сопровождалось лекциями и просто беседами о прошлом.

Речь шла об открытии местной художественной школы, ибо в разных городах складывались разные традиции резьбы по камню. Однажды, когда Простов показал несколько фотографий, мы ахнули: на них были изображены белокаменные, до трех метров высотой, царственные саркофаги с пышной, едва ли не по-фламандски могучей резьбой. То был какой-то музей под открытым небом, куда водить бы туристов и молодых художников. И оказалось, что эта школа резьбы по камню существовала в подмосковном селе Мячкове, где добывался знаменитый в прошлом мячковский известняк, белый камень русских храмов и крепостей. Здесь испокон веков жили крестьяне-каменотесы, развившие собственную художественную традицию. Школа существовала здесь и больше нигде за пределами двух маленьких деревень с небольшим кладбищем, где лежат только простые мужики без чинов, званий и наград. И если завтра кто-то проведет здесь очередную дорогу — исчезнет целая художественная школа, бравшая свое начало в таинственных глубинах времен, в языческих и христианских мифах, у порталов владими́ро-суздальских соборов, прошедшая золотой нитью и через церковь Покрова на Нерли, и декор звенигородского собора на Горodie, и китоврасов Юрьева-Польского... Она исчезнет, не оставив следа, и в истории народного искусства останется зиять мертвое пятно, и потерянного никто никогда не восстановит, ибо время не течет вспять.

Вот так обстоит дело и с тульскими памятниками: их гибель означала бы гибель школы. Школы своеобразной, характерной именно для городов оружейников и металлостов, непохожей на московскую, несмотря на столь малое расстояние от Тулы до Москвы.

В столице (тут я с благодарностью вспоминаю пояснения Простова, слушать которого было не только интересно, но и по-особому приятно благодаря его задушевной интеллигентности) белый камень резали очень глубоко, как, собственно, и требует того сама структура известняка — материала не особо прочного, рассчитанного самой природой как бы на лепку рельефа. А в Туле по известняку, тем более по граниту и мрамору, резали очень-очень тонко, кружевным орнаментом, будто по ружейной ложе. И, видимо, не случайно. Сказалось профессиональное мастерство туляков, столетиями занимавшихся травлением, резьбой по стали, наносивших на пистолеты и самовары, даже на пряжки легкий затейливый узор. Прием с точки зрения сохранности памятников не очень рациональный, но это лишний раз доказывает самобытность тульской школы.

Конечно, и в Туле, и в ближайших районных городах нам встречались «типовые» московские памятники, нередко с указанием бюро, обычно Честнова на Мясницкой. Но около половины надгробий было определено как принад-

лежащие к местной школе, и их разрушение — невосполнимая утрата.

Да, кстати, не знаю, как в других местах, но в Туле белокаменные саркофаги раскрашивали в сдержанные «яконные» цвета, и следы синей, коричневой, зеленой краски иной раз встречаются то на розетках, то на адамовой голове, то на горельефной плакальнице, склонившейся над урной, то просто на торцах с ветшающими надписями. Оставалось представить себе, как все это выглядело в прошлые времена, и в воображении вставал невероятной плотности ансамбль сдержанно-благородных форм — произведений тысяч талантливых кузнецов, каменотесов, граверов, художников, резчиков по дереву, архитекторов, садовников, скульпторов... Я чуть было не присовокупил и поэтов, но с эпитафиями еще предстоит разобраться; их архаично-выспренный стиль не вызывает ответного чувства, хотя то же самое можно сказать и о полузабытых классицистах восемнадцатого века, которых тем не менее надо изучать и издавать. В любом случае и в эпитафиях отразилась сложная символика тогдашней культуры, в этой сфере более высокой, чем нынешняя, что особенно заметно при сравнении слов утешения и скорби с огорчающими сердце надписями последних лет, особенно типа «мир праху твоему» или «...умер в юбилейном году» — встречались нам и такие...

Утерянная культура — у нее бы нам поучиться!

Первые саркофаги появились на Руси, сколько известно, вскоре после ее христианизации. Но происхождение этой формы, равно как и различных типов пирамид, «дерева жизни», стел, склепов, куда более древнее — истоки искусства уходят в Древний Египет, Рим, Грецию, Этрурию, к менгирам и дольменам бронзового века, когда еще не было ни одного из современных народов, но уже родилось то, что свяжет и народы, и поколения, а именно культура.

Может быть, культура не просто включает в себя как важный компонент уважение к предкам, но и начинается с него. Ведь даже неандертальцы клали в могилы цветы — и это было, видимо, первое по времени непрагматическое деяние человека. И если наличие каменных орудий, построек объясняется физическими нуждами первопредков, то появление похоронного обряда можно интерпретировать как проявление сложных духовных импульсов, первых представлений о добре и зле, времени и красоте, жизни и смерти, как проявление социальной памяти. Не случайно археологи изучают по захоронениям не только материальную, но и духовную культуру прошлых тысячелетий.

Роясь в истории, убеждаюсь, что нигде и никогда кладбище не было отверженным, словно зачумленным местом. И мы, сельские дети, относились к нему и к теме смерти тоже ясно и просто, не стремились обходить место предков стороной, играли там в мирные игры, любил бродить, читая надписи, и уж во всяком случае несколько раз в год, особенно по праздникам, нас приводили туда родители. Воспоминания о почивших предках не были мрачными, они скорее оставляли чувство благоговения и светлой печали, и мы бы очень удивились, услышав, что только развлечения, только радость — удел ребенка, подростка, молодого человека. Не должен же оптимизм простирается до убеждения, что смерти нет, до забвения предков, соседей и рода своего, до поругания святынь! Если в тот день, когда какое-то неведомое племя не зарыло своего умершего сородича просто так, из санитарных соображений, как собаку, а проводило его в последний путь с надлежащими чувством и обрядом, если в тот день родилась человеческая культура, то не началом ли ее разрушения станет разрушение кладбищ, бурьян забвения и забота родственников не о том, чтобы хранить и помнить, а о том, чтобы могильщикам и гостям хватало водки и чтобы все было не дешевле, чем у соседей, а там... Там пусть дорогу прокладывают.

Поэтому я с особой надеждой смотрю на тех, кто выходит на субботники и кропотливо, пядь за пядью, у края безбрежного океана времени просеивает землю, ус-

танавливает на свои места камни, смывает с них грязь и мох. Сколько же надо будет работать? Десять лет? Двадцать? Скорее всего — постоянно, всегда...

7.

В двадцатые годы нашего века в Туле было семь больших кладбищ, ныне сохранилось три: Всехсвятское, Зареченское и Чулковское. Последнее связано с оружейной слободой, и именно на нем предстояло искать могилы многих знаменитых мастеров, прославивших свой город как кузницу оружия.

Тулякам идея таких поисков отчего-то не приходила в голову, но неутомимый москвич Простов, обследовав кладбище уже не по заданию Министерства культуры, а просто из энтузиазма, обещал нам много интересного. Разумеется, были кованые шатры, доверху заваленные хворостом, известняковые саркофаги с неизменными солнышками-розетками, изумительные кресты, напоминающие о талантах тульских металлостроителей, но в тот день мы поставили перед собой узкую задачу: выявить могилы и надгробия знаменитых, вошедших в историю оружейников и передать их под охрану комсомольцам оружейного завода. Поэтому мы работали небольшой группой: Простов, архитектор В. Куликов, слесарь А. Камоликов, а от прессы — Л. Дзиговская.

Из сохранившихся описаний Чулковского кладбища было известно, что выдающихся мастеров, механиков и управляющих Тульским оружейным заводом хоронили близ церкви Дмитрия Солунского, против ее апсиды. Вообще участок к югу и востоку от храма считался наиболее почетным, а так как Чулковская слобода была оружейной, то славных мастеров предстояло искать именно здесь. Сохранившееся у храма надгробие управляющего заводом Сиверса, умершего в 1840 году, подтверждало эти предварительные выводы.

Нас особенно интересовали Сурнин и Захава. Первый известен в Туле как прототип лесковского Левши, во всяком случае, таковым его считает большой знаток тульского оружейного дела доктор исторических наук В. Н. Ашурков. Насколько нам было известно, Сурнин служил механиком, подобно Левше, ездил в Англию, где ему предлагали остаться. Но он вернулся в Россию, где и умер в 1811 году в возрасте 43 лет. В отличие от лесковского героя Сурнин был женат, но это выяснилось позже. Чин у механика был невелик — титулярный советник, то есть девятый класс по табели о рангах.

Выкапывать из земли ушедшие в почву надгробия, переворачивать их — работа не из легких. Но тут нам повезло, или Простов удачно «вычислил» памятник. Во всяком случае, только две плиты, сдвинутых когда-то с их мест, нам пришлось откопать и перевернуть. И когда их отмыли, Простов, Камоликов и Куликов, перебивая друг друга и волнуясь, прочитали эпитафию:

*Покойся, милый друг, покойся в тишине.
Ты сердце взял мое, но что ж оставил мне? —
Великую печаль и юных пять птенцов.
О боже, дай мне сил снести тяжесть сих оков.*

На другой стороне плиты было высечено имя Алексея Михайловича Сурнина...

Пока ребята пыхтели, а Дзиговская бегала за водой к колонке, подошел церковный сторож. Быстро поняв, что мы не хулиганы и не похитители мрамора, он удовлетворенно спросил:

— Значит, всерьез за кладбище принялись?

Мы ответили, что всерьез, потому что и в самом деле работы велись уже на всех старых тульских кладбищах. И тут же не удержались, начали пенять сторожу на запущенность.

— Кладбище — не наше дело, — возразил он. — Наше дело — храм.

— Да ведь и церковь заросла бурьяном, как ферма

в плохом колхозе. Ну скажите, священник хоть раз советовал прихожанам содержать могилы в порядке?

— А как же, — гордо отмахнулся сторож. — Мы камни белили.

— Какие камни?

Оказалось: белили известкой старые белокаменные саркофаги. Кто-то фыркнул от возмущения, кто-то тихо рассмеялся, хотя веселого, конечно, было мало. А сторож между тем сделал выговор со своей стороны: поздно взялись мы за это дело, раньше надо было заботиться о кладбищах.

— Но ведь мы люди молодые, — возразил Куликов. — Вот вы сами — где раньше были? Чем советы давать, взяли бы лопату да помогли.

— А мне за это — что?

— Да ничего.

Сторож удивился и замолчал.

Памятник Захаве мы не нашли, но надежд не теряли. По опыту уже убедились: многие плиты находятся в самой земле, при осмотре поверхности их не увидишь. Нужно зондировать почву, удалять культурный слой, хотя этот археологический термин вряд ли применим к старым кладбищам: слой-то есть, и часто мощный, да только далеко не культурный. Простов, начинавший изучение тульских кладбищ с архивов, процитировал выдержку из «Исторического обозрения Тульской губернии» Ивана Афремова, вышедшего в 1850 году:

«Незабвенный Павел Дмитрич Захава имел чин 5 класса и орден св. Владимира III степени, св. Анны II степени с алмазами в знак отличия за 30 лет... Родился в 1779 году в Черниговской губернии, Глуховском уезде, воспитывался в морском кадетском корпусе, в 1808 году поступил на службу к Тульскому оружейному заводу. С 1810 года по настоящему призыванию своему определен в заводские механики. 1812 года... принял управление своей механической мастерской для математических инструментов и, наконец, тридцатилетней длительной службой своею обессмертил имя свое на Тульском оружейном заводе. Ему-то всероссийская победоносная армия обязана совершенствованием русских штыков... Скончался на заводе в 1839 году 19 ноября на шестидесятом году полезной своей жизни... Похоронен на Чулковском кладбище против алтаря церкви св. Дмитрия Солунского».

Имя Захавы, вероятно, мало что скажет современникам, не причастным к истории оружейного дела. Но одно из его изобретений широко известно и ныне. Это — тот штык-трехгранник, что служил русской армии многие десятилетия и дожил до Великой Отечественной войны. Он стал своего рода символом Тулы. Во всяком случае, в центре города ныне стоит памятник красноармейцу с тульской винтовкой — на нее навинчен штык Захавы. Три огромных штыка-трехгранника стоят на площади Победы у монумента воинам-ополченцам. Может быть, уже этого достаточно для того, чтобы Павел Захава не был забыт. Меня же больше всего тронуло непривычное для современников, вышедшее из употребления выражение «полезная жизнь»...

О полезной жизни Афремов, один из первых тульских краеведов, писал и в связи с именем другого выдающегося оружейника, уроженца Британии Джона Джексона:

«Виновик бессмертного дела сего заводской механик 7 класса Иван Иванович Джонс, кавалер орденов св. Анны II степени, св. Владимира IV степени, родился в Бирмингеме в 1768 году... Около семнадцати лет жил на Оружейной стороне. После ужасного пожара в 29 день июня 1834 года, видя все многолетние труды свои уничтоженными, незабвенный Джонс не вынес, занемог и в 7 день января 1835 года скончался после своей полезной жизни, оставив по себе в Туле вечную славу и бессмертие в учениках своих. Похоронен на Чулковском кладбище, где небольшой гранитный памятник, поставленный осиротевшим семейством его, указывает могилу незабвенного Джонса, заслужившего у нас общественного памятника на уединенной могиле своей».

Тот гранитный памятник, о котором говорит Афремов, мы нашли на окраине кладбища, на участке, предназначенном для христиан неправославного вероисповедания. Он сильно врос в землю и был частично разрушен: детишки в этом месте играли в войну и прямо на надгробии жгли костер, так что и гранит не выдержал. Раскололась русская часть надписи, но на другой стороне сохранилась эпитафия по-английски, и нам удалось разобрать ее.

«Джон Джонс. Родился в Бирмингеме 29 сентября 1768 года. Умер в Туле 7 января 1835 года, где, находясь при Оружейном заводе, ввел разные им изобретенные полезные машины и удобные способы производства работ».

Над этой забытой и вновь обретенной могилой В. Простов прочитал очередную небольшую лекцию. Тогда мы просто с восторгом слушали ее, но теперь я думаю, что это был символический акт, и если бы Джонс мог слышать нас, он, наверное, был бы горд тем, что его имя и его служение России не забыто.

Джонс наряду и одновременно с Захавой служил главным механиком завода — головного предприятия всех оружейных заводов России и, как сказали бы ныне, флагмана отечественной промышленности. Только Захава специализировался по измерительным приборам и инструментам, занимался прикладной математикой, а Джонс отвечал за технологическое производство, и именно он в столь давние времена впервые в мире ввел крупносерийную сборку оружия.

Дело в том, что до него оружие производили по образцам, в результате чего каждая изготовленная деталь отличалась от предыдущей. Отличалась, конечно, на чуть-чуть, но этого чуть-чуть оказывалось достаточно, чтобы при сборке требовалась подгонка, да и при ремонте тоже. Он же ввел штамповку с помощью прессов и матриц штампов, что позволило перейти на крупносерийную сборку без подгонки частей и деталей.

«С этого счастливого времени, — писал Афремов, — начинается новый блистательный период в истории Тульского оружейного производства. Тульский оружейный завод достиг всевропейской известности и славы. Механик Джонс преобразовал с самого начального основания многие заводские работы...»

Современники с восхищением и удивлением говорили и писали о том, что сотни тысяч ружей, разобранных и перемешанных в деталях своих, вновь собирались без какой-либо потери качества. Джонс произвел большое впечатление на Александра Первого, немало толковавшего с ним по-английски о талантах русского народа. Николай Первый собственноручно собирал оружие, изготовленное по принципу Джонса, «чему немало удивлялись иностранные принцы», и объявил английского механика первым экспертом в Европе.

Сам Джонс считался в Туле не только выдающимся технологом и изобретателем, но и оригиналом. О нем долго рассказывали веселые истории, рисовавшие образ человека несколько педантичного, не гнушавшегося черной работы и обладавшего ярко выраженным чувством собственного достоинства, гордостью за свою профессию. Передавали, что когда в 1823 году все работники завода в полной парадной форме ожидали прибытия Александра Первого, Джонс, хотя и явился на работу в мундире и при шлаге, спокойно работал с утра в своей мастерской. Императора ожидали в полдень, и каково же было смущение чиновников, когда Джонс спокойно выехал в этот момент с завода! Исчезновение главного инженера, каковым по современной терминологии являлся Джонс, было столь странным, что после его возвращения к нему немедленно подошли Захава и другие заводские начальники и попросили объяснений. Джонс, несколько не смутившись, ответил им с легкой улыбкой:

— Государь хорошо знает: кто много работал, тот много кушать хочет.

Оказалось, он ездил домой обедать.

Семнадцать лет изо дня в день Джонс работал в

своей мастерской, вместе с рабочими изготавливая технологические приспособления, и это давало ему, в сущности, простому мастерскому в блузе, ощущение личной независимости. «Захава и Джонс, — писал Афремов, — оба заслуживают у нас общественных памятников от тульского завода».

Общественных памятников им до сих пор не воздвигнуто. Впрочем, общественность города выступила с предложением создать памятник тульским оружейникам — если он будет сооружен, то какая-то часть его будет посвящена и Захаве, и Джонсу, и другим выдающимся мастерам прошлых веков, родившимся подчас в дальних краях и странах, но отдавшим недюжинные таланты славе русского города.

Я бы хотел подчеркнуть это важное обстоятельство. В связи с тульским оружейным делом обычно вспоминают лесковского Левшу. В Левше, конечно, отразилась правда о неграмотных, забытых, подчас и пьянствовавших мастерах, делавших тем не менее удивительные вещи. Но только часть правды. Курная изба, в которой туляки подковали аглицкую блоху, не должна заслонять от нас производивших глубокое впечатление на современников корпусов оружейного завода, типового строительства жилья для рабочих, пионерных достижений в области техники и технологии. Следует также помнить, что Тула как центр российской промышленности концентрировала талантливых выходцев из многих районов страны, Прибалтики и Европы. Косой Левша мог ежедневно общаться с англичанами у себя дома, он знал самых знаменитых конструкторов и изобретателей своего времени. В Туле формировалась многонациональная прослойка специалистов, и Джонс, убитый горем после пожара на заводе, был, видимо, не единственным патриотом Тулы нетульского происхождения.

Рядом с могилой Джона Джонса мы обнаружили надгробие его сына Ивана и дочери Натальи. Стало быть, тоже было дело с семейным захоронением. Сын, кстати, тоже был механиком оружейного завода. И еще целый ряд надгробий известных и неизвестных людей, либо полностью скрытые в земле, либо частично разрушенные, либо просто перевернутые, поросшие мхом, заваленные хворостом... Открытия ожидали нас на каждом шагу, в этом уже не было сомнений.

И думалось о долге не только перед предками, но и перед потомками. Они с нас спросят за то, что мы могли сохранить, но не сохранили. На этом я обрываю мои размышления, ибо и само дело пока не окончено: некрополей в Туле еще нет, идут работы...

РУБРИКУ ВЕДЕТ
ПИСАТЕЛЬ
Б. РЯБИНИН

Змей Горыныч собственной персоной...

Борис РЯБИНИН

Рис. Николая Кинева

— Вы хотите увидеть двухголового полоза? — переспросил меня директор зоопарка, словно бы усомнившись в истинной цели моего прихода. Значит, для него тут нет никакой диковинки; ну, а для меня... живой Змей Горыныч!

...И привела меня туда заметка в газете:

«ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ В ЗООПАРКЕ. Змей Горыныч в миниатюре появился в Душанбинском зоопарке. Это — двухголовый полоз, которого поймал инженер Аштского лесхоза А. Кушназаров и передал в секцию аква-террариума А. Лукин».

Итак, Змей Горыныч. Значит, все-таки он существует. Ну, может быть, не совсем такой, каким рисуется обычно в русских народных сказках, и все ж...

Вам доводилось видеть змею о двух головах? Мне — не доводилось. Вот я и поспешил по указанному адресу: Душанбе, Путовский спуск.

Зоопарк этот открылся в 1961 году и, надо признать, быстро завоевал признание. Наш разговор происходил в начале апреля; за три месяца 1987 года побывало уже более 10 тысяч, в основном туристы из Прибалтики, с Урала, Дальнего Востока. Это только приезжих из дальних краев. А сколько своих! За год до миллиона человек, из них 650—700 тысяч — жители Душанбе, приезжают также из Куляба, Шартуза, из соседнего Узбекистана. Хотя зоопарк не так уж велик — всего семь гектаров, но нашлись люди, для которых он стал делом жизни, и вот — результат.

Рассказать есть о чем. С гордостью сообщат вам здесь о том, что в Москву отдали снежного барса; для столичного зоопарка это оказалось ценнейшее приобретение. Среднеазиатские волки, бухарский олень — редкость, а у душанбинцев — медали за полученный приплод. Пятнистая лань, белая лань, зубр — «краснокишники», то есть занесены в Красную книгу вымирающих или уже вымерших животных, а здесь они есть, живут. Лебедь черный, лебедь-шипун, золотой

фазан, алмазный фазан, серебряный фазан, — их в природе, на свободе, не сразу найдешь, иных уж нет, а здесь есть. Белокоготный медведь... небось, и не слыхали про такого (я слышу в первый раз!). Сам собой напрашивался вывод: если служить делу сохранения живой природы самозабвенно, как подсказывает сердце и гражданская совесть, то зоопарк может и впрямь стать спасительным местом для выживания редких и исчезающих видов.

После того, что я узнал о местном зоопарке, я уже перестал удивляться тому, что мне предстоит здесь встреча с двухголовым змеем. Однако где же он? Меня разбирало нетерпение. В сказке про Илью Муромца и злого змея описывается «змей о двенадцати глав». В битве с чудовищем богатырь Илья Муромец сбивает поочередно все головы и побеждает змея. Нашим товарищам этого не пришлось делать, не потребовалось рисковать собственной жизнью. Оказалось, он, этот змей из сказки, уже заспиртован и никому никакого вреда причинить не может.

Заспиртован... это как же?! Какое же вместолище потребовалось для этого? Выясняется: змей — малютка по возрасту, около полуметра длиной, не более, но головы — две, точно. Признаться, я был несколько разочарован: такая кроха. В сказках это выглядело куда внушительнее. Но ведь две головы — факт. Как бы там ни было, Змей Горыныч в натуре. Он покоился под стеклом, под ярким электрическим светом, неподвижный: на черной подстилке, резко контрастировавшей с его белизной.

Его принесли в ноябре. Он тяжело, с трудом передвигался, в нору не может заползти. Кормили пинцетом, нижняя челюсть маленькая, недоразвита, так что и схватить пишу проблема. Первой головой (пастью) глотал хорошо, а вторая мешала охотиться. Поэтому такие особи жить не могут долго, осенью он погиб. Этот успел здесь вырасти сантиметров на пять.

Впервые зоопарковские товарищи сами нашли в горах разноцветного полоза лет семь назад, тоже две головы, но обе хорошо развиты; прожил тоже всего четыре месяца. Нарушены функции. Начинает ползти в разные стороны, одна голова приказывает туда, другая — сюда, а туловище извивается, бьется, не знает куда податься. А в общем, явление двухголовости не столь уж редкое. В Ташкентском зоопарке, например, была двухголовая кобра; в Термезе тоже есть, тоже заспиртована. Словом, все это не столь уж необычно и исключительно, природа способна сотворить еще и не то.

Многоглавые чудища, изрыгаю-

шие из разверстых пастей испепеляющие жар и пламя, грозящие проглотить тебя живьем... а ведь, наверное, они когда-то были, не исключено, что существовали в действительности: иначе откуда бы им взяться в русских народных сказках? А почему бы не так? Помнишь: сказка ложь, да в ней намек... Времена были другие, и климат на Земле был другой, резко отличный от нынешнего, жили и плодились разные дикие животные по современным понятиям — гиганты — мастодонты, динозавры, архозавры... Отчего бы и не народиться какому-нибудь «завру» (в переводе — ящер, с греческого) с двумя, тремя (а то и больше) головами! Мутация, пусть так. Нет, вправду, если сейчас природа передко преподносит нам всяческие неожиданности, то на первичной стадии формирования живых существ могло происходить и не то!..

К слову, была в Душанбе, лет 8—9 назад, и двухголовая черепаха с шестью ногами. Жаль, что ее не догадались сфотографировать, всякому было бы интересно посмотреть. Попала в зоопарк повороженная. Так же, как двухголовый полз, старается, ползет, вернее, пытается ползти одновременно в разные стороны и... ни с места. Да, только представить! Мучительное состояние. Тоже прожила недолго, такого их участь.

Не эти ли живые существа влекут людей в зоопарк?

— Думаю, что не только они, — отвечает исполняющий обязанности директора по зоочасти Александр Иванович Бабинский. — Человек, старый и малый, тянется к живой природе, и очень важно, чтобы эта тяга, этот внутренний зов, который говорит в каждом из нас, получил здоровое выражение... Экзоты экзотами, но... Зоопарк — не место для увеселения, где можно убить свободное время, а удовлетворение потребности души и здорового любопытства, точнее — любознательности, средство воспитания... так к нему и следует относиться.

— Я бы сказал: и расширение познания, представления об окружающем мире...

— А то ведь случается, — вступает в разговор Александр Владимирович Карминин, рабочий секции аква-террариума, смуглый, молодой, с короткими усиками и прямым зорким взглядом темных глаз, до этого он молча внимательно вслушивался в то, о чем идет речь, — да, случается, современный посетитель заходит в террариум: «Какая радость!» Говоришь ему: «Это не радость, а красота». Задумается. Разъяснишь, для чего, к примеру, нужны те же лягушки или ящерицы, начинает кивать головой... «Разве? Да ну?»

— Террариум, — продолжает Бабинский, — одновременно и борьба с суевериями. Поверие у мусульман: убьешь змею — сорок грехов тебе прощается... А покажешь да расскажешь о жизни змей, почему они необходимы в природе, какую пользу приносят, глядишь, меняется и отношение... Не сразу, конечно.

— Нужно время, — вставляет Карминин. Судя по выражению его лица, тема достаточно серьезная, если не сказать болезненная, отсюда и настороженное отношение, когда я принялся расспрашивать, что, да как, да почему.

Кстати, заметим, весь террариум создан их руками. «Казенных» средств не хватает, приходится самим. («А куда идут сборы от посещений?» — «В Госбанк, куда еще...») К сожалению, отсутствует естественное дневное освещение, я отметил это сразу, как вошел туда, но опять же нет худя без добра, создается некая таинственность, как будто спустился в царство подземного бога Плутона... Возможно, из такого царства и являлись легендарные змеи горынычи!

Почувствуй во мне союзника, товарищи принялись делиться своими заботами. Все мысли их — о сбережении живой природы.

Пожалуй, главная забота: в школах не развивают понимание красоты живого, культуры поведения в природе. Работники зоопарка в школах читают лекции. Традиционным стал уже День птиц, его проводят в зоопарке; осенью — День охраны природы (когда День урожая).

Теперь больше говорил Карминин.

Карминин учился на биофаке, закончил три курса, хочет доучиваться. Любит живое! Очень хороший, отзываются о нем товарищи. Естественно, его беспокоит беззащитность и дальнейшая участь диких обитателей полей и лесов.

К примеру, Тигровая балка — думают, что будет с нею. Крутом поля, хозяйственники рвутся распахивать еще. Последний след тигра видели в 1956 году. Кто знает, удастся ли увидеть еще когда-нибудь. Бинкентская долина... распахали (под хлопок). Всю. Распахивают зимой — сколько ящериц погибло! Летом бы они убереглись, убежали... а тут! Какие уж змеи горынычи, сохранить бы то немногое, что осталось...

А к этому еще: в Тигровой балке был пожар... (Причина — «королевские охоты», нет, конечно, они выразились по-другому, но я их понял: откровенное, наглое беззаконие, браконьерство, нередко с использованием своего положения, служебного транспорта, плюс наплевательское, пренебрежительное отношение к элементарным прави-

лам поведения в лесу). Сгорело до 50 оленей, кабаны и много всякой другой дичи. Вот оно, подлинное чудовище, сжигающее неотвратимо все живое: «красный петух» — огонь, который из друга легко становится врагом, и преступно бездумное, расточительное отношение...

А про Чиручёрчама слышали? Сорок четыре родника, температура 18 градусов зимой и летом. Ну и, конечно, вокруг всякое зверье. Одно из святых мест, жители охраняют. Но... Не постигла бы и его та же участь.

Дальше я знаю. Завод изоляторов в Гиссаре для рабочих создал свой маленький зоопарк. Нашлись добрые люди: собирали больных животных, подранков, выхаживали, лечили их. И вот — свой зоопарк. Довольны взрослые, а ребятишки просто счастливы. Воспитание! И работают люди хорошо, никуда не торопятся уезжать. Зоопарк тут тоже «работает»!

— Польза несомненная, — роняет Карминин. После он долго молчит. И как завершение его дум, самое сокровенное:

— Мечтаю построить зоопарк таким, каким я его вижу...

— А Змей Горыныч в нем будет?

— Непременно!..

Слово о воробье

Алексей
ПРОТАСЕВИЧ

Отдыхал я несколько лет назад в Геленджике. Жил на частной квартире. Белокаменный дом с верандой, увитой виноградом, с трех сторон окружен садом. Фасад, затененный абрикосовыми, черешневыми и вишневыми деревьями, чуть-чуть виднелся с улицы имени М. Горького, одним концом взбирающейся на склон Маркхотского хребта, а другим привольно спускавшейся к Черному морю.

У любезнейших, приятных во всех отношениях хозяев каждый день много работы. Больше всех занят хозяин дома — отставной майор Иван Тарасович. Когда все жильцы еще сладко спят, Иван Тарасович с консервной банкой медленно обходит сад. Он тщательно осматривает плети винограда, ветви смородины, ботву раннего картофеля. Выискивает вредителей буйной зелени — гусениц, жучков, устроив-

шихся на дневной отдых ночных бабочек,—бросает свои находки в банку с керосином. А затем спешит на турбазу, где ему надо успеть выдать снаряжение туристам, отправляющимся в горы...

Но раньше всех просыпался знакомый мне воробей. Он уже успел наработаться, позавтракать гусеницами и громко распевал на коньке крыши. И так каждое утро. Хозяин дома совершает свой необычный утренний моцион, а воробей поет песни всему свету и, конечно, воробьихе, сидящей в гнезде под крышей...

А однажды я не услышал знакомой песни, которая хотя и была музыкально небогатой, но не гадоедала, а какой-то незримой нитью, казалось, даже связывала с далеким отсюда родным Уралом. Предупредительнейший Иван Тарасович поспешил объяснить мне, что этот бестолковый воробей, мешая спать по утрам, не будет теперь беспокоить жильцов — прогнал его прочь, а гнездо — разорил.

Жаль мне стало и воробья, и Ивана Тарасовича. Не знал бы бывший летчик-инструктор, что воробей — первый его помощник в борьбе с вредителями сада. Не читал он о том, что пара воробьев за световой день принесит птенцов свыше 400 гусениц, не считая того, что сами еще съедят, не ведал, что выводят воробьи потомство не один раз за лето, как большинство пернатых, а дважды, трижды. Сколько вредителей было бы уничтожено воробьиной эскадрильей! Кто теперь первым возвестит Ивану Тарасовичу бодрым чириканьем весну?..

Не всякий знает, что по систематическим признакам воробьи — певчие птицы, да еще из тропического семейства ткачиковых, к которому принадлежит множество ярких, нарядных птиц Азии, Африки, Австралии. На Урале два вида воробьев. Для невнимательного глаза они одинаковы, но, если присмотреться, то это не так, особенно отличаются самцы. Воробей домовый, или городской, — с маркой, шапочкой и крупным черным пятном под клювом — галстуком. У полевого в наряде скобочки на щеках, шапочка коричневая. К сожалению, численность воробьев домовых, казалось бы, так приспособившихся к жизни около человека, уменьшается. Рвется в экологической цепи воробьиное звено. Еще лет двадцать — тридцать назад осенние табуны, спугнутые с придорожной травы, с гулом, подобным отдаленному грому, дружно взлетали и, плотно усевшись на крыше сарая, занимали весь конек. Воробьи гнездились тогда под каждым карнизом, наличником окна. Помню с детства: если

долго до прилета скворцов выставишь новый скворечник, то его обязательно займут воробьи.

Основной причиной уменьшения количества домового или городского вида послужило исчезновение в городах лошадей. Лошадь была постоянной кормилицей невзрачных птичек. Теперь не стало комьев на дорогах. Одетые в асфальт улицы и железобетонные дома не дают приюта и места для гнезда. Без всяких истребительных мер исчезают воробьи. Хотя, может быть, они и не станут в ближайшее время такими редкими, как жаворонки, перепелки, куропатки, тетерева на полях, которых истребило небрежное обращение с ядохимикатами.

Забываем, что природа не прощает ошибок. Достаточно вспомнить, что случилось в одной большой, могучей стране, где решили полностью уничтожить воробьев, якобы за большой вред. Разными способами уничтожали. Использовали даже их плохие летательные качества. Стоит погонять воробья без отдыха несколько минут — он падает замертво. Совершили непоправимое, и возросло количество вредителей сельскохозяйственных культур. Пришлось срочно принимать меры к восстановлению пернатых друзей-санитаров. Стали их закупать в соседних странах.

До 1860 года в Америке не было ни одного воробья, их завозили из Англии для борьбы с гусеницами. И скромные птички с честью справились с возложенной на них миссией. Пернатый трудяга буквально спас бостонцев от голода, когда на их полях появились гусеницы невиданного ранее насекомого.

Воробей всеядный. Нет, пожалуй, для него несъедобной пищи. Он уничтожает не только вредителей леса, сада, полей и огородов. Подберет с земли все, что обронят люди, что разлагается и привлекает мух, да и самой разносчицей заразы не побрезгует.

Пичуги изобретательны и находчивы. Приспособились жить в местах скопления людей, около продуктовых магазинов. Более того, двинулись вместе с человеком на север, освоили тундру, причем цивилизованным способом. Однажды во Владивостокском порту к теплоходу, в трюмы которого грузилось зерно, словно к магниту, потянулись воробьи. Многие из них не покинули судно, взяв курс на север, и переплыли море. А когда достигли Охотского порта, их радушно встретили жители: строили скворечники, подкармливали. Стая акклиматизировалась и начала расселяться по тундре и тайге. Впервые птицы появились на побережье Охотского моря в селе Новая Иня. И не случайно: в местном колхозе стали выращивать овес. Из истории известно,

что казаки Ивана Москвитина, три с лишним века назад пришедшие к студенным берегам Охотского моря, не встречали там вездесущих птичек.

Воробьи хоть и любопытны, любознательны, смелы, но и не менее осторожны. Их, говоря старинной пословицей, не проведешь на мякине. Много в детстве мы ловили клетками-западками разных певчих птичек — чечеток, синиц. Попадались снегири, даже щеглы и чижи. Однако не помню случая, чтобы воробей оказался захлопнутым дверцей.

Пенсионерка Л. В. Яргина рассказала давний случай:

— Случайно кушила в Свердловске на Шартанском рынке черепашку. Отпустила в комнату, предлагала ей разные кушанья. Черепашка ни к чему не притрагивалась. Вынесли в садик. Почувствовав свободу, она начала ходить, видимо, в поисках пищи. А в это время на заборе сидел воробей с коротеньким хвостиком, наверное, побывавший в отчаянной драке. Заметил черепашку. Куда она ползет, туда и он поворачивает головку. Неожиданно чиркнул и улетел. Через несколько минут вернулся с целой стайкой. Расселись шеренгой на заборе и стали внимательно разглядывать незнакомое животное. Короткохвостый суетился больше всех, видимо, что-то рассказывал. Так длилось минут пять, после чего все, как по команде, улетели.

Второй случай. Утром на крыше дома, около трубы крепко спал на солнышке, свернувшись калачиком, большой черный кот. На конек кровли длинной живой строчкой усаживается шумная компания воробьев. Чистят носы, перья, потягиваются, поджимая лапки под расправленные крылышки. Покончив с туалетом, решили развлечься. Один из них, может быть, старший или более смелый, подскакивает к спящему коту на расстояние не более метра, демонстративно поворачивается боком и замирает в такой позе. У кота задвигались усы, открылся один глаз, другой. Пробежала дрожь от носа до кончика хвоста. Осталось черной молнией метнуться, и желанная добыча будет в зубах. Кот прыгает, но воробей перед самым носом кота взлетает, а за ним снимается вся стайка.

Сию в конторе Уралмашевского лесхоза. Жарко. Ветки цветущей рябины рядом, буквально врываются в кабинет. И вдруг — воробей! Прилетел, уселся на ветку, у самого окна. Молча, деловито разглядывает пас. Щеголь с огромным, во всю грудь черным, бархатным галстуком, поворачиваясь из стороны в сторону, казалось, всем своим видом напоминал нам: смотрите, запоминайте. Редкими мы становимся. Я, может быть, сохра-

нился потому, что кто-то промахнулся в меня из рогатки. Не забывайте, что существует «Красная книга» исчезающих видов. «А что? — подумал я, — может быть, действительно воробей в какой-то мере прав? Ведь что греха таить, есть еще такие, как мой предупредительнейший Иван Тарасович, не в обиду будь ему сказано, пусть меня простит, который мимоходом, не задумываясь, разорил воробьиное гнездо...»

В гостях у белочки

Сергей
КОРКОДИНОВ

Как выберется время, тащу я внучонка в лес.

С каким удовольствием бродит он по тропкам, по траве, а то прямо по зарослям да по кочкам.

Идем с ним однажды под столетними соснами. Он неожиданно остановился, задрал голову вверх.

— Знаешь, дедушка, почему иголки у сосны всегда зеленые? — спрашивает.

— Почему же? — вроде бы удивляюсь.

А он улыбается:

— Только они не все зеленые. Видишь, сколько желтых? Но их сразу не заметишь. Потому что больше зеленых.

— Правильно, — говорю. — Сосны тоже меняют иголки, да не все сразу.

Тут он схватил меня за рукав, шепчет:

— Дедушка, на сосне белка. Смотрит на нас и не убегает.

— Знает, что мы не тронем ее, — отвечаю.

Замерли, глядим... А белочка вдруг перепрыгнула на другую ветку, пробежала по ней до самого края, потом подбросила свое маленькое тельце и перелетела на соседний тополь.

— Белка летает! — удивляется мальчуган.

— Похоже, — смеюсь. — Заметил, как она вся вытягивается, когда летит? Как птица, правда?

— А крыльев у нее нет...

— Хвостом, — говорю, — управляет. И тормозит хвостом.

По тополиной веточке белка пробежала, как по знакомой тропинке. Потом прижалась к стволу, быстро скользнула по нему к самой вершине. Чуть-чуть задержалась там, посмотрела вокруг и перемкнула на новое дерево. И опять играючи, без ошибки, без промаха — удивительно! Пролетит несколько метров, «приземлится» на облюбованной древесной лапе и тотчас припустит по ней как ни в чем не бывало. Какой расчет! Сколько легкости, изящества, красоты! Как тут не вспомнить цирковых канатоходцев или акробатов в воздушном полете. Смотри, думаю, малыш, удивляйся и запоминай.

Выпили мы на широкую поляну, передохнули.

— Замечаешь, — спрашиваю внука, — какой задумчивый и красивый стоит лес? И вроде бы улыбается нам, верно? Проходите, мол, гости дорогие, отдыхайте на здоровье, будьте как дома...

А внучонок добавляет:

— Но не забывайте, что в гостях.

Я посмеялся от души. Запомнил мальчуган мою поговорку. И в самую точку попал. В лесу ведь нельзя уж так вот напропалую хозяйничать. Лес уважения требует от гостей, я бы сказал — почета.

Незаметно притапал к Парку культуры и отдыха. Попросторней стало вокруг, посветлей. По сторонам широкой дорожки притихли высоченные тополя, кудрявые сосны, рябины. Чуть подует ветерок — падает на землю золотистый березовый листок. Нет-нет да и пролетит одинокая снежинка.

Идем по асфальту, а шагов не слышно — разноцветный ковер под ногами. За поворотом видим — народ толпится на дорожке. Андрюшка опять оживился:

— Дедушка, и тут белка!

Оказывается, эта белка сидит на дорожке, а рядом с ней стоит маленькая девочка в зеленом платочке. Она достает из кармана семечки, осторожно сыплет их на асфальт. А белка лапками, как малюсенькими ручками, подбирает семечки и кладет в рот. И моментально очищает их от шелухи. Один паренёк даже не выдержал:

— Вот это работа!

Все засмеялись. А белка щелкает семечки и только по сторонам поглядывает. На всякий случай.

Андрюша тихонько спрашивает девочку:

— Она тебя не болтает?

— Нет, уже привыкла, — отвечает девочка, — я часто ее кормлю. Когда прихожу сюда, начинаю платочкой стучать вот по этой сосне и говорю: «Белочка, пора обедать!». Она спускается с сосны и бежит на дорожку. Мы очень дружим.

И в это время семечки кончились. Белка съела последнее зернышко, подняла голову вверх, смотрит на зеленый платочек. А передние лапки вот так перед собой держит. Будто хочет сказать: «Ну

что же ты, дай мне еще немножко семечек...»

Девочка стала искать по карманам семечки и набрала целую горстку. Показала белке, и та решила брать их прямо из ладошки. Взяла, сколько смогла, и убежала. Смотрим, около своей сосны выкопала ямку, положила семечки туда. Забросала ямку иголками, листьями, землей.

— Запасы делает? — спрашивает внук.

— Конечно, зимой корма мало. Сегодня же в дупло перетасчит.

И снова пушистая зверюшка подбежала к девочке, опять набрала полный рот семечек. У сосны, где ее дупло, будет зарывать? Нет, закопала семечки у старого пенька.

Андрюшка сразу догадался:

— Если у сосны кто-нибудь семечки съест — останутся у пенька. Правда, дедушка?

— Молодец, — говорю. — Скоро мы с тобой кормушку здесь повесим.

Когда лесная красавица подбежала к девочке в третий раз, семечек действительно уже больше не было. Девочка показала белке пустые ладошки, и кроха поняла, что обед закончился. Вильнула хвостом — спасибо, мол, большое! — и мигом забралась на сосну.

Девчушка помахала рукой:

— До свиданья, белочка! Жди меня завтра.

Малыш мой смотрел не мигая. И удивлялся, и радовался вместе со всеми.

...А ведь было это 20 лет тому назад. Теперь у Андрюши растут свои дети — два шустреньких мальчугана. Вместе с папой они частенько забегают ко мне. В день рождения обязательно гостинцы принесут, обнимут.

Пришли как-то вечером. А я сидел у телевизора. Мальчишки подбежали, забрались на мои колени и сразу закричали:

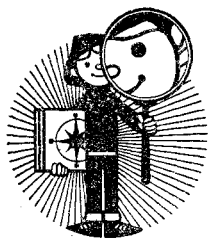
— Папа, белку показывают! Прямо на руке сидит, видишь?

Андрей тоже стал смотреть. И долго улыбался, как ребенок. Потом спрашивает:

— А девочку в зеленом платочке помнишь, дедушка?

— Еще бы! — отвечаю.

— И мне не забыть. Может, и мои ребяташки будут похожи на нее...

МИР

на лагони

Стройматериалы
из юра

Первые каменные здания Иркутска возводились на фундаментах из глыб юрских песчаников. Время их образования — 185—140 миллионов лет назад...

Песчаники залегают близко к поверхности во многих районах города.

Возведение приказной избы в Иркутске (после Тобольской она считается вторым каменным зданием за Уралом) началось в 1701 году. В фундамент были уложены глыбы песчаника, добытые на Кайской горе. При возведении старейших архитектурных памятников Иркутска — Богоявленского собора и Спасской церкви — тоже использовались юрские песчаники.

В мае 1742 года случилось сильное землетрясение. С колокольни Богоявленского собора упал шатер. Сильные разрушения причинило землетрясение 30 декабря 1861 года. И позднее из песчаника готовили конструктивные детали, связывающие кирпичную кладку. Не играли ли такие жесткие вставки роль антисейсмических поясов? Особенно это бросается в глаза на обнаженных стенах Казанского собора и Литвинцевской (по имени купца, финансировавшего строительство) церкви.

Глыбы песчаника нашли применение при выкладке подклети дома декабриста С. П. Трубецкого. Песчаник широко применялся и при строительстве подсобных помещений — сараев, складов, противопожарных стенок.

«Соперник» у песчаника появился почти одновременно с его первым применением: в 1701 году в Иркутске началось производство кирпича. «Конкуренция» продолжалась почти 200 лет и закончилась в пользу последнего.

А. ИВАНОВ.

Рекорды из-под земли

Рекордными находками отмечены обычные строительные операции последнего времени в разных странах. В Италии рабочие наткнулись, расчищая площадку для сооружения

жилого дома, на захоронения, относящиеся ко времени цивилизации этрусков. Расчищены десять гробниц, которым уже 27 столетий.

Польские реставраторы работали в центре столицы Латвии — Риге, где они восстанавливают часть старинных домов. Под асфальтом дороги на глубине 4 метра «споткнулись» о кирпичную кладку, из которой посыпались золотые украшения. Клад раскапывали несколько часов и добыли более 2,5 килограмма драгоценностей.

Отличились и археологи. Экспедиция Каирского университета раскопала в Саккаре самый крупный из прежде известных саркофагов. Его вес — 24 тонны. Предполагают, что в саркофаге-гиганте был захоронен один из приближенных фараона Рамсеса II.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Проза
страусиной фермы

Самые крупные яйца, как известно, несут страусы. Одно, до 15 сантиметров в длину, страусиное яйцо весит почти два килограмма.

На специальных фермах, организованных в странах Африки, страусов разводят, но, конечно, не только и не столько ради гигантских яиц. (Птицы в гнездовой период откладывают лишь семь-девять штук — не более). Фермеры торгуют перьями, мясом, кожей страусов. Из последней выделывают, в частности, сумочки, кошельки и даже обувь. Проза жизни, одним словом.

Е. СОЛДАТКИН

Музей длиной 85 км

Кругобайкальская железная дорога — это последний по времени постройки участок Великого Сибирского Пути. Долгий был выбор окончательного варианта прокладки дороги вокруг южной оконечности озера.

В 1898 году, когда Транссибирская магистраль дошла с запада до Иркутска, а с востока протянулась до станции Мысовой (г. Бабушкин), на

Кругобайкальской трассе еще велись изыскания. В июне 1901 года Комитет по сооружению Сибирской железной дороги утвердил направление прокладки пути по одному из четырех рассматривавшихся вариантов. Кругобайкальская железная дорога должна была пройти от уже построенной станции Байкал, что у истока реки Ангара, через Култук, Слюдянку и далее по восточному берегу озера до станции Мысовая.

По сложности ведения работ резко выделялся западный участок — от станции Байкал до станции Култук протяженностью 85 км. Берег озера здесь крут, нередко совершенно отвесно уходит на значительную глубину в озеро.

За короткое время, с марта 1902 по сентябрь 1904 года, было сооружено 40 тоннелей, около 50 каменных и железобетонных галерей, защищающих путь от обвалов и камнепадов, множество коротких и несколько крупных металлических мостов. Высочайшим было качество работ: большинство инженерных сооружений и построек и сейчас находится в хорошем состоянии.

В 1908 году началась прокладка второй колеи Кругобайкальской дороги. Были сооружены новые мосты, виадуки, подпорные стенки, несколько галерей и два новых тоннеля. Прокладка колеи закончилась в 1915 году.

Судьба западного участка Кругобайкальской дороги через сорок лет круто изменилась. Водохранилище Иркутской ГЭС, построенной в 1957 году, подтопило железнодорожное полотно на участке от Иркутска до станции Байкал. Основной путь Транссиба от Иркутска был к тому времени перенесен в долину реки Ольхи с выходом на старую магистраль у Култука.

Какова же дальнейшая судьба западного участка Кругобайкальской железной дороги?

Было мнение, что дорога убыточна, быстро разрушается, поэтому предполагалось убрать рельсы, а по земляному полотну положить асфальт. Однако до этого дело не дошло.

Любое промышленное внедрение в природу Байкала, тем более железной дороги, вредно, инородно. Но Кругобайкалка — счастливое исключение: она гармонично вписывается в береговую полосу своими многочисленными тоннелями, галереями.

Ученые, специалисты, проводя всесторонние исследования, рекомендовали создать на западном участке заповедную железную дорогу.

Б. ЛИТВИНОВ

См. 4-ю стр. обложки

И С Е Р Ь Ё З Н О Е И К У Р Ь Ё З Н О Е

Праздничная шаль

Не все казаки с Дону...

...До двадцати лет казак числился малолетком; до пятидесяти пяти — служилым; еще пять лет — домоседным, а потом уж — отставным. Сословие это одно, а войск образовывало несколько: Донское, Уральское, Кубанское, Терское, Оренбургское...

Поскольку казак был поселенным воином, служил «по вызову» — военную форму он имел, но в повседневном быте любил ходить нараспашку, в нестесненной одежде. Однако с одним казаки не расставались никогда — с форменной фуражкой.

«Служивское» платье у казачьих войск по всей России было одно: пригнанный в талии мундир и широкие шаровары с лампасами. Разница только в цвете лампасов и околыша фуражки: он мог быть голубой, алый, малиновый. Так называемый «приборный» цвет. У оренбургских казаков «приборный» цвет — красный.

Большой коллекцией казачьей одежды располагает музей истории города в Оренбурге. У местных казаков, как и у прочих, была своя регламентация в одежде: для службы, для воскресных праздников, повседневные костюмы, обрядовые...

Женская одежда, как всегда, разнообразнее мужской. В оренбургских станицах казачки часто следовали городской моде. Кофты в талию или с плотно облегающим лифом носили девушки и молодые женщины. Женщины старшего возраста предпочитали просторные кофты и широкие юбки. В отдаленных селах долго сохранялся старинный костюм — штофный сарафан, который стоил дорого и, как правило, передавался по наследству. Повседневным костюмом служили сарафаны из тканей подешевле: сатина или ситца с мелким рисунком, холста.

Неизменным украшением служил платок-шаль — богато расшитый, отделанный кружевом или искусно связанный. Отличительная черта быта оренбургских казачек — пухово-вязальный промысел. От старых казачьих традиций сохранился и поныне знаменитый оренбургский платок.

Фото Игоря Горячева

Парадное платье сакмарской казачки

НАТЮРМОРТ. Николай Ерохин, г. Оренбург

